
Мария Луиза
Фон Франц
Джеймс
Хиллман
Лекции
по юнговской
типологии

ЛЕКЦИИ ПО ЮНГОВСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Подчинённая функция

Мария-Луиза фон Франц

Чувствующая функция

Джеймс Хиллман

2-е издание (электронное)

Москва

• Институт общегуманитарных исследований •

2018

LECTURES ON JUNG'S TYPOLOGY

The Inferior Function

Marie-Louise von Franz

The Feeling Function

James Hillman

Spring Publications, Inc.
Woodstock, Connecticut

современная психология:
теория и практика

УДК 159.922.7
ББК 88.5
Л43

Л43 **Лекции по юнговской типологии** [Электронный ресурс] : сборник / пер. с англ. — 2-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 197 с.). — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2018. — (Современная психология: теория и практика). — Систем. требова-ния: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Содерж.: Подчиненная функция / М.-Л. фон Франц. ; Чувствующая функция / Д. Хиллман.

ISBN 978-5-7312-0960-1

Аналитический дуэт двух ближайших учеников и сподвижников швейцарского психолога Карла Густава Юнга представляет свое понимание базовых составляющих психологической типологии. Луиза фон Франц фокусирует внимание на наименее осознаваемой человеком подчиненной психологической функции, а Джеймс Хиллман рассматривает наиболее сложную для понимания чувствующую функцию, которую сам Юнг назвал «королем суждений». В лекциях рассматриваются и многие другие важнейшие элементы аналитической психологии: личность, персона, анима, анимус, материнский комплекс… Авторы развивают и углубляют исходные представления юнговской типологии, связывают их с современными психическими реалиями.

Книга будет интересна и полезна не только специалистам-психологам, но и широкому кругу читателей, интересующихся внутренним миром человека.

УДК 159.922.7
ББК 88.5

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Лекции по юнговской типологии : сборник / пер. с англ. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017. — (Современная психология: теория и практика) . — 196 с. — ISBN 978-5-88230-200-8. — Содерж.: Подчиненная функция / М.-Л. фон Франц. ; Чувствующая функция / Д. Хиллман.

ISBN 978-5-7312-0960-1

Благодарности

Мои четыре главы в этом томе представляют собой курс лекций, прочитанных в Институте К.Г. Юнга в Цюрихе в течение зимнего семестра в январе 1961 г. Вид глав в книге несколько отличается от лекций; так например, в книге вопросы и ответы сгруппированы, а редакторы перемещали части текстов в соответствующих главах.

Мне хотелось бы выразить благодарность Уне Томас; безукоризненная печать материала, выполненная ею, заложила основу для публикации этих глав. Я также весьма благодарна Мюррею Стайну за ту форму семинара, в которой он существует в настоящее время, вследствие его превосходного редактирования.

Мария-Луиза фон Франц, Январь 1971

Последующие главы этого тома представляют собой результат лекций, прочитанных в течение 1962 и 1963 гг. в Лондоне, Бостоне и Хьюстоне на тему «Чувство», а затем в Институте К.Г. Юнга в Цюрихе в течение летнего семестра на тему «Чувствующая функция». Я заново просмотрел их для этой публикации. Элинор Маттерн записала их на диктофон и отпечатала рукопись, на основе которой я пересмотрел тексты лекций. Маргит ван Лейт Франк тщательно прочла первый вариант рукописи и внесла ряд полезных предложений.

Джеймс Хиллман, Октябрь 1971

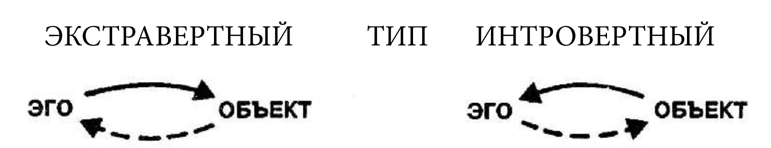
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Подчиненная функция

Мария-Луиза фон Франц

Глава 1. Общая характеристика подчиненной функции

Психологические типы — одна из ранних книг Юнга. Он писал ее, являясь во многих отношениях первопроходцем. Со времени ее создания идея четырех функций сознания, обеспечивающих сознательную деятельность человеческой личности, доказала свою огромную продуктивность. Кроме того, эта идея, выдвинутая и развитая Юнгом, по-новому раскрыла религиозную проблему трех и четырех.

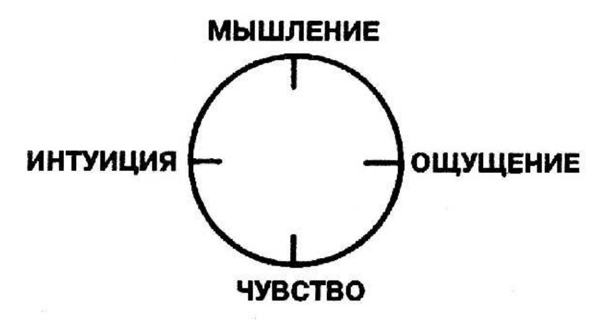
Для тех, кто не знаком с данной областью, я должна дать краткий обзор самой структуры четырех функций в юнгианской психологии. Вначале Юнг дифференцировал установки двух типов: экстраверта и интроверта. У экстраверта сознательное либидо обычно направлено на объект, но вместе с тем происходит и скрытое бессознательное контрдействие, направленное обратно к субъекту. В случае же интроверта происходит противоположное: он чувствует себя так, как будто объект постоянно пытается подавить его, вынуждая постоянно отступать. Все буквально наваливается на него, впечатления поглощают все его внимание, но он не осознает, что по причине своей бессознательной экстраверсии тайно обменивается с объектом психической энергии.

Приведенная диаграмма показывает разницу между интровертом и экстравертом. Существование четырех функций — ощущения, мышления, чувства и интуиции, каждая из которых может принимать экстравертную или интровертную форму, приводит к появлению восьми психологических типов: экстравертного мыслительного, интровертного мыслительного, экстравертного чувствующего, интровертного чувствующего и т.д.

Думаю, вы имеете представление о взаимном расположении четырех функций и знаете, что две рациональные функции (мышление и

чувство) противостоят друг другу так же, как и две иррациональные (ощущение и интуиция):

Часто задают вопрос: «Почему должно быть именно четыре функции, а не пять и не три?». Теоретически на него ответить невозможно. Нужно проверять факты и выяснять, можно ли построить другую типологию, ограничившись меньшим числом функций или увеличив их количество. Для Юнга оказалось большим откровением, что он нашел подтверждение своей, скорее, интуитивно родившейся идее о модели четырехмерной структуры психического в том, что в мифах и религиозной символике столь часто встречается модель четырехмерной структуры психического. Изучая поведение своих пациентов, он также находил подтверждение того, что ему, по-видимому, удалось установить базовую структуру относительно основных принципов построения структуры психического. Конечно, базовая структура психического, не сводящаяся только к формам сознания, в общем случае представляется как примитивное проявление бессознательного, обычно принимающее вид недифференцированного квартериона. Существуют четыре более или менее однородных принципа или элемента: четыре цвета, четыре угла, четыре бога и т.д. Чем более тесно они связаны с сознанием, тем более они склонны становиться тремя животными и одним человеческим существом или тремя добрыми богами и одним злым. Существуют и более дифференцированные мандалы, в которых четыре полюса четверичной структуры отличаются друг от друга, в особенности, если материалы прорабатываются сознательно и тщательно. В этих случаях часто возникает классическая проблема трех и четырех, о которой так много писал Юнг. Это означает, что когда в этой базовой структуре одна из функций становится сознательной, или становятся сознательными три функции, происходит изменение базовой структуры психического. Ни в психо-

логии, ни в любой другой реальной области не существует односторонне направленного действия — всегда имеется и противодействие, и если бессознательное вторгается в поле сознания, происходят изменения и в структуре самого бессознательного. Поэтому когда в сновидениях или мифах мы обнаруживаем измененную форму базовой структуры, это означает, что функции частично стали сознательными и, благодаря возникшему противодействию, базовая структура психического приобрела измененную или модифицированную форму.

Дифференциация типов начинается в раннем детстве. Например, две установки — экстравертную и интровертную — можно заметить, хотя и не всегда достаточно отчетливо, у ребенка одного-полутора лет. Юнг наблюдал одного малыша, который, прежде чем войти в комнату, требовал назвать ему все находившиеся там предметы: столы, стулья и т.п. Это типично для выраженной интровертной установки, когда объект вызывает страх и его необходимо или убрать, или определить ему место словом или жестом, которые сделают этот объект знакомым и безопасным. Если вы знаете, как следует искать и обнаруживать подобные детали, то нетрудно выявить тенденцию к интроверсии или экстраверсии у совсем маленького ребенка.

Конечно, сами функции в таком раннем детстве еще не проявляются, но к детсадовскому возрасту, по тому, какому виду занятий отдает предпочтение ребенок и как он ведет себя по отношению к другим детям, обычно уже можно определить развитие его ведущей функции. Дети, как и взрослые, имеют склонность заниматься тем, что у них хорошо получается, и избегать того, что им дается с трудом. Наверное, большинство людей поступают так же, как поступала я со своими домашними заданиями: поскольку мне хорошо давалась математика, я занималась ей в первую очередь, оставляя задания по предметам, в которых была слабее, на самый конец. Тенденция откладывать или перекладывать на других дела, в которых чувствуешь себя не на высоте, вполне естественна. Благодаря такому поведению, односторонность имеет тенденцию к возрастанию. Постепенно возникают семейные установки: умный ребенок должен продолжать учиться; ребенок, проявляющий одаренность в практических делах, должен стать инженером. Уже существующие односторонние тенденции, так называемые «способности», усиливаются под влиянием окружающей среды, и таким образом происходит быстрое развитие ведущей функции и медленное угасание других сторон личности. Этот процесс неизбежен и, разумеется, обладает большими преимуществами. Разви-

тие многих людей хорошо укладывается в эту схему, и их тип сразу виден, однако есть люди, тип которых определить очень трудно.

У некоторых проблемы при определении своего типа возникают из-за того, что они принадлежат к искаженным типам. Эти не слишком распространенные ситуации имеют место вследствие того, что человек, который в естественных условиях проявил бы себя как ощущающий или интуитивный тип, вынужден под влиянием окружающей среды развивать другую функцию. Представим себе мальчика, который от рождения принадлежит к чувствующему типу, но растет в семье с большими интеллектуальными претензиями. На него будут оказывать давление с целью воспитать интеллектуала, а его изначальные предрасположения, свойственные чувствующему типу, будут игнорироваться или даже пресекаться. Как правило, такой ребенок не сможет превратиться в человека мыслительного типа, это было бы слишком сильным изменением его личности. Однако у него могут хорошо развиться ощущение или интуиция, т.е. одна из подчиненных функций, что позволит ему несколько лучше приспособиться к своему окружению, но его ведущая функция в среде, в которой он растет, окажется просто выключенной.

Искаженные типы имеют свои преимущества и недостатки. Главный недостаток заключается в том, что человек с самого начала не может развить свою изначальную предрасположенность, поэтому она не достигает того уровня, которого достигла бы в случае одностороннего развития. С другой стороны, такой человек вынужден опережать время, развивая способности, необходимость в которых возникнет только в его дальнейшей жизни. Проведя соответствующий анализ, такому человеку можно помочь вернуться к изначальному типу. При этом он сможет быстро развить нужную функцию, так как изначальные склонности окажут ему в этом существенную помощь. Человека, которому это удалось, можно сравнить с рыбой, которой выпало счастье вернуться в воду.

Другой особенностью ранних стадий развития ведущей функции является тенденция распределения в семье функциональных обязанностей. Так, один из ее членов играет роль семейного интроверта, другой берет на себя все практические дела, третий выступает домашним провидцем и пророком и т.д. Остальные члены семьи с радостью отказываются от реализации этих функций, так как один из них может это делать гораздо лучше. Такое разделение «обязанностей» приводит к возникновению жизнеспособного, хорошо функционирующе-

го коллектива, и только после его распада входившие в него люди начинают испытывать трудности. В большинстве семей, как и в других группах, существует сильная тенденция решать проблемы, распределяя обязанности и полагаясь на ведущую функцию другого.

Как указывает Юнг, существует тенденция вступать в брак с человеком противоположного типа. Таким образом, на какое-то время супруги избавляются (или думают, что избавляются) от неприятной необходимости использовать свою подчиненную функцию. В начале семейной жизни это оказывает чрезвычайно благотворное влияние и является одним из главных источников супружеского счастья: вдруг исчезает давление подчиненной функции, и супруги начинают жить в благословенном единстве друг с другом, любая проблема легко разрешается. Но если один из супругов умирает, или у кого-то из них возникает потребность развить свою подчиненную функцию, вместо того чтобы продолжать уступать соответствующую сферу жизни другому, начинаются трудности. То же происходит и при выборе аналитика. Люди часто стремятся искать помощи у аналитика, принадлежащего к психологическому типу, противоположному их собственному. Например, человек чувствующего типа, которому трудно думать, восхищается тем, кто умеет это делать. Однако рекомендовать такой подход нельзя, так как если кто-то постоянно общается с человеком, превосходящим его в каком-то отношении, он может полностью положиться на него и потерять желание совершенствоваться самому. Человек может испытывать облегчение от того, что его освободили от обязанности думать, но это не лучшее решение проблемы. Поэтому Юнг старался сводить вместе людей с одинаковыми недостатками. Он утверждал, что два дурака, из которых ни один не может думать, общаясь друг с другом, обязательно попадут в ситуацию, когда, по крайней мере, один из них вынужден будет начать думать! Это справедливо и по отношению к другим функциям: каждый будет надеяться, что необходимую работу за него сделает другой. Аналитику, имеющему дело с клиентом психологического типа, противоположного его собственному, надо быть особенно осторожным и не злоупотреблять демонстрацией своей ведущей функции. Необходимо, скрывая свои истинные возможности, постоянно делать вид, что вы чего-то не знаете, не понимаете, о чем-то не имеете ни малейшего понятия — и т.п. Приходится подавлять свою ведущую функцию, чтобы не парализовать первые робкие попытки пациента использовать свою слабую функцию.

Надо признаться, мы не знаем, что именно определяет изначальные базовые установки. Юнг в конце своей книги «Психологические типы» обращает внимание на возможные биологические параллели. Он приводит в качестве примера два способа приспособления животных к окружающей среде: неограниченное размножение при подавленном защитном механизме (например, блохи, вши и кролики) и немногочисленное потомство при великолепных защитных механизмах (например, ежи и слоны). Таким образом, в природе реализуются две возможности взаимодействия с окружающей средой: вы можете защититься от нее, строя свою жизнь максимально независимо, и можете устремиться во внешний мир, преодолевая трудности и завоевывая его. Таковы интровертный и экстравертный способы функционирования в биологической сфере.

Я думаю, можно пойти и дальше. Когда Юнг писал свою книгу о типах, существовало сравнительно мало публикаций о поведении животных. Исследования же, изложенные в современных книгах, показали, что в большинстве паттернов поведения животных наблюдается *mixtum compositum* (смешение) факторов. Было выяснено, что одни аспекты поведения животных обусловлены чисто внутренними причинами, т.е. они вступают в игру без какого-либо внешнего стимула, а другие в большой степени зависят именно от внешних стимулов. Генрих Хедигер, профессор зоологии Цюрихского университета и директор Цюрихского зоопарка, в своих недавних лекциях указывал на то, что человекоподобные обезьяны неспособны к половому акту до тех пор, пока не увидят его в исполнении своих сородичей. В то же время у многих других животных ситуация прямо противоположная — необходимости в наблюдениях за спариванием животных своего вида нет, им достаточно внутреннего побуждения. Если в зоопарке высшие обезьяны воспитываются, не видя особей противоположного пола, они остаются такими же несведущими и некомпетентными, какими оказываются в аналогичной ситуации люди. Таким образом, очевидно, что поведение животного частично зависит от внешних факторов, а частично обусловлено врожденными задатками. Поведенческий паттерн является результатом взаимодействия внутренних и внешних факторов.

Проводились эксперименты по инкубации яиц аиста без контакта со стаей. Выпущенные на волю птенцы, вылупившиеся из яиц аистов, летавших в Африку через Югославию, отправлялись в путь также через эту страну, а птенцы, выведенные из яиц птиц, которые летали в

теплые края через Испанию, летели в Африку через Испанию. Это доказывает, что птицы целиком полагались на инстинкт, который подсказывал им, каким путем можно достичь Африки. Но если аиста, вылупившегося из яйца «югославской» стаи, поместить с птицами, летающими через Испанию, он полетит с ними, а не последует своему врожденному инстинкту. Это четко демонстрирует две возможности: можно действовать под влиянием внешних факторов и социального давления и можно следовать врожденным склонностям. Изучение таких предформ типов поведения, открытых у животных, может явиться интересной темой диссертационной работы, так как чтобы ответить на вопрос, как определенная установка возникает у человека, необходимо сначала рассмотреть с этой точки зрения поведение животных.

Мне бы хотелось теперь дать характеристику общего поведения подчиненной функции. Можно сказать, что подобно тому, как ведущие функции имеют тенденцию вести себя определенным образом, так и для любой подчиненной функции характерен общий тип поведения.

Поведение подчиненной функции чудесным образом отражено в сказках с сюжетом следующей структуры. У короля есть три сына. Он любит двух старших, а младшего считает дураком. Король дает сыновьям задание — отыскать живую воду или найти самую красивую невесту, или изгнать тайного врага, ворующего каждую ночь лошадей или золотые яблоки из королевского сада. Обычно сначала два старших сына отправляются выполнять задание и терпят неудачу. Тогда третий сын седлает своего коня, а народ потешается над ним и советует остаться дома на печи, где ему и место. Однако именно ему удается выполнить трудное задание.

Эта четвертая фигура — третий сын (четвертая фигура в структуре) — обладает, согласно мифам, особыми качествами. Иногда он самый младший, иногда глуповат, а иногда просто круглый дурак. Существуют разные версии сказок, но этот персонаж всегда попадает именно в такую категорию. В прекрасной русской сказке, например, он выглядит законченным идиотом. Два старших сына выезжают из конюшни своего отца на чудесных лошадях, а младший берет маленького лохматого пони, садится задом наперед и уезжает, осмеянный всеми. Это, конечно, русский герой Иван, и он-то и унаследует королевство. Есть сюжеты и о калеке, и о солдате, который бежал из ар-

мии, или был ранен и потерялся в лесу. Героем сказки может быть и бедный крестьянин, становящийся королем.

Во всех этих случаях мы имеем дело не просто с четырьмя функциями — дурак представляет собой архетипическую религиозную фигуру, символизирующую не только подчиненную функцию. Эта фигура включает в себя оставшуюся скрытой часть человеческой личности, или даже всей человеческой природы, и потому обладает изначальной природной целостностью. Она символизирует специфическую, преимущественно религиозную функцию. Но поскольку в мифологии дурак в группе из четырех человек появляется четвертым, у нас есть определенное право предполагать, что его образ отражает общее поведение подчиненной функции. При интерпретации сказок я часто пыталась провести дальнейшую конкретизацию и приписать королю мыслительную функцию, а младшему сыну — чувствующую, но, как показывает мой опыт, это не получается. Чтобы заставить данную схему работать, необходимо исказить исходный материал или прибегнуть к каким-нибудь нечестным трюкам. Поэтому я пришла к заключению, что мы не можем идти дальше по этому пути и должны остановиться на том, что в мифологии третий сын, или дурак, символизирует общее поведение любой подчиненной функции, ее общие очертания, а не индивидуальные или специфические черты.

Если перейти к рассмотрению отдельных личностей, можно увидеть, что подчиненная функция имеет тенденцию вести себя на манер такого «глупого» героя: юродивого или простофили. Он символизирует не только презираемую часть личности, нелепую и неприспособленную, но также и ту ее часть, которая осуществляет связь с бессознательным и обладает таинственным ключом к личности во всей ее бессознательной цельности.

Можно сказать, что подчиненная функция строит мост к бессознательному. Она всегда тяготеет к бессознательному и к миру символов. Однако нельзя утверждать, что она направлена только вовнутрь или только вовне — в каждом случае это индивидуально. Например, интровертный мыслительный тип имеет подчиненную экстравертную чувствующую функцию — она направлена к внешним объектам, на других людей, но эти люди имеют для данного типа символическое значение, являясь носителями бессознательного. Символическое значение бессознательного возникает извне, как качество внешних объектов. Если интроверт, с его привычкой к интроекции, говорит, что ему не нужно звонить г-же NN — она всего лишь символ его анимы и,

следовательно, символична, и фактическая личность в данном случае не имеет значения; она просто стала объектом его проекции, — то он никогда не доберется до глубины своей подчиненной функции. И не воспримет это как внутреннюю проблему, поскольку в действительности чувствующая функция у мыслительного интровертного типа обычно экстравертна. Благодаря такой уловке, он просто пытается с помощью ведущей функции овладеть своей подчиненной функцией и загнать ее обратно внутрь. Чтобы обеспечить доминирование своей ведущей функции над подчиненной, он интроецирует объект и делает это в самый неподходящий момент. Интроверт, который хочет интроецировать свою подчиненную функцию, должен вступать в отношение с внешними объектами, имея в виду, что они символичны. Однако ему не следует делать вывод о том, что они *только* символичны и поэтому их можно просто игнорировать. Это неподобающая, нечестная уловка, к которой прибегают многие интроверты во взаимоотношениях со своей подчиненной функцией. Естественно, экстраверты делают то же самое, только наоборот. Таким образом, не следует утверждать, что подчиненная функция всегда направлена вовнутрь. Она стремится к бессознательному, независимо от того, проявляется ли оно внутри или снаружи, и всегда служит хранителем символического опыта, который может придти как изнутри, так и извне.

Описывая общие черты подчиненной функции, необходимо отметить свойственную ей медлительность по сравнению с ведущей. Юнг называет ее инфантильной и деспотичной. Рассмотрим это положение поподробней. Медлительность подчиненной функции является одним из ее главных недостатков и причиной того, что люди ужасно не любят приступать к работе с ней. Ведущая функция реагирует быстро и соответственно обстоятельствам, в то время как многие люди не имеют представления о том, где же на самом деле находится их подчиненная функция. Например, мыслительные типы не знают, есть ли у них чувствующая функция и какова она. Таким людям требуется просидеть полчаса, размышляя о том, испытывают ли они по отношению к чему-то чувства, и если да, то какие именно. Если спросить человека мыслительного типа, что он чувствует, то, как правило, полученный ответ будет содержать только мысль, или данный человек отделается стандартным ответом. А если вы все же будете настаивать и пытаться узнать, что он в действительности чувствует, выяснится, что человек и сам этого не знает. Понадобится не менее получаса, что-

бы вытянуть у него вразумительный ответ чуть ли не из глотки. Другой пример: интуитиву (человеку интуитивного склада), чтобы заполнить налоговую декларацию, нужна неделя, в то время как люди другого типа справятся с этой задачей за день. Он просто не может сделать это, как другие, а если попытается действовать аккуратно и по всем правилам, ему потребуется целая вечность. Мне как-то довелось выбирать блузку с одной моей знакомой — женщиной интровертного интуитивного типа. Больше никогда в жизни не отважусь на такой поступок! На покупку потребовалась вечность, весь персонал магазина был доведен до состояния, близкого к помешательству. Но ускорить этот процесс было невозможно. Проявление нетерпения не помогает. Понятно, что именно так обескураживает нас при взаимодействии с подчиненной функцией: на нее просто не хватает времени.

Этому помочь нельзя. Перешагнуть через данную стадию невозможно. Если человек теряет терпение и говорит: «ну и черт с ним!», это значит, что он не справился с ситуацией. Положение становится безнадежным — стало быть, с четвертой функцией покончено, и она замещается каким-нибудь искусственным механизмом — какими-нибудь «костылями». Ускорить процесс невозможно, разве что чуть-чуть; подчиненная функция никогда не достигает скорости ведущей. Медлительность подчиненной функции обусловлена вполне понятными причинами. Если вы начнете задумываться о поворотном моменте своей жизни, старении и уходе в себя, то поймете, что для замедления всего жизненного процесса необходимым средством является обращение к подчиненной функции. Поэтому к медлительности нельзя относиться с нетерпимостью, не следует пытаться воспитывать «эту чертову подчиненную функцию». Лучше следует принять как факт кажущуюся бессмысленной трату времени. Это — цена за шанс бессознательного появиться в сознании.

Другими типичными аспектами подчиненной функции, также связанными с ее неспособностью к приспособлению и примитивностью, являются ее ранимость и деспотизм. Большинство людей становятся крайне капризными, когда их подчиненная функция затрагивается тем или иным способом; они не могут вынести малейшей критики и всегда чувствуют себя обиженными, теряют уверенность в себе и в результате, естественно, терроризируют всех вокруг — все вокруг должны ходить «на цыпочках». Если вы захотите сказать человеку что-нибудь, затрагивающее его подчиненную функцию, то вступите на скользкую дорожку — ни малейшей критики в свой адрес человек

не потерпит. В этой ситуации требуется *rîte d'entrée* (обряд вступления): нужно дождаться подходящего момента, создать сугубо мирную атмосферу, и только тогда осторожно, с длинной вступительной речью, позволить себе легкую критику, связанную с действием подчиненной функции.

Простое высказывание критического мнения может привести человека в исступленное состояние, довести его до бешенства, и ваши отношения окажутся безнадежно испорченными.

Я впервые с изумлением столкнулась с этим много лет тому назад, когда еще училась. Знакомая студентка показала мне написанную ею статью. Она относилась к чувствующему типу. Статья была очень хорошей, но в одном месте, где она переключалась с одной темы на другую, я заметила разрыв в ходе мысли. То, о чем она говорила, было вполне справедливо, но с точки зрения человека мыслительного типа, не хватало логического перехода. Я сказала, что считаю статью превосходной, но на одной странице можно было бы сделать лучший логический переход. В ответ она чрезвычайно разволновалась и воскликнула: «Все погибло, я это сожгу». И она выхватила статью из моих рук со словами: «Я знаю, это — ерунда, я все сожгу». Мне с трудом удалось вырвать листы из ее рук: «Ради Бога, не надо сжигать ее!» «Не пытайся переубедить меня, — ответила она, — я знала, что тебе все это покажется ерундой», и она продолжала действовать в том же духе. Когда «буря» наконец утихла, и мне удалось вставить слово, я сказала: «Тебе не надо даже ничего перепечатывать. Единственное, что необходимо для логического перехода — это вставить небольшую фразу, всего одно предложение между двумя частями». Буря разразилась с новой силой, и мне пришлось сдаться!

При следующей встрече она рассказала, как всю ночь после нашего разговора ей снилось, что ее дом сгорел, причем огонь начался с крыши. Я подумала: «О, Боже, что за люди эти чувствующие типы!» Для нее написание статьи явилось огромным достижением, а формулирование мыслей практически исчерпало ее возможности. Она была просто неспособна сделать еще хоть что-нибудь! Ведь с моей стороны не было и намека на критику, а лишь совет, как слегка улучшить работу. Этот пример мне кажется экстремальным случаем того, что может произойти с подчиненной функцией. Ее носитель тиранит всех окружающих своей обидчивостью; ведь именно обидчивость, раздражительность и представляют скрытую форму тирании. Чувствительные типы — настоящие тираны: все должны приспосабливаться к ним, а

они сами даже не пытаются приспособиться к другим. Но даже у хорошо адаптированных людей, как правило, все-таки существует чувствительная струна, затронув которую, вы не сможете продолжать разумный диалог, вам придется искать окольные пути, уподобляясь укротителю тигров или слонов.

В произведении Ван Дженнепа *Les Rîtes de Passage* («Ритуалы перехода») можно найти примеры того, как исследователи приближаются к поселениям первобытных племен. Они вынуждены останавливаться в нескольких милях от селения, после чего к ним выходят трое посланцев. Их следует убедить, что исследователи не имеют никаких дьявольских устройств, и особенно в том, что они не намерены использовать против них черную магию. Затем посланцы удаляются, а после их возвращения происходит обмен подарками. В некоторых случаях дело доходит даже до обмена женщинами, которых предоставляют в распоряжение гостей, устанавливая таким образом подобие родственных отношений. Если гость спит с женой хозяина, то становится его родственником, и его принимают в семью. Такой обычай существует, например, у индейцев племени Наскапи на полуострове Лабрадор. Многие эскимосы предоставляют своих жен в распоряжение гостей на ночь. Цель этого обычая — предотвратить любой взрыв враждебности, исключить саму возможность схватки, в результате которой могут произойти убийства. Представители многих первобытных народов делают надрезы на коже друг друга и как бы обмениваются кровью. Используется специальный способ поцелуев и ритуал обмена подарками. Все эти *rîtes de passage* (ритуалы перехода) пускаются в ход, как только вы вступаете во взаимоотношения с людьми на уровне их подчиненной функции.

То же самое легко наблюдать и в повседневной жизни. Например, можно знать кого-то в течение двух-трех лет, но общаться с ним только на обычных чаепитиях или обедах, разговаривать только о погоде, политике или на отвлеченные темы, никогда не осмеливаясь касаться болезненных мест друг друга или щекотливых тем. Но однажды можно почувствовать искусственность этих отношений и отсутствие настоящей близости. Тогда после небольшой выпивки, если обстановка благоприятствует, разговор может стать откровенным и собеседники начинают как бы приглашать друг друга открыть свои болезненные места. Так, соблюдая все предосторожности первобытной учтивости, два человека начинают постепенно по-настоящему сближаться. Для определения такой формы поведения я не нашла более удачного вы-

ражения, чем «первобытная учтивость». Именно таким образом следует входить в близкий контакт с другим человеком, ведь болезненные места обычно связаны с подчиненной функцией.

Существует разница между личной вежливостью и первобытной учтивостью. Рассмотрим практический пример. Однажды я ехала в машине с мужчиной интуитивного типа. Мы возвращались домой поздней ночью, и он забыл включить зажигание. Мой спутник снова и снова пытался запустить двигатель, но у него ничего не получалось. Я отважилась вежливо спросить, не забыл ли он включить зажигание. «Разумеется!» — последовал ответ, но с таким раздражением, что я не осмелилась сказать больше ни слова! Такой была реакция его подчиненного ощущения! Мы просидели в машине целых полчаса, и я окончательно убедилась в справедливости своего предположения, но не знала, как ему об этом сказать. Малейший намек на то, что я лучше знаю, что делать, вызвал бы настоящий взрыв. Я чувствовала себя столь беспомощной, что пыталась уйти в гараж. Я даже проверила, залита ли вода, хотя все это время знала, в чем дело, но не смела даже подумать, как обойти его болезненное место. Ведь стоял вопрос о его престиже! Должна заметить, что большая доза алкоголя также внесла свой вклад в его состояние и обострила его реакцию. Кроме того, он был старше меня, и потому я боялась показаться ему невежливой. Но дело было не в простой вежливости — это была проблема личных отношений. Скорее, вопрос касался реального чувства и осознания слабости другой личности, которую я не осмеливалась задеть.

Подчиненная функция, безусловно, связана с болезненными местами, имеющимися в каждом человеке. Если бы мой спутник не обладал ими, он не оказался бы столь чувствительным. Тогда на мой вопрос: «Ты включил зажигание?», он со смехом воскликнул бы: «О, Боже!», тут же исправил допущенную оплошность, и мы бы давно уже были в пути. Вместо этого мы целый час просидели в машине, гадая, в чем заключалась наша ошибка, а я просто не знала, как приблизиться к болезненному месту его подчиненной функции.

Подобные примеры иллюстрируют и другую особенность подчиненной функции, а именно потрясающий заряд эмоций, связанный с ее проявлением. Как только вы попадаете в ее сферу, люди начинают проявлять повышенную эмоциональность. В приведенном примере можно без труда различить негативную сторону связи подчиненной функции с эмоциями, но в этой связи есть и весьма позитивный

аспект. В сфере подчиненной функции присутствует большая концентрация жизни. Если после того как ведущая функция исчерпала себя — начала, как старая машина, дребезжать и давать течь, — человеку удается найти дорогу к своей подчиненной функции, он сможет открыть для себя новый жизненный потенциал. Все, что относится к сфере подчиненной функции, становится волнующим, драматичным, полным позитивных и негативных возможностей. Огромный, напряженный, потрясающий мир во всей своей реальности предстает перед подчиненной функцией. Но недостатком обращения к ней является ее плохая адаптация. Именно поэтому в сказках, о которых я упоминала, только дурак, третий сын в группе четырех членов королевской семьи, может найти живую воду или огромное сокровище. Подчиненная функция, если ей позволяют проявиться в своей собственной сфере, привносит в жизнь обновление.

Многие люди на относительно раннем этапе жизни обнаруживают, что именно в сфере своей подчиненной функции они эмоциональны, чувствительны, плохо адаптированы, и у них развивается привычка скрывать эту часть своей личности с помощью суррогатных псевдореакций. Например, мыслительный тип часто не умеет выражать свои чувства естественно, в подходящей манере и в нужное время. Он может расплакаться, узнав о смерти мужа своей приятельницы, но, встретившись с вдовой, не найти для нее ни слова сочувствия. Люди такого типа не только выглядят весьма холодными, они на самом деле ничего не чувствуют! Все переживания были прочувствованы ими дома, а теперь, в нужной ситуации, они не могут их выразить. Мыслительные типы часто считаются бесчувственными. Это совершенно несправедливое мнение. Дело не в том, что у них нет чувств, они просто не могут их выразить в нужный момент. Где-то и когда-то они проявляют свои чувства, но не тогда, когда это следует делать. Большая ошибка также считать, что чувствующие типы не могут думать. Этим людям приходят в голову прекрасные мысли, очень часто глубокие, интересные, искренние, даже оригинальные, но эти мысли являются неуправляемыми. Например, для чувствующего типа очень трудно настроиться на соответствующее мышление во время экзамена. Здесь ему просто необходимо думать, а мысли куда-то испаряются!

Вернувшись домой, он снова обретает способность к мышлению, но мысли с трудом подчиняются ему и не столь дружелюбны, чтобы посещать хозяина в нужный момент. Такой человек часто считается в

обществе глупым, так как не может проявлять способность к мышлению по собственному желанию.

Жизнь безжалостна к проявлениям неполноценности подчиненной функции. Именно поэтому люди демонстрируют такие «маскирующие» реакции. Ведь это не их подлинные реакции, а реакции, заимствованные у коллектива. Чувствующий тип, когда от него настоятельно требуется мыслительная реакция, любит делать много банальных замечаний и высказывать мысли, которые не являются его собственными. Но когда он должен быстро что-нибудь сообразить, его собственные суждения не успевают достичь уровня, на котором их можно было бы выразить словами. Поэтому такой человек просто высказывает несколько расхожих замечаний или, что является обычным для чувствующих типов, использует материал, который знает наизусть. То же справедливо и для мыслительных типов, у которых вырабатывается привычка выражать свои чувства в принятой в обществе форме. Они посылают цветы, дарят шоколад, или делают еще что-нибудь не менее стандартное. Например, при написании письма с соболезнованиями я использую известные фразы, которые мне кажутся выразительными и трогательными. Если бы я попыталась высказать свои подлинные чувства, то просидела бы над письмом три дня! Поэтому во всех подобных ситуациях я смешиваю «коктейль» из обычных «штампов», накопившихся в памяти за всю мою жизнь. То же относится и к интуитивам с их подчиненным ощущением; они имеют с ним дело, применяя привычные наработанные приемы, заимствованные у других людей. Но, пытаясь установить взаимоотношения с человеком, нельзя давать себя обмануть этими адаптивными реакциями. Обнаружить «маскирующие» чувства собеседника всегда можно по их трафаретности, банальности и коллективной стереотипности. В них отсутствует свойство личной убедительности.

Исследуя динамику взаимодействия между функциями, необходимо всегда учитывать влияние, которое ведущая функция оказывает на подчиненную. Когда кто-либо, пытаясь разобраться в своей подчиненной функции, испытывает эмоциональный шок или боль, столкнувшись со своими подлинными реакциями, ведущая функция сразу же отзывается словами: «О! Здесь что-то не так, надо это привести в порядок». Она, подобно орлу, схватившему мышь, пытается овладеть подчиненной функцией и захватить ее в свою сферу. Я знакома с одним ученым-естественником, добившимся в науке больших успехов, мыслительным интровертом, которому в пятьдесят с небольшим

наскучила его профессиональная деятельность и который начал метаться в поисках новых возможностей. Жена и близкие могли многое рассказать ему о его подчиненном чувстве, которое вполне могло бы стать для него предметом исследования, к тому же находящимся под самым его носом. Несколько раз ему снилось, как он собирает коллекции редких горных цветов, что ясно указывало на цель, к которой стремилось его бессознательное. Ученый обладал редким и весьма необычным подчиненным чувством, что является типичным для мыслительного типа. Цветы в горах имеют более интенсивную окраску, чем их луговые собратья, и этот факт для подчиненного чувства мыслительного типа также был очень важен. Ему пришло в голову, что у него появилась хорошая идея для хобби, в связи с чем он подружился с ботаником и во время отпуска уходил на целый день собирать горные цветы. Любые попытки окружающих посоветовать ему что-нибудь сделать со своей чувствующей функцией наталкивались на ответ, что он расстался со своей ведущей функцией и теперь делает что-то с другой стороной своей личности. Он изучал горные цветы! Таким образом, ученый уперся в конкретную интерпретацию своих снов, вместо того чтобы воспринять их значение с символической стороны, и превратил свое увлечение в нечто наукообразное. Ему захотелось узнать о цветах как можно больше, и это увлечение попало под влияние ведущей функции, а подчиненная функция в очередной раз оказалась побежденной.

Возьмем для примера иррациональный тип — интуитива, оказавшегося в ситуации, в которой он вынужден использовать свое подчиненное ощущение. Его может увлечь обработка камней или лепка из глины. Интуитивам такие занятия часто помогают активизировать подчиненное ощущение, так как при этом они могут вступить в контакт с внешним миром, соприкасаясь с конкретными материалами и предметами. Интуитив может что-нибудь вылепить из глины, например, какое-нибудь нелепое, по-детски примитивное, изображение животного. Он сразу же испытает улучшение настроения, однако его интуиция, подобно орлу, немедленно набросится на его достижение и посоветует: «Во всех школах нужно ввести лепку как обязательный предмет». И человек снова погружается в свою интуицию, в рассмотрение потенциальных возможностей лепки из глины, в то, какую роль она может сыграть в обучении, став ключом к божественному опыту. Интуитив всегда стремится подарить свое открытие всему миру. Единственное, что не придет ему в голову, — это вылепить еще

одну фигурку! Его ведущая функция снова ищет себе добычу. Испытав стимулирующее, живительное прикосновение к внешнему миру, она снова воспаряет, растворяясь в воздухе. То же происходит с чувствующим типом, который, оказавшись загнанным в угол крайней необходимостью, иногда рождает несколько мыслей. После чего он быстро выскакивает из столь горячей ванны, чтобы в дальнейшем в нее не возвращаться. Зато у него остаются чувственные впечатления о том, что представляет собой мышление, какую пользу оно приносит и т.п. Он производит несколько оценок, вместо того чтобы продолжать процесс мышления. Таким способом ведущая функция старается влиять на подчиненную и организовывать ее.

Другим аспектом динамического взаимодействия функций является способ, при помощи которого подчиненная функция вторгается в ведущую и искажает ее. Это было великолепно продемонстрировано несколько лет назад неким профессором К., предпринявшим в Neue Zürcher Zeitung атаку на психологию бессознательного. Он был учеником Хайдеггера и представлял собой совершенное воплощение перегруженного работой мыслительного интроверта. Это и послужило причиной его неудачного выступления, в котором он не смог высказать ничего более значительного, чем мысль о том, что жизнь является онтологическим явлением существования. Свое утверждение профессор К. обогатил несколькими яркими прилагательными и этим ограничился. Единственная мысль, что «существование на самом деле существует», обладала для него, как и для Парменида, божественной полнотой. Он не мог прекратить убеждать нас снова и снова в истинности этой мысли, а затем произнес: «А бессознательное — это жуткий театр марионеток и привидений». Таким образом, мы получили превосходную иллюстрацию того, что имел в виду Юнг, написав: «Бессознательные фантазии со временем обогащаются множеством архаически формирующихся фактов, становясь настоящим обиталищем магических явлений». Именно такие мысли профессор К. пропагандировал в своей статье: идея бессознательного ужасна, это просто театральный ад. Затем он пытался спасти свою сознательную позицию, утверждая, что бессознательного вообще не существует: его придумали психологи! Если вы слишком переусердствуете, закрепляя свою сознательную позицию, она обедняется и утрачивает плодотворность, а противоположная ей бессознательная функция вторгается в ведущую функцию и искажает ее. Из статьи профессора К. явствует, что его чувствующая функция на самом деле озабоче-

на убеждением человечества в абсурдности идеи психологии бессознательного. Он полностью теряет объективный стиль, к которому мы привыкли в научной дискуссии, и ощущает себя пророком, чьей миссией является спасение человечества от некоего пагубного воздействия. Вся его мораль или чувствующая функция входит в сознание и заражает мышление. Его мышление из объективного превращается в субъективное; совершенно очевидно, что он не читал литературы по психологии бессознательного.

Другой способ, с помощью которого подчиненная функция часто внедряется в ведущую функцию, может быть показан на примере очень приземленного, реалистичного, интровертного ощущающего типа. Ощущающие типы, как интровертные, так и экстравертные, обычно довольно разумно обращаются с деньгами, не отличаясь особой экстравагантностью. Но, если окажется, что человек такого типа слишком переусердствует в своей бережливости, это будет означать, что вступила в действие его подчиненная интуиция. Я знала одного ощущающего типа, который стал чрезмерно скупым и практически перестал путешествовать, «потому что… — понимаете, в Швейцарии буквально все чего-нибудь да стоит!» Когда попытались выяснить, откуда могла появиться эта внезапная скаредность (ведь раньше он был умеренно скуп, как и большинство людей в его городе), то обнаружилось, что скупец предвидит множество мрачных возможностей. В частности, он может стать жертвой несчастного случая, после чего не сможет работать и содержать семью; что-то плохое может стрястись в его семье: жена окажется серьезно больной, а сын — неспособным, и для завершения его образования понадобится большее время, чем он рассчитывал; богатая теща может рассердиться на него и завещать деньги другой семье, и т.д. Все это были примеры мрачных опасений того, что может с ним случиться. Такое явление типично для негативной подчиненной интуиции. Рассматриваются только мрачные возможности. Первые проявления подчиненной интуиции усилили его неправильные ощущения, превратив в заядлого скопидома. Жизнь для него остановилась, так как все его мироощущение исказилось внедрившейся в сознание подчиненной интуицией.

Когда приходит время для развития других функций, наблюдаются два взаимосвязанных явления: ведущая функция угасает, как старая машина, которая начинает разрушаться и изнашиваться, и эго устает от нее, ведь все, что вы делаете слишком хорошо, быстро приедается, тогда подчиненная функция, вместо того чтобы проявляться в своей

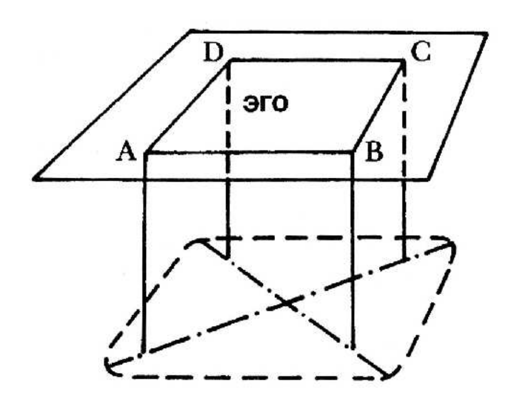
собственной области, начинает завоевывать ведущую функцию, придавая ей невротические черты, и уменьшает ее способность к адаптации. В результате получается невротическая *mixtum compositum* (сложная смесь) — мыслительный тип, разучившийся думать, или чувствующий тип, переставший проявлять дружелюбие. Существует такая промежуточная стадия, в которой люди — ни рыба, ни мясо! Прежде они были хорошими мыслителями, но больше не могут мыслить по-старому и пока еще не достигли нового уровня. Поэтому очень важно знать свой тип и всегда сознавать, что именно происходит сейчас с вашим бессознательным, иначе вам могут нанести удар в спину.

Одна из наибольших трудностей при определении собственного или чужого типа возникает, когда люди уже достигают стадии пресыщения своей ведущей функцией и своими ведущими установками. Они очень часто заверяют вас с абсолютной искренностью, что принадлежат к типу, противоположному тому, каким являются на самом деле. Экстраверт клянется в том, что глубоко интровертен, и наоборот. Это явление возникает из-за того, что подчиненная функция субъективно чувствует себя ведущей; она ощущает себя наиболее важной, наиболее подлинной. Так мыслительный тип, считающий, что все в его жизни определяется чувством, станет уверять вас, что он — чувствующий тип. Поэтому когда вы пытаетесь определить свой тип, не имеет смысла раздумывать, что в вас является самым главным; лучше спросить себя: «Чем я обычно занимаюсь чаще всего?» Экстраверт может постоянно вести себя экстравертным образом, но заверять вас что он — глубокий интроверт и озабочен только внутренними событиями, и сам в это верит. Это — не обман, а действительное проявление его чувств, так как он считает, что хотя ведет себя как интроверт всего минуту в день, но именно в эту минуту проявляет свою истинную сущность и приближается к своей реальной личности.

В сфере подчиненной функции человек часто оказывается потрясенным, несчастным, сталкивается с важнейшими проблемами, постоянно удивляется и потому, до известной степени, его жизнь в этой сфере бывает более интенсивной, особенно если его ведущая функция уже поизносилась. В практическом плане для определения типа бывает весьма полезным спросить человека, что является для него самым большим несчастьем? Что доставляет ему наибольшие страдания? Где он чувствует, что всегда бьется головой в стену и испытывает

адские муки? Таким образом можно выявить подчиненную функцию. Более того, многие люди настолько хорошо развивают две ведущие функции, что оказывается очень трудным определить, является ли тип человека мыслительно-интуитивным или перед вами интуитив с развитым мышлением, так как кажется, что обе эти функции получили в нем одинаково хорошее развитие. Иногда ощущение и чувство в человеке столь хорошо развиты, что вы испытаете некоторые затруднения, пытаясь установить, которое из них главное. Тогда надо задать вопрос: от чего больше страдает человек с развитыми мышлением и чувством: от того, что набивает шишки, сталкиваясь с объектами ощущений, или от проблем, связанных с чувствами? Получив ответ на подобный вопрос, можно решить, которая из функций ведущая и которая — хорошо развитая вспомогательная.

Сейчас я должна обратиться к общему рассмотрению проблемы ассимиляции подчиненной функции. Сознание развивается в раннем детстве из бессознательного. С нашей точки зрения, бессознательное — первичный, а сознание — вторичный фактор. Следовательно, структура бессознательного и всей личности существуют еще до того, как сформировалась сознательная личность, и могут быть представлены в следующем виде:

Четырехмерная структура в области сознания с эго в качестве ее центра.

Предсознательная общая четырехмерная структура личности.

Когда функции развиваются в области сознания (A B C D), то сначала возникает первая, например, мыслительная функция, которая впоследствии становится одной из ведущих функций эго. Затем эго

в основном использует операцию мышления в организации своего поля сознания. Постепенно появляются и другие функции, которые — при благоприятных условиях — проникают в поле сознания.

Однако, когда возникает четвертая функция, вся верхняя структура обрушивается. Чем больше вы подтягиваете вверх четвертую, тем сильнее опускается верхний этаж. Ошибка, которую часто совершают люди, заключается в том, что они думают, будто могут подтянуть подчиненную функцию до уровня других функций сознания. Я могу только сказать: «Ну, если вы хотите это сделать, попытайтесь. Но ваши попытки могут продлиться вечно!» Абсолютно невозможно подтянуть, словно рыбацкой удочкой, подчиненную функцию, и все такие опыты, как например, ускорение или воспитание ее для продвижения вверх, в момент необходимости оказываются несостоятельными. Можно попытаться заставить подчиненную функцию работать на экзамене или в других напряженных жизненных ситуациях, но такой успех является ограниченным и может быть достигнут только на обычном, заимствованном материале. Таким образом, нельзя развить четвертую функцию, так как она сопротивляется и настаивает на том, чтобы оставаться внизу. Зараженная бессознательным, она всегда находится в таком состоянии. Попытка выловить ее, как рыбу, подобна задаче вытащить наверх все коллективное бессознательное, что не представляется возможным. Рыба окажется слишком крупной для любого удилища. Итак, что же можно сделать? Отпустить ее с крючка снова на волю? Такой поступок можно считать регрессией. Но если вы все же не хотите сдаваться, существует лишь одна перспектива: рыба сама затащит вас в воду! Именно в такой момент происходит крупный конфликт, который для мыслительного тала, скажем, означает известный *sacrificium intellectus* (принесение в жертву разума), или, например, для чувствительного типа, *sacrificium* (принесение в жертву) чувства. Он свидетельствует о наличии смирения (готовности опуститься вместе с другими функциями на более низкий уровень). Это приводит к переходу на промежуточный уровень, лежащий между верхним и нижним, — все находящееся на нем не является ни мышлением, ни чувством, ни ощущением и ни интуицией. Появляется новое, совершенно отличающееся от предыдущего отношение к жизни, при котором человек использует все функции, и ни одну из них постоянно.

Очень часто человек по наивности объявляет, что он — мыслительный тип и собирается развивать свою чувствующую функцию,

— какая иллюзия! Если человек относится к мыслительному типу, он сначала может обратиться либо к ощущению, либо к интуиции. Это его выбор. Затем он движется ко второй из двух противоположных вспомогательных функций и только в последнюю очередь к подчиненной. Но он не может перейти непосредственно к функции, противоположной ведущей. Причина этого весьма проста: эти две функции полностью исключают друг друга, они несовместимы. Проиллюстрируем это на примере штабного офицера, который в заданных условиях должен оптимальным способом спланировать эвакуацию городского населения. К несчастью, его собственная жена и дети находятся в этом же городе. Если он будет руководствоваться чувствами по отношению к своим близким, ему не удастся разработать хороший план. Он не сможет это сделать. Ему следует просто вычеркну ть их из своего сознания и сказать себе, что сейчас его задача заключается в разработке как можно лучшего плана эвакуации, а на свои чувства он должен смотреть как на проявление сентиментальности. Такое обесценивание своего чувства необходимо для того, чтобы «развязать себе руки». Нельзя сделать прямой прыжок из одной функции к противоположной, но можно соединить мышление с ощущением для того, чтобы они функционировали одновременно. Можно легко совместить обе вспомогательные функции, чтобы при переходе от одной к другой не страдать так, как страдают при прыжке к противоположной функции. Когда необходимо переместиться из интуиции в ощущение, мыслительную функцию можно использовать в качестве судьи. Когда же интуиция и ощущение вступают в борьбу, человек с помощью мышления может отстраниться от этого сражения.

Если я анализирую человека мыслительного типа, то никогда не направляю его сразу же к чувствующей функции. Я выжидаю, пока другие функции сначала не ассимилируются до определенной степени. Было бы ошибкой забывать о необходимости этой промежуточной стадии. Возьмем, например, человека мыслительного типа, из-за своей подчиненной функции безумно влюбившегося в совершенно не подходящую для него особу. Если он успел развить в себе ощущение, которое предполагает определенное чувство реальности, и интуицию (способность почуять опасность), то он не дойдет до крайности. Но если односторонний мыслительный тип влюбится в такую женщину, не обладая при этом ощущением реальности и интуицией, с ним случится то, что прекрасно изображено в фильме «Голубой ангел», в котором школьный учитель становится цирковым клоуном в

услужении у женщины-вамп. В этом случае не оказалось промежуточного уровня, на котором он смог бы удержаться: его сбила с ног собственная подчиненная функция. Но если бы за ним наблюдал его аналитик, он успел бы, пока чувство не завело пациента слишком далеко, развить в нем определенное чувство реальности, а затем устранил бы трудности с помощью этой промежуточной функции. Я думаю, это следует иметь в виду каждому аналитику: человек никогда не должен прыгать прямо в подчиненную функцию. Хотя, конечно, в жизни бывает и такое; ей нет до нас дела! Но аналитический процесс не должен продвигаться таким путем; в нормальных условиях подобные явления не наблюдаются, если человек следует намекам, извлекаемым из сновидений. Тенденция процесса такова, что его развитие происходит по извилистому пути. Когда бессознательное пытается поднять наверх подчиненную функцию, это нормальный путь.

Я завершаю свое общее описание проблемы подчиненной функции. Следующим шагом станет краткое описание того, как выглядит подчиненная функция каждого типа в практической жизни.

(Далее следует запись вопросов и ответов.)

Вопрос: Почему художники стараются избегать помощи аналитиков?

Д-р фон Франц: Художники часто думают, что психологи своим влиянием могут изменить их подчиненную функцию до такой степени, что она потеряет свое творческое начало. Но это совершенно невозможно. Я не вижу никакой опасности, так как даже если аналитик окажется настолько глупым, что попытается это сделать, у него ничего не выйдет. Подчиненная функция — это лошадь, не поддающаяся усмирению. Это нечто такое, что невозможно поработить до такой степени, чтобы вы без конца совершали глупости. Это я могу гарантировать. Мне часто вспоминается история, связанная с моим отцом. Он купил лошадь, которая была слишком крупной для него: он был невысок ростом. В армии на нее смотрели как на преступника, потому что никому не удавалось огреть ее ударом хлыста. Она тут же вздымалась на дыбы и скидывала наездника. Мой отец влюбился в эту прекрасную лошадь и, купив ее, заключил с ней пакт: «Я не буду наказывать тебя хлыстом, если ты перестанешь сбрасывать меня». То есть, он общался с ней на равных, и она стала его лучшей лошадью. Отец даже выиграл на ней несколько забегов. В тех случаях, когда другие огрели бы ее хлыстом, он никогда этого не делал. Если он хоть раз дотронулся бы до нее кнутом, пакт был бы нарушен. Но лошадь

оказалась умной, и с помощью постоянных тренировок он научил ее понимать свои приказы, после чего она в большей или меньшей степени выполняла то, чего ему от нее хотелось. Этот пример показывает максимум того, чего можно достичь воспитанием подчиненной функции. Вы никогда не сможете управлять ею, приручить ее, заставить выполнять свои желания. Но если вы очень умны и готовы многим поступиться, то сможете построить свои отношения с ней таким образом, что она не будет вас сбрасывать. Если же она все же скинет вас, то никогда не сделает этого в неподходящий момент.

Вопрос: Существуют ли ситуации, когда функции не являются односторонне дифференцированными?

Д-р фон Франц: Да. Люди, живущие полностью на природе, как например, крестьяне, охотники или бушмены, о которых писал Лоренц ван дер Пост, просто бы выродились, если не пользовались бы в большей или меньшей степени всеми своими функциями. Крестьянин никогда не может стать таким односторонним, как городской обитатель: он не останется только интуитивом, ему просто необходимо использовать свое ощущение. Но он не может использовать только ощущение, потому что должен планировать хозяйство: определять, когда следует сеять и какого сорта морковь или зерно и в каких количествах выгодно выращивать, какие установить цены на свою продукцию. Иначе он мгновенно разорится! Он должен, кроме того, пользоваться чувствами, так как без этой функции нельзя жить в семье и выращивать домашних животных. У сельского жителя должен быть определенный нюх на погоду и вообще на будущее, без этого у него всегда будут неприятности. Итак, в естественных условиях вся жизнь человека должна быть устроена таким образом, чтобы он в известной мере пользовался всеми своими функциями. Вот почему люди, живущие в природных условиях, редко становятся односторонними. Это старая, хорошо известная проблема специализации. Но даже у примитивных людей обычно можно наблюдать распределение функций. Например, мой сосед-крестьянин всегда спрашивает рыбака, который живет рядом с ним, какая будет погода. Он говорит, что не понимает, как рыбак может это определить, но ему это удается, так что сам он об этом не беспокоится. Он полагается на интуицию этого человека и не использует свою собственную. Так что даже в этих условиях люди стремятся переложить свои функции на других, считающихся лучшими специалистами. Но те не могут делать это столь же полноценно, как городские специалисты. Если, например, вы холосты и ра-

ботаете в статистическом учреждении, то практически не нуждаетесь в чувстве! Это обстоятельство, естественно, имеет свои неприятные последствия, но в природных условиях вы просто не смогли бы так жить.

Вопрос: Всегда ли бессознательное у экстраверта или интроверта проявляется вовне в своей проективной форме?

Д-р фон Франц: Нет. По моим наблюдениям, в случае экстравертов, это очень часто проявляется внутри в форме видения или фантазии. Меня часто поражало, что экстраверты, обращаясь к другой стороне своей личности, устанавливают гораздо более чистые взаимоотношения с ней, чем интроверты. Это их свойство даже вызвало у меня настоящую ревность! Их отношения с внутренними явлениями наивны, искренни и чисты, потому что видение они принимают сразу же серьезно и совершенно наивно. В интроверте же видение всегда искажено его экстравертной тенью, которая пытается заронить в душу сомнение. Можно сказать, что если экстраверт впадает в интроверсию, она проявится особенно искренне, чисто и глубоко. Экстраверты часто так гордятся этим, что громко хвастаются, какими великими интровертами они являются. Они пытаются выставить это свойство напоказ — что типично для экстравертов — и таким образом все разрушают. Но в действительности можно убедиться в том, что если они не испортят все своим тщеславием, то часто обладают гораздо более детской, наивной, чистой, по-настоящему искренней интроверсией, чем интроверты. Точно так же и интроверт, если разбудит свою подчиненную экстраверсию, может излучать живительное сияние и лучше любого экстраверта превратить существование окружающих в символический праздник! Он может подарить внешней жизни глубину символического значения и превратить ощущения жизни в волшебный праздник, чего не сможет сделать экстраверт. Если экстраверт приходит на вечеринку, он готов объявить, что все участники — великолепные люди, и поэтому «Пусть же эта вечеринка удастся!» Но это — всего лишь технический прием, и такая вечеринка никогда или почти никогда не достигнет магической глубины — она останется на уровне поверхностного дружественного общения. Если же интроверт сможет правильно проявить свою экстраверсию, он способен создать атмосферу, в которой внешние явления приобретут символическое значение: выпив с другом стакан вина, чувствуешь себя словно на причастии… Но нельзя забывать, что большинство людей маскируют свою подлинную подчиненную функцию псевдоадаптацией.

Глава 2. Четыре иррациональных типа

Экстравертный ощущающий тип: Подчиненная функция – интровертная интуиция

Дар человека экстравертного ощущающего типа состоит в способности ощущать объекты внешнего мира и взаимодействовать с ними конкретным практическим образом. Люди этого типа все замечают, на все обращают внимание и, войдя в помещение, например, почти сразу определяют, сколько человек в нем находится. Впоследствии они всегда могут сказать, была ли там г-жа NN и какое на ней было платье. Если же вы спросите об этом интуитива, он ответит, что не заметил и что ему даже и в голову не приходило ничего подобного. В его глазах беспомощное недоумение: «Так что же на ней было?» Человек же ощущающего типа — мастер подмечать детали.

Существует знаменитая история о профессоре юриспруденции, пытавшемся продемонстрировать своим студентам-юристам ненадежность показаний свидетелей. Он попросил двух человек войти в аудиторию, обменяться несколькими фразами и завязать между собой драку. Прекратив столкновение, профессор обратился к присутствовавшим там же другим студентам с просьбой точно описать, что они видели. Оказалось, что никто не смог дать точный и объективный отчет о событии, очевидцами которого они только что были. Каждый пропустил какие-то важные детали. Целью этого эксперимента было показать, как опасно полагаться на показания даже непосредственных свидетелей события. Рассказанная история впечатляющим образом иллюстрирует индивидуальное своеобразие ощущений. Ощущение как таковое может быть хорошо развито, но в весьма относительной форме, и разные люди одарены данной функцией в разной степени. Я бы сказала, что экстраверт ощущающего типа наберет в этом состязании наибольшее число очков и упустит меньше деталей. Он как бы владеет более совершенным фотоаппаратом, позво-

ляющим быстро и объективно фиксировать события внешнего мира. Именно поэтому людей такого типа можно встретить среди ряда успешных профессионалов, например, альпинистов, инженеров или предпринимателей. Ведь для достижения высоких результатов им необходимы обширные и точные сведения о различных сторонах окружающей действительности. Человек ощущающего типа обязательно обратит внимание на то, из какого материала сделана вещь — он не перепутает шерсть с шелком. Такие люди обычно обладают хорошим вкусом.

Юнг отмечает, что ощущающие типы часто производят впечатление людей бездушных. Большинству из нас встречался подобный тип бездушного инженера, при общении с которым у вас возникает чувство, что этот человек полностью поглощен своими станками и смазками и все рассматривает только под этим углом зрения. Он почти не проявляет чувств и едва ли предается размышлениям. Интуиция у него полностью отсутствует: для него это просто мир безумных фантазий. Экстравертный ощущающий тип называет все, хоть както приближенное к интуиции, «сумасшедшей фантазией», идиотским воображением, чем-то вообще не имеющим отношения к реальности. Он может и вообще не любить мыслительный процесс, поскольку в случае одностороннего развития, будет считать, что мышление — это уход в абстракцию, заменяющий учет реальных фактов. Такой экстравертный ощущающий тип был моим учителем естествознания. Задавать ему вопросы, касающиеся теории, было бессмысленно; он называл это уходом в абстрактное мышление и говорил, что нам следует придерживаться фактов — наблюдать за червяком и изучать, как он выглядит, а затем нарисовать его, или смотреть в микроскоп и описывать то, что мы видим. Это и есть настоящее естествознание, а все остальное — фантазии, теории и вздор. Он очень хорошо объяснял, как фабрики производят разные химические продукты, и я до сих пор помню наизусть процесс Хабера Боша. Но, когда мы дошли до общей теории взаимодействия элементов и прочих теоретических вопросов, то он смог нас научить немногому. Он объявил, что эта область науки еще не определилась, что всякая теория меняется каждый год и находится в постоянной эволюции. Таким образом, он попросту перескочил через эту часть курса.

Все, что можно расценить и обозначить как предчувствие или догадку, все интуитивное человеку данного типа представляется неприятным. Если у такого человека и случаются интуитивные прозрения

вообще, то их природа оказывается подозрительной или гротескной. Как-то наш учитель неожиданно рискнул заняться графологией. Однажды я принесла ему письмо моей матери с извинениями за то, что не смогла присутствовать на его уроке из-за гриппа. Он посмотрел на почерк и спросил: «Это написала твоя мать?» Я подтвердила: «Да». В ответ он только воскликнул: «Бедный ребенок!» Он все воспринимал в отрицательном свете! И таким он был всегда и во всем. На него нападали приступы подозрительности по поводу своих *коллег* или детей из его класса. Можно было заметить, что он обладал особой способностью мрачного предвидения — и только — всего неприятного, темного. Его интуиция, будучи подчиненной функцией, напоминала собаку, обнюхивающую мусорные ведра. Этот вид подчиненной интуиции часто оказывался верным, но иногда — совершенно ошибочным! Временами им овладевала мания преследования — темные подозрения безо всякого на то основания. Человеком, столь точным во всем, что касается фактов, могла внезапно овладеть меланхолия, подозрительные предчувствия, мысли о возможных мрачных событиях, причем было непонятно, откуда они вдруг возникли. Вот как в его случае находила свое проявление подчиненная интуиция.

Обыкновенно подчиненная интуиция экстравертного ощущающего типа крутится вокруг состояния самого субъекта, часто проявляясь в виде мрачных чувств или подозрений, предчувствия болезней или других несчастий, которые могут с ним приключиться. Это означает, что в цепом подчиненная интуиция эгоцентрична. Такой человек часто относится ко всему отрицательно, недооценивает себя. Но если этого человека хорошо подпоить, или он сильно устанет, или если вы познакомитесь с ним достаточно близко, он может проявить себя и с другой стороны, например, начать рассказывать самые сверхъестественные, жуткие, поразительные истории о привидениях.

Я была знакома с одной из лучших альпинисток Швейцарии. Будучи явно экстравертным ощущающим типом, она принимала во внимание только рациональные факты, и все происходившее имело для нее свои естественные причины. Она могла забраться на все четыре тысячи гор не только в Швейцарии, но и на всем протяжении Альп — Французских, Савойских и Австрийских. Но потом, темными вечерами, при ярко горящем костре она переключалась на иные темы и рассказывала самые жуткие истории о привидениях, типа тех, которые обычно можно услышать в среде пастухов и крестьян. Совершенно удивительно было наблюдать, как ее увлекают такие прими-

тивные фантазии. На следующее утро, надевая горные ботинки, она могла смеяться и называть вчерашние истории подлинной чепухой! Обычно предчувствия человека такого типа являются выражением их личных проблем.

Другой формой проявления подчиненной интуиции экстравертного ощущающего типа может явиться неожиданное увлечение антропософией или каким-либо коктейлем из восточной метафизики, обычно самого потустороннего характера. Весьма практичные инженеры присоединяются к таким движениям, относясь к ним совершенно некритически, и полностью поглощаются ими. Это происходит из-за архаического характера их подчиненной интуиции. На их письменных столах, как это ни удивительно, можно обнаружить массу мистических текстов, причем довольно второсортных. Если спросить, почему их интересует подобная литература, они ответят, что, конечно, это полный вздор, но такое чтение помогает заснуть. Их ведущая функция все еще отрицает существование подчиненной. Но если вы спросите антропософов в Дорнахе*, кто обеспечивает их деньгами, то обнаружите, что средства поступают именно от таких ощущающих экстравертов. Среди американцев существует множество людей данного типа, и именно поэтому мистические движения особенно пышно расцветают в Соединенных Штатах, в гораздо большей степени, чем в Швейцарии. В Лос-Анджелесе, например, можно найти секту практически любой, даже самой фантастической разновидности.

Помню, как однажды мне довелось заниматься анализом человека такого типа. Как-то он позвонил мне. Рыдая в трубку, этот мужчина сообщил, что совершенно потрясен случившимся с ним. «Произошло — я даже не могу сказать что. Я в опасности!» Он не был истерической личностью, не страдал от латентного психоза или чего-либо в этом роде. Такого поведения от него нельзя было ожидать. Я удивилась и спросила, не может ли он пойти на вокзал, купить билет и приехать в Цюрих (он жил в другом городе). Мой клиент ответил, что думает о возможности сделать это, и я попросила его приехать ко мне. К моменту нашей встречи он уже вернулся обратно к своей ведущей функции — ощущению и принес мне корзинку вишен, которыми мы вместе весело полакомились. Я спросила: «Ну, и что случилось?» Но он не смог ничего мне объяснить! Видимо, добравшись до вокзала и купив вишен, он снова вернулся на свой верхний уровень. На какое-то короткое время его ата-

* Местечко в Швейцарии, где получило развитие антропософское движение, возглавляемое Рудольфом Штайнером.

ковала подчиненная функция, и единственное признание, которое мне удалось вытянуть из него, было следующее: «В течение минуты я знал, что такое Бог! Это было похоже на то, как если бы я понял Бога! И это потрясло меня так сильно, что я подумал, не схожу ли я с ума, а теперь это ощущение исчезло. Я все помню, но уже не могу ничего выразить: я вышел из этого состояния». Итак, через подчиненную функцию — интуицию, он вдруг ощутил коллективное бессознательное и свою Самость. Все это возникло на секунду — как вспышка — и совершенно потрясло сознательную часть его личности, но удержать это состояние он не смог. Это стало началом проявления его подчиненной интуиции, имеющей одновременно и творческое, положительное начало, и свою опасную сторону. Интуиция обладает свойством одновременно оперировать с огромными объемами смысловой информации. В одну секунду он увидел все в целом, это длилось какое-то мгновение, а затем пропало. И вот он жует вишни, вернувшись в свой плоский, заурядный, экстравертный ощущающий мир. Этот случай можно было бы рассматривать как пример первого настоящего проявления подчиненной интуиции у человека такого типа.

Большая опасность угрожает человеку, если подчиненной функции удастся зажать всю его личность. Я знала человека экстравертного ощущающего типа, очень энергичного строительного подрядчика и удачливого бизнесмена, который заработал огромное состояние. Он был весьма практичен, но дома строил уродливые. Зато удобства в этих домах были превосходны, и потому людям нравилось в них жить, хотя с эстетической точки зрения дома были ужасны. Этот человек был хорошим лыжником, прекрасно одевался, увлекался женщинами и обладал изысканной чувственностью, которая свойственна экстравертным ощущающим типам. Он попал в руки женщины интуитивного типа лет на двадцать старше его. Она представляла собой дикую, буквально фантастическую материнскую фигуру и — ко всему прочему — чудовищно толстую. В данном случае эта ее особенность была следствием полного отсутствия личной дисциплины: интровертные ощущающие типы часто бывают крайне неумеренными и из-за своей подчиненной функции ощущения выходят за разумные пределы и в психическом, и в физическом отношении. Эта женщина жила только в своем воображаемом мире и была абсолютно неспособна поддерживать себя материально. Образовался типичный союз, в котором мужчина зарабатывает деньги и следит за практической стороной жизни, а женщина вносит в нее элемент фантазии.

Однажды я отправилась с ним покататься на лыжах и чуть не умерла с тоски! Единственная вещь, о которой он мог интересно рассказывать, был его бизнес, но он избегал этой темы в беседах с женщинами, и тогда ему ничего не оставалось, как повторять, что прекрасно светит солнце, да и кормят неплохо. К моему великому изумлению, этот человек пригласил меня к антропософам в Дорнах посмотреть спектакль. *Goetheanum* (Гетеанум)* был для него «духовной матерью» и невероятно привлекал его. Пьеса совершенно завладела им и так глубоко потрясла, что все окружающее перестало для него существовать. После спектакля я сделала крайне бестактное замечание: заявила, что для меня пьеса оказалась чересчур возвышенной, и единственное, о чем я мечтаю, это о бифштексе! Мой материализм шокировал его до глубины души. В то время мне едва исполнилось восемнадцать, сейчас я вела бы себя гораздо умнее. Но этот пример показал, как работала его интуиция. С одной стороны, она была спроецирована на женщину, с которой он жил, а с другой стороны, в этой интуиции присутствовал Дорнах. Он пытался порвать с этой женщиной, осознав, что их связь основана на типичных взаимоотношениях между матерью и сыном, и надеялся найти прибежище для своей подчиненной интуиции в Дорнахе. Конечно, это было шагом вперед, по сравнению с простым проецированием подчиненной интуиции на образ матери, так как теперь он пытался ассимилировать ее на внутреннем уровне. Именно поэтому мое замечание оказалось особенно бестактным. Я так и не узнала, была ли эта попытка успешной, больше мы не встречались. Но никогда не следует делать унижающих или болезненных замечаний, если в вашем присутствии человек раскрывает свою подчиненную функцию. Это вызывает ужасную обиду.

Другой пример подчиненной интровертной интуиции, на этот раз действительно подчиненной, иллюстрирует отвратительную форму, которую она может принять, и отчаянную пропасть, в которую может столкнуть человека. Недавно в одной американской научно-фантастической газете я прочла рассказ о человеке, изобретшем аппарат, посредством которого люди могли телепортироваться. Человек мог быть дематериализован в Цюрихе, а затем вдруг материализоваться в Нью-Йорке. С появлением такого аппарата возникла бы возможность обходиться без самолетов и кораблей. Изобретатель сначала экспериментировал на пепельницах, а затем перешел на мух. На первых

* Антропософский храм, выстроенный в Дорнахе по проекту Р. Штейнера.

порах произошло несколько сбоев, но после внесения ряда изменений в схему аппарата ему показалось, что с мухой все получилось. На случай, если что-нибудь пойдет неправильно, он решил стать первой жертвой своего изобретения и испробовать его на себе. К несчастью, в ходе эксперимента где-то произошел сбой, и изобретатель вышел из аппарата с головой огромной мухи! Он позвал жену и, прикрыв голову покрывалом, чтобы она не смогла ее увидеть, объяснил, что нужно сделать, чтобы помочь ему вернуться в прежнее состояние.

Но никакие действия не привели к успеху, и в отчаянии он попросил жену убить его. Из жалости к нему она исполнила его просьбу. В дальнейшем сюжет рассказа развивается по обычным законам криминального жанра. После смерти и похорон мужа женщина сходит с ума и ее отправляют в сумасшедший дом. Затем находят муху с человеческой головой. Родственники помещают ее в спичечный коробок, который кладут на могилу. Надпись на памятнике гласит, что умерший был «героем и жертвой науки». Я избавила вас от наиболее отвратительных и извращенных подробностей, которые автор описал с нескрываемым удовольствием.

На этом примере можно видеть, как подчиненная интуиция принимает форму продукта ощущения. Так как рассказ написан автором ощущающего типа, его интуиция воплощается в совершенно реальные ощущения. Муха представляет собой подчиненную интуицию, которая совмещается с сознательной частью личности. Мухи — дьявольские насекомые, являющиеся выражением непроизвольных фантазий и мыслей, заполняющих сознание человека и досаждающих ему непрестанным жужжаньем, от которого ему не удается избавиться. В приведенном рассказе ученый попадает в западню и становится жертвой идеи, включающей убийство и сумасшествие. Чтобы спасти жизнь его жены, родственники помещают ее в сумасшедший дом, где она проводит все время за ловлей мух, надеясь поймать ту, которая может оказаться частью ее погибшего мужа. В конце рассказа комиссар полиции в разговоре с автором сообщает, что женщина, судя по всему, действительно сошла с ума. Очевидно, что комиссар является выразителем коллективного здравого смысла; его вердикт, в конце концов, убеждает и самого автора, признающего, что все рассказанное — настоящее сумасшествие. Если бы писатель понял истинное содержание своей подчиненной функции и освободил ее от влияния экстравертного ощущения, у него получился бы по-настоящему чистый и искренний рассказ. В произведениях подлинной фантазии, на-

пример, Эдгара По и поэта Густава Мейринка, интуиция восстановлена в своих собственных правах. Их фантастические произведения символичны в высоком смысле этого понятия и поддаются символической интерпретации. Но человек ощущающего типа всегда старается каким-нибудь способом конкретизировать свои интуитивные переживания.

Интровертный ощущающий тип: подчиненная функция – экстравертная интуиция

Много лет назад мы провели в Психологическом клубе заседание, на котором попросили членов клуба описать собственный психологический тип не с помощью цитат из книги Юнга о типах, а своими словами. Члены клуба должны были поделиться опытом работы со своей ведущей функцией. Никогда не забуду прекрасное описание, данное г-жой Юнг. Только услышав его, я почувствовала, что поняла сущность интровертного ощущающего типа. Описывая себя, она уподобила интровертного ощущающего типа высокочувствительной фотопластинке. Когда кто-то входит в комнату, человек такого типа сразу замечает то, как он вошел, его прическу, выражение лица, одежду, походку. Все это точно запечатляется восприятием человека интровертного ощущающего типа, каждая деталь фиксируется. Субъект получает впечатление об объекте. Как камень, брошенный в воду, впечатление погружается все глубже и глубже в сознание и поглощается им. Внешне же человек интровертного ощущающего типа может выглядеть крайне глупым: сидит, уставившись на вас, и вы не знаете, что у него на уме. Он выглядит ни на что не реагирующей деревяшкой, пока в действие не вступит одна из его вспомогательных функций: мышление или чувство. Но внутренне он все время поглощает впечатления.

Поэтому человек интровертного ощущающего типа производит впечатление очень медлительного, что не соответствует действительности. Это происходит из-за того, что быстрые внутренние реакции происходят скрытно, а внешняя реакция появляется с задержкой. Люди этого типа, услышав утром шутку, по всей вероятности, рассмеются только к полуночи. Таких людей часто не понимают и неверно судят о них, так как не знают, что происходит у них внутри. Если же человек такого типа может выражать свои отличающиеся фото-

графической точностью впечатления в художественной форме, он использует для этого живопись или литературу. У меня есть сильное подозрение, что Томас Манн был человеком интровертного ощущающего типа. Он описывает каждую деталь обстановки, каждую черту человека и таким образом воспроизводит полную атмосферу комнаты и создает цельный образ личности. Обладая таким видом чувствительности, человек воспринимает все тончайшие оттенки и мельчайшие детали окружающего мира.

Подчиненная интуиция данного типа похожа на такую же функцию экстравертного ощущающего типа, так как последняя тоже обладает странными, мрачными, фантастическими свойствами. Но она в большей степени связана с безличным, коллективным внешним миром. Например, строительный подрядчик, о котором я упоминала выше, очевидно был экстравертным ощущающим типом. Он воспринимал интуитивные представления, только касавшиеся его самого. В своем экстравертном ощущении он имел дело с внешним коллективным миром — с дорожным и жилищным строительством. Но интуицию применял только к себе самому, рассматривая ее как очень личную и связанную с его персональными проблемами. У интровертных же ощущающих типов движение идет от объекта к личности. Для романов Томаса Манна характерен большой субъективизм. Но интуиция у человека такого типа касается событий, остающихся в тени, он воспринимает возможности и будущее внешнего окружения.

Мне довелось ознакомиться с материалами истории болезни одного интровертного ощущающего типа, которые я назвала бы пророческими — с его архетипическими фантазиями, в основном представлявшими не проблемы самого человека, а проблемы его времени. Ассимиляция этих фантазий очень затруднена, так как ведущая функция ощущения является средством постижения того, что происходит здесь и сейчас. Негативный аспект ощущения проявляется в том, что личность увязает в конкретной реальности. Как однажды заметил Юнг, для людей этого типа грядущее не существует, будущие возможности отсутствуют, они пребывают только в настоящем времени, и перед ними опущен железный занавес. Они ведут себя в жизни так, словно все всегда будет таким, как сейчас, и не способны понять, что вещи могут изменяться. У людей этого типа ассимиляция рождающихся ужасных фантазий происходит с большим трудом из-за точности и медлительности их сознательной функции. Если такой человек захочет серьезно отнестись к своей интуиции, он будет стараться

очень аккуратно подавить ее. Но как это сделать? Интуиция возникает, как вспышка, и, если он пытается заставить ее замолчать, она исчезает! Поэтому он не знает, как разрешить возникающую проблему, и сильно страдает, так как ассимилировать подчиненную функцию можно, только освободив ее от оков ведущей функции.

Я знала женщину интровертного ощущающего типа, в течение многих лет очень аккуратно воспроизводившую в красках содержимое своего бессознательного. Написание картины занимало у нее около трех недель. Все ее произведения были изумительны; в них оказывалась проработанной каждая деталь, но, как выяснилось позже, художница вовсе не изображала содержимое своего бессознательного в том виде, каким его ощущала; она исправляла и улучшала цвета и уточняла детали. Она могла бы сказать: «Естественно, я делаю их более эстетичными». Но постепенно возникла настоятельная необходимость ассимилировать ее подчиненную функцию, и пациентке было предложено увеличить скорость рисования, точно воспроизводить даже кричащие цвета и быстро наносить их на бумагу. Когда я расшифровала по картинам содержание ее сновидений, она впала в паническое состояние и закричала, что не в состоянии это видеть, что это невозможно. Открывшееся сбило ее с ног, она не могла вынести нового знания и поэтому продолжала рисовать в своем обычном стиле. Снова и снова она упускала момент подъема бессознательной интуиции, так как когда та возникала, пациентка не могла с ней справиться.

Вот как выглядит у человека интровертного ощущающего типа борьба между ведущей и подчиненной функциями. Если вы пытаетесь заставить его слишком быстро ассимилировать интуицию, у него появляются симптомы головокружения или морской болезни. Ему кажется, будто его сносит с твердой почвы реальности, к которой он так привязан, и у него действительно начинается морская болезнь. Я знала одну женщину интровертного ощущающего типа, которая, чтобы предаться активному воображению, вынуждена была ложиться в постель, иначе ее начинало укачивать.

Вследствие того, что ведущая функция человека интровертного ощущающего типа интровертна, его интуиция является экстравертной и поэтому обычно запускается внешними событиями. Прогуливаясь по улице, человек этого типа может заметить в витрине магазина кристалл, его интуиция способна внезапно ухватить символическое значение этого предмета, и оно потоком захлестнет его душу. Но это событие произойдет под влиянием внешних обстоятельств, так как

его подчиненная интуиция существенно экстравертна. Естественно, человеку такого типа присущи те же недостатки, что и человеку экстравертного ощущающего типа. У обоих интуиция часто проявляется в зловещей отрицательной форме, и если с ней специально не работать, возникающие предчувствия будут иметь пессимистичный, негативный характер.

Негативной интуиции иногда удается попасть точно в цель. Она или попадает в «яблочко», или же совершенно сбивается с пути. Вообще говоря, если интуиция является ведущей функцией, а одна из вспомогательных — мышление или чувство — также оказывается развитой, человек сам может определить, поразила ли его интуиция мишень или углубилась в лесную чащу, и ее надо попридержать. Но подчиненная интуиция примитивна, а потому ощущающий тип или удивляет вас точностью своих предчувствий, чем можно только восхищаться, или высказывает предчувствия, в которых нет и намека на правду — и тогда налицо чистая выдумка!

Экстравертный интуитивный тип: подчиненная функция – интровертное ощущение

Интуиция — функция, посредством которой мы постигаем возможности. Для человека ощущающего типа конус — это только конус, а ребенок придумает массу вещей, которые можно сделать с этим конусом. Он, например, может представить, что это купол церкви, а книга — хижина. В каждой вещи заложена возможность ее развития. Из всех органов чувств интуицию чаще всего ассоциируют с обонянием. Когда говорят: «Я чую что-то неладное», — это означает, что интуиция предупреждает о какой-то опасности. Что это за опасность, неизвестно, но ее можно учуять. Через несколько недель действительно происходит какая-нибудь неприятность, и можно сказать: «Да, я почуял это, у меня было предчувствие, что-то носилось в воздухе!» Это были еще не родившиеся возможности, ростки будущего. Следовательно, интуиция представляет собой способность предвидения того, что пока невидимо, — будущих потенциальных возможностей на фоне существующей ситуации.

Человек экстравертного интуитивного типа прикладывает эту способность к внешнему миру и в результате набирает много очков

в оценке будущего развития событий в окружающем его мире. Люди этого типа очень часто встречаются среди бизнесменов. Это предприниматели, которые отваживаются на производство и продажу новых изобретений. Таких людей можно найти и среди журналистов, и особенно среди издателей — они знают, что станет популярным в будущем году. Они отыщут то, что пока не в моде, но скоро станет модным, и первыми выбросят новый товар на рынок. Биржевые брокеры тоже могут обладать умением определять, какие именно акции поднимутся и будет ли биржа играть на повышение или на понижение. В результате они делают деньги на основании предчувствий падения и роста курса акций. Таких людей всегда можно найти там, где затевается что-то новое, даже если это новое касается духовных ценностей. Они всегда оказываются в первых рядах.

Обычно будущее создается творческими личностями. Цивилизация, в которой нет творческих людей, обречена. Поэтому творческой личностью является человек, находящийся в реальном контакте с будущим, с его ростками. Экстравертный интуитив, способный почуять, откуда дует ветер и какая завтра будет погода, увидит, что этот, возможно, доселе никому не известный художник или писатель имеет будущее, и увлечется им. Его интуиция может распознать истинную цену такой творческой личности. Сами творческие люди по натуре являются интровертами и настолько поглощены созданием творений, что не могут заботиться о вынесении на суд публики своих произведений. Творчество отнимает у них столько энергии, что они не в состоянии беспокоиться о том, как представить миру свои произведения, как организовать их рекламу и т.д. Более того, любой вид такой деятельности отравляет им радость творческого процесса. Поэтому очень часто к ним на помощь приходит интуитивный экстраверт. И абсолютно естественно, что если такой человек занимается этим всю свою жизнь, он начинает проецировать свои гораздо меньшие творческие способности на художника и таким образом теряет самого себя. Раньше или позже таким людям приходится вытаскивать себя из собственной экстраверсии и задаваться вопросом: «Даже если мой творческий потенциал неизмеримо меньше, чем у него, какими способностями обладаю *я*?» И после этого они сами загоняют себя в свою подчиненную функцию — ощущение — и, вместо того чтобы продолжать помогать творческим людям, начинают заботиться о своей подчиненной функции и о том, что может из нее выйти.

Интуиция может функционировать, только когда вещи рассматриваются издалека или когда они находятся как бы в тумане; чтобы извлечь из бессознательного определенное предчувствие, нужно прищурить глаза и не всматриваться в факты с близкого расстояния. Если разглядывать вещи слишком подробно, то внимание фокусируется на самом факте, и предчувствие не может вырваться из бессознательного. Вот почему интуитивам свойственны неточность и туманность суждений. Человек, у которого интуиция является ведущей функцией, часто сеет, но редко собирает урожай. Например, когда осваивается новое дело, обычно на начальном этапе возникают всякие проблемы: предприятие начинает работать позже намеченного срока, оно не сразу становится прибыльным, и необходимо выждать некоторое время, чтобы добиться успеха. Интуитив часто оказывается неспособным долго ждать. Он ограничивается тем, что начинает дело, а затем его продает, теряя на этом деньги, а следующий владелец наживает на нем огромный капитал. Интуитив — это человек, который изобретает, но ничего не извлекает из своего изобретения. Однако если он обладает более уравновешенным характером и может немного подождать, не растворяясь полностью в своей ведущей функции, то способен снабжать новыми вещами все уголки мира.

Экстравертный интуитив обычно не склонен особо заботиться о своем теле и удовлетворять свои физические потребности. Он не понимает, что устал, и замечает свою усталость, только дойдя до полного изнеможения. Он также не замечает, что проголодался. Если его односторонность ярко выражена, то он может и не подозревать о том, что обладает некоторыми эндосоматическими чувствами.

Подчиненное ощущение, подобно всем подчиненным функциям, проявляется в таких людях замедленно, тяжело и перегружено эмоциями. Вследствие того, что эта функция интровертирована, она отворачивается от событий внешнего мира. Как и все подчиненные функции, она обладает мистическими свойствами.

Однажды я анализировала экстравертного интуитивного типа — бизнесмена, организовавшего множество зарубежных фирм и занимавшегося также спекуляциями, связанными с золотодобывающими шахтами и другими подобными делами. Он всегда знал, где имеется возможность хорошо заработать, и за очень короткий срок нажил целое состояние. Причем сделал все это абсолютно честно, действуя весьма достойно, четко представляя, куда нужно инвестировать капиталы. Этот бизнесмен знал, что может случиться в течение бли-

жайших нескольких лет, всегда оказывался первым в нужном месте и крепко держал дела в своих руках. Его интровертное ощущение (он представлял собой скорее расщепленную личность) сначала проявилось в виде часто снившегося ему грязного, скандального бродяги. Бродяга в грязной одежде появлялся в гостиницах, в которых останавливался бизнесмен, и мы долго не могли понять, чего этот парень добивается от человека, которому он снится. Я навела своего клиента на мысль поговорить с бродягой в режиме активного воображения, и тот признался, что это он ответственен за появление симптомов, заставивших бизнесмена обратиться к аналитику. Он объяснил, что наслал их из-за того, что бизнесмен не уделял ему (бродяге) достаточного внимания. Продолжая работать в режиме активного воображения, мой клиент спросил его, что же он должен сделать. Бродяга ответил, что раз в неделю тот обязан одеваться как он сам, гулять с ним за городом и внимательно слушать, что он ему скажет.

Я посоветовала фантазеру в точности последовать данному совету. В результате он стал совершать долгие прогулки по многим кантонам Швейцарии, останавливаясь в самых скромных гостиницах, где его никто не узнавал. В течение этого времени он получил множество захватывающих впечатлений от общения с природой: восход солнца и такие казалось бы незначительные детали, как цветочек в расселине скалы, поразили его до глубины души и открыли громадное число новых для него вещей. Я могу определить это только как приобретение опыта (хотя и очень примитивного) общения с божественной стороной природы. Он возвратился молчаливым и успокоенным, и чувствовалось, что в нем проснулось что-то, до этого спавшее. После нескольких таких еженедельных прогулок постоянно беспокоившие его симптомы полностью исчезли.

Затем возникла проблема, как сохранить этот опыт и избежать возврата в прежнее состояние, когда он вернется домой, в свою страну. Мы снова посоветовались с бродягой, и тот обещал освободить его от симптомов, если раз в неделю во вторую половину дня он будет в одиночестве гулять за городом и продолжать с ним беседовать. Потом пациент уехал. Из его писем я узнала, что некоторое время он продолжал следовать советам бродяги, но затем вернулся к старым привычкам: было слишком много работы — он основал три новых фирмы и пришлось проводить много деловых встреч. Он все откладывал общение с бродягой, повторяя: «На следующей неделе, на следующей неделе, конечно, я встречусь с ним, но только на следующей

неделе». А затем все неприятные симптомы возобновились! Это послужило ему хорошим уроком: он возобновил регулярные загородные прогулки, и все стало на свое место. Приобретенный опыт привел его к мысли купить маленькую ферму и обзавестись лошадью. Раз в неделю он ухаживал за лошадью с поистине религиозным рвением. Можно сказать, что лошадь стала его лучшим другом, и еженедельные приезды на ферму, прогулки на лошади и уход за нею превратились для него в ритуал. С тех пор он наконец обрел душевный покой. Уверена, что внутри него продолжают происходить изменения, но мало знаю о нем, хотя регулярно получаю рождественские открытки с сообщениями, что все у него в порядке. И, конечно, он присылает мне фотографии своей лошади!

На этом примере можно убедиться в том, что подчиненное ощущение служит дверью, через которую можно проникнуть в глубины бессознательного. Этот человек интуитивного типа через контакт с природой и лошадью вырвался из плена своего эго и его требований. Очевидно, что даже если подчиненная функция и проявляется во внешнем образе (в данном случае в образе лошади), она исполняет символическую роль. Уход за лошадью для этого человека стал первой персонификацией безличного коллективного бессознательного. Для человека интуитивного типа чрезвычайно важно делать это медленно и скрупулезно, не объявляя при этом: «О, это не просто лошадь, она — символ бессознательного!» и т.п. Он должен привязаться к реальной лошади и ухаживать за ней, даже если сознает, что она — всего лишь символ.

Интровертный интуитивный тип: подчиненная функция – экстравертное ощущение

Интровертный интуитивный тип имеет такую же способность чуять будущее и правильно предугадывать или предчувствовать еще не видимые будущие возможности, как и экстравертный интуитивный тип. Но его интуиция обращена внутрь, и поэтому в нем изначально заложены черты религиозного пророка, провидца. В первобытном обществе он становится шаманом, посвященным в планы богов, привидений и душ предков и передающим их послания своему племени. На языке психологии можно сказать, что он разбирается в медленных

процессах, происходящих в коллективном бессознательном, в архетипических изменениях, и передает свое знание обществу. В то время как дети Израиля счастливо спали (как всегда происходит с массами), ветхозаветные пророки время от времени объясняли им, в чем состоят подлинные намерения Яхве, чем он сейчас занимается и чего хочет от своего народа. Люди обычно выслушивали эти послания без особой радости.

Много интровертных интуитивов можно обнаружить среди художников и поэтов. Обычно эти авторы создают произведения с весьма архетипическим и фантастическим содержанием, таким как у Ницше в «Так говорил Заратустра», у Густава Мейринка в «Големе», у Кубина в «Другой стороне». Такое призрачное, фантастическое искусство воспринимается, как правило, только более поздними поколениями и дает представление о том, что происходило в коллективном бессознательном во времена творчества авторов.

Подчиненное ощущение человека этого типа, кроме того, испытывает затруднения при определении потребностей тела и контролировании его аппетита. У Сведенборга, например, было видение, в котором сам Бог говорил, что ему не следует так много есть! Он, естественно, питался без малейшего самоконтроля, совершенно не думая о последствиях переедания. Сведенборг был типичным интровертным интуитивом пророческого или провидческого типа, имел простые потребности и был невоздержан в еде. Интровертный интуитив, также как и экстравертный, испытывает полную растерянность, когда сталкивается с реальными фактами жизни.

Как пример еще более забавного аспекта подчиненного ощущения интровертного интуитива я предлагаю следующую историю. Женщина интровертного интуитивного типа присутствовала на моей лекции по ранней греческой философии и была чрезвычайно тронута и поражена услышанным. После лекции она попросила меня давать ей частные уроки по досократовской философии, так как хотела глубже вникнуть в этот предмет. Она пригласила меня на чашку чая и, как это часто бывает, когда вы даете уроки интровертному интуитиву, потратила первый час на рассказ о своих впечатлениях по поводу моей лекции: о том, как она решила стать моей последовательницей, о том, что, на ее взгляд, мы можем вместе делать и т.п. Второй час прошел в том же духе. Считая, что я должна отработать свои деньги и подвести наконец ученицу к предмету обучения, я настояла на том, чтобы она просмотрела принесенную мной книгу и мы перешли к си-

стематическому изучению материала. Она согласилась, но добавила, что я должна оставить ее одну, чтобы дать ей возможность сделать это своим способом. Я заметила, что моя ученица начала нервничать.

Когда я пришла на следующее занятие, ученица сообщила, что придумала наилучший способ вникнуть в проблему, а именно: она, конечно, не сможет изучить греческую философию, ничего не зная о самих греках, а узнать о них она сможет только после того, как конкретно изучит их страну. Поэтому она уже начала рисовать карту Греции, которую показала мне. Это занятие отняло у нее уйму времени. С ее подчиненным ощущением она сначала должна была купить бумагу, карандаши и чернила. Эти покупки необычайно взволновали ее; она ощущала себя на седьмом небе, восторгаясь своим достижением! Затем она объявила, что не может еще приступить к занятиям философией — сначала необходимо закончить карту. К следующему уроку она ее уже раскрасила! Так продолжалось несколько месяцев, а затем ее интуиция нашла другую тему, и нам так и не удалось дойти до греческой философии. Она уехала из Цюриха, и мы не виделись около пятнадцати лет. При встрече она долго рассказывала мне о том, как до сих пор поражена и тронута моими уроками по философии Греции и всем тем, что извлекла из них. На самом деле она только нарисовала карту. Эта женщина представляла собой экстремальный случай интровертной интуиции. Но, оглядываясь назад, я должна признать, что понимаю, каким по-настоящему судьбоносным делом стало для нее изготовление карты, ведь таким способом она впервые соприкоснулась со своим подчиненным ощущением.

Интровертный интуитив часто пребывает в столь полном неведении о внешних фактах, что к его сообщениям нужно относиться с величайшей осторожностью. Не будучи сознательным лжецом, он может говорить совершеннейшую неправду просто потому, что не замечает того, что происходит прямо перед его носом. По этой причине я не слишком доверяю сообщениям о привидениях и парапсихологических явлениях. Интровертные интуитивы очень увлекаются этими вещами, но из-за своей плохой наблюдательности и неспособности сконцентрироваться на внешней ситуации могут рассказать вам самый невероятный вздор, клянясь, что все это чистая правда. Они проходят мимо поразительного количества любопытных внешних фактов, не обратив на них никакого внимания. Вспоминаю, например, как однажды осенью я ехала в машине с человеком интровертного интуитивного типа. Картофельные поля уже были убраны,

и горели костры ботвы. Я их заметила и с удовольствием разглядывала. Вдруг водитель принюхался, в ужасе остановил машину и сказал: «Что-то горит! Откуда этот запах?» Мы осмотрели тормоза — все было в порядке, и решили, что причина запаха — костры. Они пылали повсюду, и мне казалось совершенно очевидным, что запах гари исходит от них. Но интровертный интуитив может целый час вести машину по дороге, совершенно не замечая того, что вокруг происходит что-то необычное. А затем *внезапно* это необычное поражает его, и он делает абсолютно неверные заключения. Его подчиненное ощущение обладает свойством, присущим всем подчиненным функциям, — проявляться в сознании пунктирно, отрывочно: оно то включается, то исчезает. Человек неожиданно начинает остро ощущать запах, хотя до этого три четверти часа он его вообще не замечал, и реагировать на него очень сильно.

Подчиненное ощущение интровертного интуитива крайне интенсивно, но прорывается внезапно то здесь, то там, а затем уходит из поля сознания. Интровертный интуитив испытывает особенные трудности в сексуальной сфере, потому что она затрагивает его экстравертное ощущение. Эта проблема в особенно трагической форме отражена в произведениях Ницше. К концу его творческой карьеры, незадолго до того, как его охватило безумие, в стихах и в поэтической новелле «*Так говорил Заратустра*»появились очень грубые сексуальные аллюзии. Сойдя с ума, он, по-видимому, продолжал развивать эту тему в своих произведениях, уничтоженных после его смерти из-за их отвратительного содержания. Подчиненное экстравертное ощущение в его случае было в значительной мере и очень конкретным образом связано с женщинами и сексом, и он абсолютно не знал, как справиться с этой проблемой.

В качестве примера положительного влияния подчиненного экстравертного ощущения на интровертного интуитива можно привести интересный случай озарения, испытанного немецким мистиком Якобом Беме. У него была жена и шестеро детей, на содержание которых он не заработал ни гроша. Беме испытывал постоянные неприятности в семейных делах, поскольку его жена всегда говорила, что, вместо того чтобы писать книги о Боге и фантазировать о внутреннем развитии Божественного, ему следовало бы задуматься о том, как прокормить семью. Он был совершенно распят между двумя полюсами своей жизни. Одно из его величайших внутренних переживаний, Божественное откровение, легшее в основу всех его поздних

произведений, произошло оттого, что он увидел луч света, отраженный оловянной тарелкой. Это видение привело его в состояние внутреннего экстаза, и можно сказать, что в течение какого-то мгновения перед ним открылось все таинство Божественного. Многие годы он ничего не делал, кроме того, что медленно переводил на язык логических рассуждений то, что постиг всего за минуту, может быть, даже за секунду! Написанное им оказалось столь эмоциональным и хаотичным потому, что он пытался описать одно это переживание, лишь по-разному его разрабатывая. Но само видение возникло из-за того, что он увидел луч, упавший на оловянную тарелку, которая находилась на столе. Именно так действует экстравертное ощущение: ощущение внешнего явления запустило в нем процесс индивидуации. Здесь можно увидеть, кроме подчиненности экстравертного ощущения, удивительную целостность и мистический аспект, которыми часто обладает подчиненная функция. Интересно, что даже переедание Сведенборга соединяло его с Божественным. Его подчиненное ощущение было связано с его глубочайшими и величайшими идеями.

(Далее следует запись вопросов и ответов.)

Вопрос: Мне хотелось бы узнать, связано ли обычно состояние экстаза с подчиненной функцией.

Д-р фон Франц: Да, оно связано с ней, поскольку обычно начало экстаза вызывается действием подчиненной функции.

Вопрос: Считаете ли вы, что интуитивные типы отличаются большей чувствительностью к тому, что мы называем подсознательными стимулами?

Д-р фон Франц: Да, вообще говоря, я сказала бы, что это свойство присуще обоим интуитивным типам. Они должны им обладать, так как, для того чтобы они могли предчувствовать, их сознание должно быть все время рассеянным и неясным. Они обладают также чувствительностью к окружающей атмосфере. Возможно, интуиция является одним из видов чувственного восприятия через бессознательное или своего рода подсознательным чувственным восприятием. Таким способом подсознательное чувственное восприятие заменяет сознательное восприятие.

Вопрос: И у экстравертного интуитива, и у Якоба Беме, по-видимому, явно проявлялось интровертное ощущение. Не должно ли ощущение интровертного интуитива быть более экстравертным?

Д-р фон Франц: Да, у Беме оно было таким! Мой «конюх» (буду называть его так для краткости) осознал свою внутреннюю глубину и,

благодаря обретенному опыту, стал молчаливым. Он почти не рассказывал мне об этом опыте, только намекал на то, что в нем происходит что-то глубокое. С другой стороны, Беме вынес свое озарение во внешний мир — он сконструировал систему внешней реальности, определил место Бога и дьявола в мире. Он создал из этого целую философию, но, будучи как личность очень интровертным, обратил ее вовне. В жизни же он был всего лишь скромным сапожником.

Еще в Беме очень интересно то, что, пока он был раздираем между ворчливой женой, считавшей, что лучше бы ему шить хорошую обувь и кормить шестерых детей, и размышлениями о Божественном, он сохранял значительную продуктивность. Но после того, как была опубликована его первая книга, один немецкий барон проникся к Беме сочувствием и настолько поверил в то, что он — великий провидец, что освободил его от всех внешних трудностей, выделив средства, на которые его семья могла бы нормально существовать. С этого момента произведения Беме наполняются обидами и повторами. Его творчество стало бесплодным. Вы знаете, что на его могиле изображен следующий Божественный образ:)(. Эта история на самом деле трагична, так как показывает, что он не смог объединить светлую и темную стороны, эта задача оказалась для него непосильной. Исходя из своего опыта, я считаю, что случившееся связано с тем фактом, что он принял деньги барона и тем самым избежал мук своей подчиненной функции.

Быть распятым между ведущей и подчиненной функциями было для его творчества жизненно необходимым условием. Я хочу предупредить вас, что если когда-нибудь вы почувствуете желание спасти такого художника или пророка, ради Бога, будьте осмотрительны, изучите ситуацию и только после этого решайте, какие средства вам следует выделить для помощи этому человеку. Если вы выкупите его из рабства реальности, он может утратить всякое ощущение ее существования. Может оказаться, что вы нисколько не поможете ему. Человек такого типа будет умолять вас помочь ему в беде, на коленях просить спасти его от мук внешнего мира, с которыми он не может справиться. Но, если вы «спасете» его, творческое ядро его личности разрушится. Это не значит, что если такой человек умирает от голода, вам не следует дать ему немного денег, которые позволят ему выжить. Вы можете время от времени помогать ему, когда он окажется в особенно трудном положении, но не снимайте с его плеч всех проблем реальности, потому что, как ни странно это звучит, этим вы сте-

рилизуете его внутренний творческий процесс. Так случилось с Беме, и из-за этого он оказался неспособным объединить противоположности ни в своей системе, ни в своей жизни. Неразумной благотворительностью барон фон Мерц на самом деле уничтожил его.

Глава 3. Четыре рациональных типа

Экстравертный мыслительный тип: подчиненная функция – интровертное чувство

Этот тип можно встретить среди администраторов, людей, занимающих высокие посты на предприятиях и в правительственных структурах, бизнесменов, юристов и ученых. Обычно они энциклопедически образованы. Это они копаются в пыли библиотек и уничтожают в науке догмы, порожденные ограниченностью и леностью мышления или отсутствием точности в терминологии. Экстравертный мыслительный тип устанавливает порядок, занимая четкую позицию и заявляя: «Если мы говорим то-то и то-то, мы и имеем в виду то-то и то-то». Он вносит ясность в оценку ситуаций. Во время делового совещания такой человек непременно заявит, что сначала надо разобраться в основных положениях, а затем решать, что делать. Юрист, вынужденный выслушивать беспорядочные мнения спорящих сторон, используя свою ведущую мыслительную функцию, способен разобраться в том, что действительно является источником конфликта и что следствием недоразумений, а затем предложить решение, удовлетворяющее обе стороны. Акцент всегда будет сделан на объекте, а не на идее. Такой адвокат не будет бороться за *идею* демократии или общественного согласия; весь его разум поглощен и захвачен объективной внешней ситуацией.

Если кто-то попросит его изложить свою субъективную позицию или поделиться идеями по определенному предмету, он растеряется, так как эти вещи его не интересуют и он совершенно не осознает личные мотивы. Что касается его бессознательной мотивации, она обычно содержит по-детски наивную веру в мир, милосердие и справедливость. Если вы будете требовать объяснения того, что именно он подразумевает под «справедливостью», то приведете его в полное замешательство, и он, вероятнее всего, выпроводит вас из офиса, со-

славшись на то, что «слишком занят». Субъективный элемент остается на заднем плане его личности. Предпосылки же высоких идеалов остаются в сфере его подчиненной чувствующей функции. У него есть мистическое чувство привязанности к своим идеалам, но чтобы узнать о них, нужно загнать его в угол. В нем присутствует чувственная привязанность к определенным людям или идеалам, но она никогда не проявляется в его повседневной деятельности. Такой человек может провести всю жизнь, разрешая проблемы, реорганизуя фирмы и внося ясность в запутанные дела, и только в конце жизни начать печально спрашивать себя, ради чего же он жил на самом деле. В такой момент он погрузится в свою подчиненную функцию.

Однажды я разговаривала с человеком этого типа, который сильно переутомился и нуждался в продолжительном отдыхе. Он дал мне уйму полезных советов, убеждая меня, что я должна уйти в отпуск, а когда я спросила, почему *он* не отдыхал, то услышала такое объяснение: «Боже, когда мне приходится долго оставаться одному, я становлюсь слишком меланхоличным!» Оставшись в одиночестве, такой человек будет спрашивать себя: «А так ли уж важна на самом деле моя работа?» Он вспомнит, как спас кого-то от ограбления и совершил другие хорошие поступки, но улучшился ли от этого мир? Когда у такого джентльмена возникнут подобные чувства, он почувствует себя будто падающим в пропасть. Ему придется провести переоценку ценностей. Поэтому он, естественно, избегал ухода в отпуск, пока не упал, сломал бедро и не оказался вынужденным оставаться на постельном режиме шесть месяцев. Вот как порой природа заставляет таких людей обратиться к своей подчиненной функции!

Как я уже говорила, экстравертный мыслительный тип испытывает своего рода мистическую приверженность к идеалам, а часто и к людям. Но это глубокое, сильное, теплое чувство едва ли когда-нибудь проявляется внешне. Вспоминаю одного экстравертного мыслительного типа, который по-настоящему растрогал меня, раскрыв однажды свои чувства к жене. Но, беседуя с его женой, я с прискорбием обнаружила, как мало она о нем знает. Ведь будучи сумасшедшим экстравертом, он проводил целые дни на работе, постоянно крутясь в разных делах, и ни разу не выразил своих глубоких чувств к жене. Если бы она умирала от туберкулеза, он не заметил бы этого, пока не оказался на ее похоронах. И она не осознавала всю силу его чувств и не понимала, насколько в глубине души он ей предан и верен; все это было скрыто и никак не отражалось на его поведении. Чувство оста-

валось интровертным и не направлялось на объект. Потребовалось всего несколько сеансов, чтобы добиться улучшения взаимопонимания между супругами и заставить жену поверить в то, что муж действительно ее любит. Он был так сильно поглощен внешним миром, а его чувства столь глубоко спрятаны и не выражены внешне, что она не понимала, какую огромную скрытую роль они играют в его внутренней жизни.

Интровертное чувство, даже если оно является ведущей функцией, очень трудно понять. Прекрасным примером этого является австрийский поэт Райнер Мария Рильке. Однажды он написал: «*Ich liebe dich, was geht's dich an*» («Я люблю тебя, но это не должно тебя трогать»). Это — любовь ради самой любви! Чувство очень сильное, но не направленное на объект любви. Оно скорее напоминает состояние влюбленности в себя самого. Естественно, что чувства такого рода чаще всего неправильно понимаются, а людей такого типа считают очень холодными. Но это несправедливо: чувство целиком живет внутри них. С другой стороны, люди подобного типа оказывают очень сильное скрытое влияние на окружающее общество, так как владеют тайными способами установления ценностей. Например, человек чувствующего типа может никогда не выражать своих чувств, но вести себя так, словно знает, что одна вещь ценна, а другая — нет; такое поведение оказывает определенное влияние на других людей. Когда же чувство является подчиненной функцией, оно еще глубже спрятано и является более безусловным. Юрист, описанный мной выше, имел свое понимание справедливости, и это оказывало суггестивное влияние на других людей. Можно сказать, что его скрытое чувство справедливости бессознательно определенным образом влияло на людей, хотя сам он этого никогда не замечал. В результате это влияние оказывалось судьбоносным не только для него самого, но невидимыми путями и для других людей.

Скрытое, интровертное чувство экстравертного мыслительного типа порождает сильное невидимое чувство преданности. Такие люди бывают самыми верными друзьями, даже если и присылают вам открытки только на Рождество. Они абсолютно верны своим чувствам, но надо очень постараться, чтобы это выяснить.

Внешне экстравертный мыслительный тип не производит впечатления человека, обладающего сильными чувствами. У политика подчиненная чувствующая функция может бессознательно проявляться в глубокой и стойкой преданности своей стране. Но она же способ-

на побудить его сбросить атомную бомбу или совершить какой-нибудь другой разрушительный акт. Бессознательное и неразвитое чувство носит варварский и самовластный характер, и потому иногда из экстравертного мыслительного типа внезапно вырывается скрытый деструктивный фанатизм. Такие люди не подвергают сомнению те ценности, которые защищают, и поэтому, исходя из собственных стандартов, основанных на чувстве, не способны увидеть, что люди могут иметь и другую систему ценностей. Там, где они определенно чувствуют свою правоту, они не способны выразить свою чувственную точку зрения, но никогда не сомневаются в собственных внутренних ценностях.

Эти скрытые интровертные чувства экстравертного мыслительного типа иногда бывают очень инфантильными. После их смерти нередко находят записные книжки, исписанные наивными детскими стихами, посвященными далекой женщине, которую они ни разу не встречали в жизни. В этих стихах изливаются потоки сентиментальных, мистических чувств. Они часто просят, чтобы после их смерти эти стихи уничтожили. Их чувство скрыто; оно, в определенном смысле, является наиболее ценным их достоянием, но одновременно иногда оказывается поразительно инфантильным. У некоторых из них чувство остается полностью связанным с матерью, о привязанности к которой можно найти трогательные свидетельства. Их чувство никогда не выходит за пределы детских воспоминаний.

Примером другого способа, которым чувство, возникшее в детстве, может проявиться в экстравертном мыслительном типе, является случай французского философа Вольтера. Он, как вы знаете, изо всех сил боролся с католической церковью и является автором известного лозунга *Ecrasez l'infâme* («Раздавите гадину!»). Вольтер был интеллектуалом и типичным представителем эпохи Просвещения. Однако, на смертном одре он стал нервничать, попросил *extreme unction* (последнее причастие) и принял его с великим, переполняющим душу, религиозным чувством. Так, в конце жизни выяснилось, что он был полностью расщепленной личностью: его разум отверг религиозный начальный опыт, но чувство оставалось верным ему. Когда подошла смерть, которую каждый должен встретить как цельная личность, чувство восстало и проявилось в совершенно недифференцированной форме. Всем внезапным обращениям присуще это качество: оно возникает вследствие внезапного прорыва подчиненной функции.

Интровертный мыслительный тип: подчиненная функция – экстравертное чувство

Основная деятельность людей этого типа лишь в незначительной степени связана с попыткой установить порядок во внешних проявлениях жизни; их гораздо больше интересуют идеи. Тот, кто считает, что любое дело следует начинать не с установления фактов, а с прояснения идей, скорее всего, принадлежит к интровертному мыслительному типу. Его желание упорядочить жизнь начинается с мысли о том, что если в голове у человека полная неразбериха, ничего путного из него не получится. Сначала необходимо решить, каким идеям следовать, и выяснить, откуда они взялись; нужно очистить мозги от хаоса, докопавшись до их источника. Вся философия занимается изучением логических процессов человеческого мышления и построением идей. Это — та сфера, где больше всего используется интровертное мышление. В науке мыслительные интроверты — это люди, которые постоянно пытаются предостеречь коллег от потери времени на бессмысленные эксперименты, люди, стремящиеся вернуться к основным концепциям и задаться вопросом, что же на самом деле имеется в виду. В физике существует разделение на экспериментаторов и теоретиков: первые в своих лекциях рассказывают о камере Вильсона и методике проведения опытов, а вторые — о физических теориях и используемых в них математических методах. В самых разных областях науки всегда находятся ученые, пытающиеся очистить теорию от конкретных научных фактов. Экстравертный историк искусств будет пытаться найти новые данные и доказать, например, что один тип Мадонны появился в живописи художника раньше или позже, чем другой, а также связать этот факт с фактами его биографии или событиями той эпохи. Интроверт же может спросить: «Какое мы имеем право судить о произведении искусства?» Он скажет, что сначала мы должны понять, что подразумеваем под понятием «искусство», без этого мы окажемся в полном хаосе. Интровертный мыслительный тип всегда возвращается к субъективной идее, т.е. к вопросу о том, какое место занимает субъект в рассматриваемой ситуации.

Чувство у интровертного мыслительного типа экстравертно. У него, как и у экстравертного мыслительного типа есть сильное, преданное и теплое чувство, но разница заключается в том, что у интро-

вертного мыслительного типа оно направлено на конкретные объекты. В то время как экстравертный мыслительный тип искренне любит свою жену, но говорит, как Рильке: «Я люблю тебя, но это не должно тебя трогать», чувство интровертного мыслительного типа связано с внешними объектами. Поэтому, подражая Рильке, он скажет: «Я люблю тебя, и это тронет тебя, я добьюсь того, чтобы это тебя тронуло!» С другой стороны, чувство интровертного мыслительного типа имеет много черт, схожих с чертами подчиненного чувства экстравертного мыслительного типа — для него характерны суждения по принципу: «черное или белое», «все или ничего», «любовь или ненависть». Его чувство легко может быть отравлено влиянием других людей или общей атмосферой. Подчиненное чувство обоих типов привязчивое, а экстравертный мыслительный тип обладает еще и скрытой преданностью, которая может длиться бесконечно. Это справедливо и для экстравертного чувства интровертного, мыслительного типа; разница лишь в том, что у последнего оно не бывает скрытым. Если вы относитесь к этому чувству положительно, то назовете такого человека преданным, если отрицательно — навязчивым. Оно имеет также сходство с вязким потоком чувств эпилептоидной личности и обладает чертами липкой, собачьей привязанности, которая далеко не всегда приятна, особенно самому объекту привязанности. Подчиненное чувство интровертного мыслительного типа можно сравнить с потоком извергающейся из вулкана горячей лавы, движущейся со скоростью, не превышающей пяти метров в час, но уничтожающей все на своем пути. Однако оно обладает и преимуществами примитивной функции — подлинной искренностью и теплотой. Когда интровертный мыслительный тип любит, в его любви нет расчета. Он будет делать все для человека, которого любит, но выразится это в примитивной форме. Подчиненное чувство этого типа напоминает львицу, испытывающую удовольствие от игры с детенышем. У нее нет никаких скрытых намерений, кроме самой игры, но она трется, мурлыча, о его лапу, или покусывает, или награждает его таким сильным пинком, что тот, кувыркаясь, падает, после чего она облизывает его мордочку. Но в этом нет никакого расчета; это чистое проявление чувств, подобное тому, которое выражает собака, виляющая хвостом! Именно отсутствие расчета в чувствах домашних животных столь глубоко трогает людей.

У обоих мыслительных типов подчиненное чувство не основано на расчете, тогда как люди с дифференцированным чувством расчет-

ливы, хотя и в неявной форме. Они всегда вкладывают в чувство частицу своего эго. Однажды я познакомилась с начальником одной машинистки и поразилась, как может она хотя бы один день выносить такой ужас! Но, будучи человеком чувствующего типа, та только улыбнулась и сказала, что он — ее начальник, и она должна к нему приспособиться: если к нему присмотреться, то нетрудно обнаружить в нем и положительные качества. Можно сказать, что умение увидеть в каждом хорошее является прекрасной чертой, но, с другой стороны, в такой позиции есть и определенный расчет: она не хотела потерять свою работу и потому настроила свои чувства на положительный лад. Такое не может случиться с подчиненным чувством мыслительного типа! Я, например, никогда не смогла бы вытерпеть подобное положение: предпочла бы умереть с голоду. В этом и состоит огромная разница между подчиненным и дифференцированным чувством. Чувствующий тип нашел несколько положи тельных качеств в этом ужасном человеке и примирился с ним. Машинистка не отрицала все замеченные мною отрицательные свойства характера ее начальника, но зато отметила, что он никогда не заставляет работать сверхурочно и ценит тех, кто на него работает. Она открыла в нем ряд положительных свойств и сохранила свое место.

В «Психологических типах» Юнг объясняет некоторые случаи отсутствия взаимопонимания между типами. Если бы я сказала, что девушка из офиса расчетлива и склонна к приспособленчеству, то была бы не права; в ее случае это был только вторичный мотив. Такое суждение было бы примером негативной проекции противоположного психологического типа. Проявление ею положительных чувств к начальнику вовсе не означает, что она приспосабливается или действует по расчету. Ее поведение определяется тем, что она обладает дифференцированной чувствующей функцией. Поэтому она никогда не проявляет сильных чувств, поскольку знает, что все ценное имеет какие-нибудь недостатки. Для нее не существует ничего совершенно черного или абсолютно белого — все имеет сероватый оттенок. Таким философским было ее отношение к жизни. Я увидела расчет или приспособленчество в ее поведении из-за того, что интровертный мыслительный тип обычно замечает именно отрицательные стороны, и могу добавить, что чувствующий тип всегда знает, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом. К этому можно добавить, что подчиненное чувство обладает преимуществом отсутствия в нем какого-либо расчета, — оно никак не связано с Эго. Однако, такое чувство

может привести к ситуациям, к которым человек не сможет приспособиться. Вспомните, например, фильм «Голубой Ангел», в котором учитель влюбляется в роковую женщину-вамп из кабаре и, оставаясь преданным и верным, позволяет ей погубить себя. Такой может стать трагедия подчиненной чувствующей функции. Можно, конечно, отдать должное преданности учителя, но с таким же основанием можно сказать, что он оказался глупцом, а его подчиненное чувство отличалось дурным вкусом. Мыслительный тип иногда выбирает в друзья очень достойных людей, но может подружиться и с абсолютно недостойными; подчиненная функция обладает обоими свойствами и редко вписывается в обычные паттерны поведения.

Экстравертный чувствующий тип: подчиненная функция – интровертное мышление

Характерной чертой экстравертного чувствующего типа является то, что его действия исходят из адекватной оценки внешних объектов и правильного отношения к ним. Поэтому такой человек легко заводит друзей, не питая относительно людей особых иллюзий, но при этом способен верно оценить их и положительные, и отрицательные стороны. Такие люди хорошо приспосабливаются к окружающей обстановке, обладают здравым смыслом, проявляют дружелюбие в компании, легко добиваются своих целей и при этом могут устроить так, что каждый готов сделать для них все, чего они хотят. Они «втираются в доверие» к окружающим столь искусно, что их жизнь протекает очень гладко. Многие женщины принадлежат к этому типу; у них, как правило, счастливо складывается семейная жизнь, их окружает масса друзей. И только в случае невротических расстройств они становятся несколько театральными, механическими и расчетливыми. Если вы идете вместе с экстравертным чувствующим типом на званый обед, она (или он) будет произносить ничего не значащие фразы типа «Какой сегодня прекрасный день! Я так рада вас видеть, мы ведь так давно не встречались!» И такой человек действительно имеет это в виду! В результате машина общения смазана, и все идет как по маслу. Вы чувствуете себя счастливым и пребываете в прекрасном настроении. Люди данного типа создают вокруг себя дружескую атмосферу, и это приятно: «Мы ценим друг друга и потому собираемся хорошо вместе

провести время». Они дают возможность окружающим чувствовать себя удивительно легко, и, находясь в центре общества, беззаботно плывут по течению, создавая приятную атмосферу общения. Только когда такой человек перестарается, или его экстравертное чувство уже поизносилось, и поэтому он должен начать мыслить, вы заметите, что его поведение стало частью привычки, а фразы произносятся чисто механически. Например, однажды я обратила внимание на экстравертного чувствующего типа, который, несмотря на кошмарную погоду, когда все вокруг окутал густой туман, механически произнес: «Какая сегодня прекрасная погода!» Я подумала: «Да, дорогой, похоже, что твоя ведущая функция барахлит!»

Вследствие того что люди экстравертного чувствующего типа обладают столь потрясающей способностью объективно почувствовать положение, в которое попал человек, обычно именно они наиболее искренно жертвуют собой ради других. Если кто-то дома в одиночестве болеет гриппом, то, разумеется, именно экстравертный чувствующий тип первым навестит его и поинтересуется у больного, кто ухаживает за ним, и спросит, чем он сам может помочь. В таких ситуациях другие типы не столь быстры и практичны в своих действиях. Им даже при наличии не менее глубокой привязанности может и не прийти в голову, что они могли бы сделать нечто конкретное, чтобы помочь человеку. Так происходит или из-за того, что они интроверты, или потому, что в их системе ведущей является другая функция. Таким образом, вы обнаружите, что экстравертный чувствующий тип всегда первым «закрывает брешь», потому что, если произошло что-либо неладное, он сразу же это понимает. Он видит, что нужно сделать, и делает. Это, естественно, может заставить его сопротивляться внешним обстоятельствам.

Обычно человек такого типа обладает очень хорошим вкусом в выборе друзей и партнеров, но при этом несколько склонен к соблюдению условностей. Он не рискнет выбрать себе в друзья человека слишком неординарного, предпочитая оставаться в социально-приемлемых рамках. Экстравертный чувствующий тип нс любит размышлять, поскольку мышление является его подчиненной функцией, причем, больше всего ему претит интровертное мышление — размышления о принципах философии, абстракциях или смысле жизни. Он старательно избегает таких глубоких вопросов, и размышления на эти темы приводят его в уныние. К несчастью, он все же раздумывает над такими вещами, не осознавая этого, и, поскольку

он пренебрегает мышлением, то оно имеет тенденцию становиться негативным и вульгарным. Его мышление состоит из стандартных, примитивных суждений, оно совершенно не дифференцированно и очень часто имеет негативную окраску. Я также обнаружила у одного экстравертного чувствующего типа весьма отрицательное мнение о соседях. Его суждения были критичны, я бы даже сказала, сверхкритичны, но он не позволял им в полной мере выйти наружу. Юнг говорит, что экстравертный чувствующий тип иногда может оказаться самым холодным человеком на свете. Если вы соблазнитесь «хорошо смазанной машиной» его экстравертного чувства и искренне поверите в то, что вы нравитесь друг другу и вам хорошо вместе, то в один прекрасный день он скажет что-нибудь такое, после чего вы почувствуете себя так, будто вам на голову свалилась ледяная глыба! Трудно даже вообразить, какие негативные и циничные мысли могут придти ему в голову. Он и сам о них не догадывается, но они всплывают, когда у него начинается грипп или его лихорадит, — в такие моменты его подчиненная функция поднимается и выходит из-под контроля ведущей функции.

Однажды одной экстравертной чувствующей женщине приснилось, что ей следует основать станцию наблюдения за птицами. Во сне она видела цементное здание с высокой башней, на крыше которого размещалась лаборатория наблюдения за птицами. Такая *Vogelbeobachtungsstation* (Птичья обсерватория) существует в Семпахе, и в ней окольцовывают птиц, чтобы узнать, как долго они живут, куда летают и т.п.: нечто подобное она и собиралась основать. Мы решили, что ей следует попытаться зафиксировать в сознании случайные мысли, которые приходят в голову и тут же ускользают. Именно так ведут себя мысли чувствующего типа; птицы-мысли вспыхивают в его мозгу и тут же улетучиваются. Не успеет он произнести слова: «О чем это я подумал?», как мысль уже исчезает. Женщина согласилась, и я спросила ее, как, по ее мнению, это можно осуществить. Она ответила, что будет постоянно носить с собой записную книжку и карандаш и, когда у нее появится неожиданная мысль, сразу же будет ее записывать. А потом мы посмотрим, как эти записи связаны между собой. В следующий раз она принесла листок, на котором было написано: «Если мой зять умрет, дочь вернется домой». Она испытала такой шок от этой мысли, что вторую птицу уже не стала окольцовывать! Этой одной ей оказалось вполне достаточно. Затем она призналась в другом, еще более интересном феномене: рассказала мне,

что знала, что иногда у нее возникают подобные мысли, но считала, что если она их не запишет, то они не окажут никакого действия. Если же она их запишет, они подействуют как средство черной магии и заденут ее близких. Поэтому она избегала таких мыслей.

Но это абсолютно неверно. Все происходит как раз наоборот: если чувствующий тип осознает свои скверные мысли, они не действуют как средство черной магии. Они утрачивают способность деструктивного влияния. Именно тогда, когда они предоставлены сами себе, летают вокруг головы чувствующего типа, и никто их нс ловит, они действительно оказывают разрушительное воздействие на окружающих. Если аналитик, проводящий сеанс с экстравертным чувствующим типом, обладает способностью ощущать окружающую атмосферу, его нередко, несмотря на внешнее дружелюбие пациента, начинает знобить. Можно даже ощутить скверные мысли, роящиеся в голове пациента. Они оказывают очень неприятное воздействие. Иногда замечаешь, как в глазах пациента вспыхивает какой-то холодный огонек, и понимаешь, что это — признак появившейся скверной мысли, но в следующее мгновение огонек исчезает. От этого но спине начинают ползать мурашки. Обычно такие мысли являются следствием очень циничного взгляда на жизнь, обращения к ее темной стороне: болезням, смерти и прочим подобным вещам. На заднем плане копошится своего рода вторая философия жизни, циничная и негативная. В экстравертном чувствующем типе эти мысли интровертны и потому часто направлены против самого субъекта. В глубине души он позволяет себе думать, что он — ничто, его жизнь не имеет цены, и если любой другой может развиваться и вступить на путь индивидуации, то сам он абсолютно безнадежен. Эти мысли существуют на заднем плане его разума. Время от времени, когда он находится в депрессии или ему плохо, или особенно когда он интровертирует (это происходит, когда он остается наедине с собой хотя бы на полминуты), эта негативная часть его личности нашептывает ему исподтишка: «Ты — ничто, у тебя все не так, как надо». Эти мысли грубы, примитивны и совершенно не дифференцированы; они представляют собой обобщенные суждения и напоминают порывы пронизывающего сквозняка, продувающего всю комнату и вызывающего озноб. В результате, когда в голове экстравертного чувствующего типа возникают негативные мысли, он не может вынести одиночества. Как только одна-две такие мысли всплывают в его сознании, он быстро включает радио или убегает из дома, чтобы встретить других людей. У него

совершенно нет времени подумать! Но он тщательно организует свою жизнь именно таким образом.

Если бы женщина с одной тайной мыслью «Пусть моя единственная дочь вернется домой!» копнула поглубже, она должна была бы сказать себе: «Ладно, давай разберемся с этой мыслью! К чему я стремлюсь? Если у меня возникла такая мысль, что же является ее источником и какой вывод нужно из этого сделать?» Затем она могла бы додуматься до того, что источником ее является что-то подобное ненасытной материнской любви, и поэтому она хочет избавиться от зятя. Почему? Ради чего? Она могла бы, например, сказать себе: «Предположим, моя дочь вернулась домой, ну и что дальше?» И тогда она увидела бы, насколько неприятным на самом деле может оказаться присутствие в ее доме угрюмой старой девы — ее дочери. Продолжая эту мысль, она, возможно, достигла бы еще более глубокого уровня, задавшись вопросом: «Что же из этого следует? Если мои дети уже покинули дом, в чем теперь заключается подлинная цель моей жизни?» Она вынуждена была бы пофилософствовать на тему своей будущей жизни: «Имеет ли моя жизнь смысл после того, как я воспитала детей и выпустила их из дома? И если имеет, в чем же она состоит? В чем вообще заключается смысл жизни?» Она столкнулась бы с глубокими общечеловеческими философскими вопросами, над которыми никогда не задумывалась раньше и которые завели бы ее в глубины сознания. Естественно, она не смогла бы разрешить эту проблему, но, возможно, увидела бы сон, который помог бы всему процессу анализа. С помощью своей подчиненной мыслительной функции она занялась бы поиском смысла жизни. Вследствие того, что она представляла собой экстравертный чувствующий тип, этот поиск протекал бы в форме совершенно интровертного, внутреннего процесса, подобного развитию интровертного философского взгляда на жизнь. Это вынудило бы ее подолгу оставаться в своей комнате наедине с собой и медленно исследовать темное подземелье своих мыслей.

Удобный выход, который я наблюдала в нескольких случаях у экстравертных чувствующих типов, заключается в том, что они преодолевали трудности, просто отдавая свои души уже установившимся системам. Помню, как одна пациентка обратилась в католичество и приняла схоластическую философию. С тех пор она цитировала только схоластов. Таким образом она в какой-то мере подняла свою мыслительную функцию, но подняла ее в уже сформировавшемся виде. То же самое можно проделать и с юнгианской психологией: она превра-

тится в простое повторение механически выученных наизусть концепций, а не в выработку с ее помощью собственной точки зрения. Это школярская, нетворческая позиция, при которой систему принимают целиком, без всякой критической проверки, и никогда не задаются вопросом: «Что я думаю об этом? Действительно ли это убеждает меня? Соответствует ли эта система проверенным мною фактам?» Если такие люди впоследствии встречают тех, кто сам умеет мыслить, они нередко становятся фанатиками, потому что чувствуют свою беспомощность. Они борются за избранную ими систему с фанатизмом, достойным апостолов, поскольку чувствуют неуверенность в логических основаниях системы, не знают, как она развивалась, каковы ее основные концепции и т.д. Они не уверены в справедливости всей этой концепции, чувствуют, что хорошо мыслящий человек может легко опрокинуть их систему, и поэтому занимают агрессивную позицию.

Экстравертного чувствующего типа подстерегает и другая опасность: начав мыслить, он полностью поглощается этим процессом. Либо он не может порвать свои отношения с окружающими, чтобы остаться в одиночестве и размышлять, либо, если ему это удастся (что само по себе большое достижение), он становится заложником своих мыслей и теряет связь с жизнью. Он зарывается в книги или целыми днями пропадает в библиотеке, где покрывается пылью и утрачивает способность переключиться на какую-нибудь другую деятельность. Стоящая перед ним задача полностью поглощает его. Оба сценария развития великолепно представлены в «Фаусте» Гете, где сначала описан ученый, абсолютно отрезанный от всего мира в своем пыльном кабинете, а затем, когда Фауст освобождается и выходит в жизнь, появляется слуга-ученик Вагнер с его подчиненным мышлением чувствующего типа, повторяющий банальные фразы, вычитанные из книг. Превосходным примером подчиненного мышления экстравертного чувствующего типа являются «Разговоры с Эккерманом» Гете. Это — поразительное собрание банальностей. В этом произведении можно наблюдать, как вагнеровская сторона Гете явственно выставлена на всеобщее обозрение. Он также опубликовал книгу афоризмов, которые можно встретить на обратной стороне листков любого отрывного календаря! Они очень правильны и редко могут вызвать какие-либо возражения, но настолько банальны, что достаточно овечьих мозгов, чтобы их придумать. Так в великом поэте проявился Вагнер.

Интровертный чувствующий тип: подчиненная функция – экстравертное мышление

Интровертный чувствующий тип также обладает свойством приспосабливаться к жизни главным образом с помощью чувства, но выраженного в интровертной форме. Понять людей этого типа очень трудно. Юнг в «Психологических типах» говорит, что поговорка «тихие воды глубоки»* относится именно к этому типу людей.

Они обладают высоко дифференцированной системой ценностей, но внешне ее не демонстрируют, она воздействует на них изнутри. Там, где происходят важные события, интровертного чувствующего типа можно часто обнаружить на втором плане, как будто интровертное чувство подсказывает ему: «это действительно важно». Проявляя своеобразную молчаливую лояльность и ничего не объясняя, они появляются в тех местах, где можно стать свидетелями важных и ценных внутренних событий и архетипических констелляций. Кроме того, они обычно оказывают тайное положительное влияние на свое окружение, устанавливая стандарты поведения. И хотя, будучи интровертами, они не высказываются вслух, люди наблюдают за ними, и таким образом осуществляется установка стандартов. Интровертные чувствующие типы, например, часто формируют этическую основу группы, не раздражая других чтением проповедей и моральных наставлений, — они обладают столь точными стандартами моральных ценностей, что из них исходит тайная эманация, оказывающая положительное влияние на окружающих. В их присутствии приходится вести себя корректно, потому что они обладают подлинными стандартами ценностей, всегда внушающими уважение, заставляющими и других держаться достойно. Их дифференцированное интровертное чувство определяет, какой фактор является по-настоящему важным.

Мышление этого типа экстравертно. Молчаливое, незаметное внешнее поведение интровертных чувствующих типов составляет поразительный контраст с тем интересом, который они обычно проявляют к громадному числу внешних событий. В сознательной части своей личности они малоподвижны, предпочитая отсиживаться в своих барсучьих норах. Но их экстравертное мышление охватыва-

* Русский вариант: «В тихом омуте черти водятся» (*прим. ред.*).

ет невероятно широкий диапазон внешних фактов. Если у них возникает желание творчески использовать свое экстравертное мышление, они испытывают обычные для экстраверта трудности — их настолько захлестывает слишком большой объем материала и избыток фактической информации, что их подчиненное экстравертное мышление подчас теряется в дебрях подробностей, продираясь через которые, они уже не могут найти свою дорогу. Подчиненность их экстравертного мышления очень часто выражается в определенной мономании: в действительности ими овладевает одна или две идеи, с помощью которых они движутся через огромное количество материала. Юнг всегда характеризовал фрейдовскую систему как типичный пример экстравертного мышления.

Юнг никогда ничего не говорил о типе Фрейда как человека; он только указывал в своих книгах на то, что фрейдовская *система* представляет собой продукт экстравертного мышления. От себя хочу добавить, что по моему личному убеждению, сам Фрейд был интровертным чувствующим типом, и поэтому его произведения несут характеристики подчиненного экстравертного мышления. Во всех его работах содержится всего несколько основных идей. С их помощью он пронесся сквозь огромное количество материала, при этом вся его система полностью ориентирована на внешние объекты. Если прочесть биографические заметки о Фрейде, то обнаружится, что сам он в высшей степени владел дифференцированным способом обращения с людьми. Он был блестящим аналитиком. Кроме того, Фрейд обладал своеобразным скрытым «джентльменством», оказывавшем положительное влияние как на пациентов, так и на окружающих. При анализе его личности необходимо делать различие между его теорией и его личностными качествами. Думаю, из того, что о нем известно, следует, что он принадлежал к интровертным чувствующим типам.

Преимущество подчиненного экстравертного мышления связано с тем, что я только что критически охарактеризовала как «скачку с несколькими идеями сквозь огромное количество материала». (Фрейд сам жаловался на то, что его интерпретации сновидений оказываются ужасно однообразными; одно и то же толкование каждого сновидения наводило скуку даже на него самого). Если эта тенденция не зашла слишком далеко и интровертный чувствующий тип осознает опасность, которую представляет его подчиненная функция, и постоянно контролирует ее, она может дать большое преимущество, будучи простой, ясной и понятной. Но этого недостаточно, и интроверт-

ный чувствующий тип должен еще углубиться в себя и попытаться корректировать и дифференцировать свое экстравертное мышление, иначе он попадет в западню интеллектуальной мономании. Поэтому человек данного типа должен все время корректировать свое мышление: ему следует принять гипотезу, что каждый факт, приводимый им в доказательство своих идей, иллюстрирует их слегка по-иному, и, имея в виду подобное обстоятельство, нужно всякий раз эти идеи переформулировать. Таким способом он будет поддерживать живой процесс взаимодействия мысли и факта, вместо того, чтобы просто прикладывать свои идеи к фактам. Как и все другие подчиненные функции, подчиненное экстравертное мышление имеет негативную тенденцию стать тираническим, жестким, неподатливым и потерять способность адаптироваться к объекту.

(Далее следуют вопросы и ответы.)

Вопрос: Все ли типы — сообразно их установкам и функциям — распространены одинаково? Кого больше: экстравертов или интровертов?

Д-р фон Франц: Мы не имеем сведений обо всем человечестве; скажем, не исследовалось население китайских деревень и других подобных мест. Вообще-то, мы часто говорим о типах, характерных для разных наций; высказываем, например, мнение, что швейцарцы, в целом, — интровертные ощущающие типы. Это может означать, что иногда в определенных группах один из типов преобладает. Хотя существует множество швейцарцев других типов, статистически доказано определенное преобладание людей интровертного ощущающего типа. Вы можете этим объяснить, например, высокое качество швейцарских изделий: часовая индустрия нуждается в сочетании *интровертного* отношения к работе и дифференцированного ощущения при выполнении точных операций. Поэтому по отношению к различным странам и нациям можно говорить, что один из типов является доминирующим, и он-то и определяет преобладающую в группах установку. Но я не знаю, к какому итогу вы придете, если станете выяснять, сколько людей относится к определенному типу. Для ответа на этот вопрос требуется проведение специального исследования.

Вопрос: Некоторые из нас весьма заинтересованы в попытке экспериментальным путем исследовать степень справедливости гипотезы о существования четырех функций. Теоретически мы располагаем гипотезой, руководствуясь которой, способны это сделать и можем выяснить, действительно ли всех людей можно, образно говоря, раз-

ложить по четырем различным полочкам. В Америке предпринималось много попыток установить, можно ли разделить людей на экстравертов и интровертов. Насколько мне известно, эта гипотеза не нашла никакого подтверждения, так как оказалось, что большинство людей находятся где-то в промежутке между этими типами. Каково ваше отношение к попыткам экспериментально проверить эту гипотезу?

Д-р фон Франц: Думаю, вы абсолютно правы в желании вести экспериментальные исследования. Никто не пытается просто утверждать, что теория типов верна, мы должны протестировать много миллионов людей и статистически обработать результаты — это пока не сделано. Однако, как вы могли увидеть из моих объяснений, диагностика типа очень трудна, так как люди часто, находясь на определенном этапе развития личности, уверены, что принадлежат к определенному типу. Но для того чтобы выяснить, не является ли этот этап промежуточным и кратковременным, требуется изучение всей истории развития его личности. Например, если кто-то утверждает, что он — экстраверт, это еще ничего не значит; для того чтобы поставить относительно надежный диагноз, вам придется тщательно изучить всю его биографию. До сих пор у нас нет абсолютно надежного научного обоснования нашей теории, и мы не претендуем на то, что располагаем им.

Мое отношение к этому вопросу заключается в том, что идея четырех функций типов является архетипической моделью, используемой для объяснения различных явлений, и, как все научные модели, она имеет и свои преимущества, и свои недостатки. Известный физик Паули однажды высказал мысль, которая кажется мне весьма убедительной, а именно, что ни одна новая теория, ни одно новое плодотворное научное открытие никогда не появлялись на свет без помощи архетипической идеи. Например, идея трехмерного и четырехмерного пространства основана на архетипическом представлении, которое, в определенной степени, всегда существовало, продуктивно работало и помогло объяснить массу различных явлений. Но затем вступает в действие фактор, который Паули называет присущей теории ограниченностью: если распространить теорию на явления, которые она не описывает, та же самая плодотворная теория становится препятствием на пути дальнейшего научного прогресса. Идея трехмерного пространства, например, все еще полностью справедлива в области классической механики, и каждый плотник или ка-

менщик пользуется ею в своей работе. Но если вы попытаетесь применить ее в области физики микромира, у вас ничего не получится. Можно с уверенностью считать доказанным, что эта архетипическая идея родилась в умах западных ученых из догмата Троицы. Кеплер, создавая свою планетарную модель, говорил, что именно благодаря Троице пространство имеет три измерения! Или возьмем Декартову идею причинности: Декарт утверждал, что его идея основана на том факте, что Бог никогда не поступал по прихоти, но всегда действовал в соответствии с логикой, поэтому все явления должны быть причинно обусловлены.

Все основные идеи, даже в естественных науках, представляют собой архетипические модели, но они работают до тех пор, пока не делается попытка выйти за область их применения. Они приносят огромную пользу людям, пока не пытаются втиснуть в них факты, которые этим идеям не соответствуют. Поэтому я думаю, что теория четырех функций имеет практическую ценность, но не является догмой. Юнг в своих книгах очень ясно выдвинул эту идею в качестве эвристической исходной точки зрения — как гипотезу, с помощью которой можно понять многие наблюдаемые явления. Теперь мы знаем, что во всех научных исследованиях все, что мы можем делать, — это выдвигать теоретические идеи, строить модели и выяснять, насколько факты укладываются в эти модели. А если факты не укладываются в модель, ее приходится корректировать. Иногда необходимость в пересмотре теоретической идеи не возникает: мы просто говорим, что теория применима только в определенной области, и если ее перенести на другую область, она станет неверной. Лично я убеждена в том, что мы еще не исчерпали до конца плодотворность изложенной мною модели, но это вовсе не означает, что не существуют фактов, которые не укладываются в нее и потому могут заставить нас пересмотреть эту модель.

Вопрос: Может ли интровертный чувствующий тип обладать интровертным мышлением, или у него всегда подчиненное экстравертное мышление?

Д-р фон Франц: Если вы являетесь интровертным чувствующим типом, то можете и мыслить интровертно. Естественно, вы можете пользоваться всеми своими функциями любыми способами, это не составит для вас большой проблемы, но и не вызовет слишком интенсивной работы этой функции. Юнг сказал, что труднее всего понять человека не *противоположного* вам типа (хотя если вы обладаете

интровертным чувством, то понять личность с экстравертным типом мышления непросто), а человека того же функционального типа, но с другой установкой! Труднее всего интровертному чувствующему типу понять экстравертный чувствующий тип. В этом случае первый чувствует, что не знает, как крутятся колесики в голове человека другого типа, он не может почувствовать способ его мышления. Такой человек остается для него загадкой, его очень трудно сразу понять. Здесь теория типов имеет весьма важное практическое значение, так как только она может предотвратить полное непонимание вами людей определенного типа. Она дает ключ к пониманию человека, спонтанные реакции которого представляются вам полной загадкой и которого вы, если прореагируете тоже спонтанно, полностью собьете с толку.

Вопрос: В чем состоит разница между подчиненной интуицией и подчиненным чувством?

Д-р фон Франц: Интуиция — иррациональная функция, которая схватывает факты и открывает возможности будущего их развития, но это не функция оценки. Подчиненная интуиция может вызвать предчувствие войны или болезни других людей, или архетипических изменений в коллективном бессознательном. При этом интроверт пая интуиция создает неожиданные предчувствия медленной трансформации коллективного бессознательного в потоке времени. Интуиция поставляет факты без всякой оценки. Чувство — совершенно другая функция. По терминологии Юнга, это рациональная функция (*ratio*: упорядоченность, расчет, причина). Функция, устанавливающая порядок и выносящая суждения, говорящая: «Это — хорошо, а это — плохо, это — мне приятно, а это — неприятно». Подчиненное чувство человека мыслительного типа может давать оценку, но не способно представлять факты. Например, экстравертный ощущающий тип, в большой степени пренебрегающий своей интуицией, видит повторяющийся сон, в котором в его дом ночью врываются бедняки и рабочий плебс. Он страшно напуган этим бесконечно повторяющимся сновидением и начинает говорить и в кругу своих друзей, и на званых обедах, что коммунисты обязательно победят, и с этим абсолютно ничего нельзя поделать. Поскольку он считается очень способным политиком, это производит неприятное впечатление на его друзей. Вот пример неверного действия интуиции, основанной на личной проекции. Так действует подчиненная интуиция. Человек с подчиненной чувствующей функцией может внезапно начать судебную тяжбу, бу-

дучи убежден, что борется за правое и доброе дело, но, если кто-то сможет переубедить его, он отбросит все, включая и тяжбу, которую сам начал.

Внезапная перемена его убеждений является индикатором подчиненного чувства. Люди легко поддаются постороннему влиянию, когда вопрос касается их подчиненной функции. Поскольку она бессознательна, позицию таких людей легко поколебать, в то время как в сфере действия своей ведущей функции они обычно знают, что делать, когда на них нападают: всегда держат оружие наготове, широко мыслят, проявляют гибкость при принятии решений и чувствуют свою силу. Как только вы почувствуете себя сильным, вы будете охотно обсуждать спорные вопросы и можете изменить свою позицию, но когда ваша чувствующая функция — подчиненная, вы становитесь фанатичным, обидчивым и на вас легко повлиять. Изменение выражения лица близкого друга может подействовать на чувство человека мыслительного типа, потому что его чувство находится в сфере бессознательного и, следовательно, открыто влиянию. Поэтому, как я уже говорила, экстравертный мыслительный тип может иметь преданных друзей, а затем внезапно отвернуться от них. В один прекрасный день он может бросить вас, как горячую картофелину, и вы даже не поймете, что случилось. Каким-то образом яд проник в его систему: кто-то что-то сказал или просто состроил гримасу, когда упомянули ваше имя! Его чувство бессознательно. От таких эффектов можно избавиться, только переведя их в сознание. Если вы будете возражать против намерения экстравертного мыслительного типа затеять тяжбу, используя логическую терминологию, он станет обсуждать с вами эту тему и заинтересуется вашими аргументами. Он пойдет на общение и не воспримет ваши слова в превратном смысле, но как только вы затронете его чувство, он внезапно, без всякой причины, оборвет беседу, сам не понимая, почему он так поступает.

Глава 4. Роль подчиненной функции в психическом развитии

Подчиненную функцию можно представить себе как дверь, сквозь которую все составляющие бессознательного проникают в сознание. Наша сфера сознания подобна комнате с четырьмя дверьми, и именно через четвертую сюда входят тень, анима или анимус и персонификация нашей Самости. Они не столь часто входят через другие двери, что, некоторым образом, можно считать очевидным: подчиненная функция настолько близка к бессознательному и остается столь варварской, униженной и неразвитой, что она, естественно, является тем слабым местом, через которое в сознание могут прорваться составляющие бессознательного. В сознании подчиненная функция воспринимается как слабое место, как некая неприятная вещь, не оставляющая человека в покое и вечно доставляющая ему неприятности. Всякий раз, когда человек чувствует, что достиг определенного внутреннего равновесия, твердой точки зрения, появляется нечто, изнутри или снаружи, чтобы снова все перевернуть или разбросать. Эта сила всегда входит сквозь четвертую дверь, которую невозможно закрыть. Три остальных двери внутренней комнаты могут быть закрыты, но на четвертой замок нс работает, и через нее, когда человек меньше всего ожидает прихода гостей, вновь появляется нечто непредсказуемое. Можно добавить: «Слава Богу!», иначе весь жизненный процесс окаменел бы, застоялся в своем отнюдь не идеальном сознании. Подчиненная функция — это вечно кровоточащая рана сознательной личности, но через нес всегда может войти бессознательное, расширив таким способом сознание и продвинув вперед новые установки.

До тех пор, пока личность не воспитает свои другие функции, то есть, две вспомогательные, они тоже будут оставаться открытыми дверьми. В человеке, развившем в себе только ведущую функцию, две вспомогательные будут действовать так же, как и подчиненная, и появляться в сознании в виде воплощений тени, анимуса и анимы. Когда человеку удается развить три функции, закрыв три двери во внутреннюю комнату, проблема четвертой все же остается, так как, видимо, ей и предназначено оставаться незапертой. С этим прихо-

дится смириться: чтобы продолжать развиваться, необходимо испытать поражение.

В сновидениях подчиненная функция оказывается связанной с тенью, анимусом или анимой и Самостью, и это придает им определенные характерные качества. Например, тень у интуитива будет часто персонифицироваться в виде некой фигуры ощущающего типа. Подчиненная функция каждого типа заражается тенью: у мыслящего типа она возникает как относительно подчиненная или примитивно чувствующая личность и т.д. Поэтому если для интерпретации сновидения попросить описать эту теневую фигуру, люди начнут рассказывать о своих подчиненных функциях. Затем, когда человек начинает подозревать о существовании своей тени, подчиненная функция придает анимусу или аниме особое качество. Например, фигура анимы, персонифицированная в виде определенного человеческого существа, часто появляется в образе личности с противоположной функцией. То же самое происходит и при персонификации Самости.

Когда подчиненная функция заражается влиянием низших уровней социальных слоев общества или населения получивших известность слабо развитых стран, происходит другой вид персонификации, но уже имеющей естественное отношение к тени. Поразительно то, с каким высокомерным превосходством мы смотрим на так называемые «слаборазвитые» страны и проецируем на них свои подчиненные функции! Но эти «слаборазвитые» страны оказываются внутри нас самих! Подчиненная функция нередко принимает вид дикого африканца или индейца. Она часто представляется и какими-нибудь экзотическими народами: китайцами, русскими, или другой нацией, которая может обладать чем-то не известным нашему сознанию. Она как бы хочет сказать: «я столь же непостижима для вас, как китайская психология».

Такое социальное представление подчиненной функции становится весьма удобным, поскольку эта функция в своем отрицательном аспекте стремится обладать чертами варварского характера. Подобное желание может вызвать состояние одержимости: если, например, интроверты впадают в состояние экстраверсии, они ведут себя по-варварски и выглядят одержимыми. Говоря о варварах, я подразумеваю людей, не способных контролировать собственное сознание, несущихся в пропасть, не способных нажать на тормоза и остановиться. Такой вид преувеличенной, безотчетной экстраверсии редко встре-

чается у настоящих экстравертов, но у интровертов она подобна машине без тормозов, совершенно бесконтрольно увеличивающей скорость. Интроверт может превратиться в чрезвычайно капризного, дерзкого, самоуверенного человека, разговаривающего так громко, что все в комнате вынуждены его слушать. Такая подчиненная экстраверсия может внезапно выпрыгнуть из интроверта, когда он напьется.

Интроверсия экстраверта является столь же варварской и одержимой, но это не столь очевидно для окружающих. Экстраверт, одержимый варварской интроверсией, совершенно исчезает из нормальной жизни. Он сходит с ума, не выходя из своей комнаты. Экстраверты, впадающие в свою примитивную интроверсию, расхаживают с важным видом, уверяя каждого, что они испытывают глубокие мистические переживания, о которых не могут рассказать. Сознавая собственную важность, эти люди дают понять собеседникам, насколько глубоко они погружены в активное воображение и процесс индивидуации. У слушателя создается странное впечатление, что такой человек одержим какими-то дикими силами. Если подобное случится в форме увлечения йогой или антропософией, то будет происходить такая же демонстрация существования чего-то мистического, неизмеримых глубин, в которые погрузился тог или иной одержимый. В действительности эти люди постоянно испытывают искушение вернуться к собственной экстраверсии, отчего и твердят неустанно всем и каждому о нехватке времени для возобновления контактов. Им хотелось бы переключиться снова на собственную экстраверсию и посещать все обеды и вечеринки, происходящие в городе. Но они, обороняясь, заявляют: «Нет, мне это абсолютно непозволительно; теперь я пребываю в глубинах своей души». Весьма часто, находясь в указанной фазе, они уверены в том, что действительно имеют другой, демонстрируемый ими тип. Экстраверты, пребывающие в фазе, когда им необходимо ассимилировать интроверсию, всегда будут клясться, что и сейчас являются, и до этого всегда были интровертами, а экстравертами их считали ошибочно. Таким образом, они пытаются помочь себе «перейти на другую сторону». Если они стараются выразить свои внутренние переживания, то обычно приходят в чрезвычайно взволнованное состояние, переполняются эмоциями, готовы занять трибуну и заставить всех слушать себя. Переживаемое кажется им необычайно значительным и важным.

Это варварское свойство подчиненной функции приводит к серьезному расщеплению личности. Человек может лишь благодарить Бога, если его противоположная функция персонифицируется в сновидениях только так называемыми первобытными персонажами; ведь нередко она приобретает вид фигур каменного века или даже животных. В таком случае человек может сказать, что его подчиненная функция не смогла развиться даже до первобытного человеческого уровня. На этой стадии подчиненная функция поселяется, если так можно выразиться, в теле человека и может проявляться только в его физических симптомах или активной деятельности. Когда, например, я вижу раскинувшегося на солнцепеке интроверта-интуитива, наслаждающегося своей подчиненной функцией, он напоминает мне нежащегося на солнце кота; его ощущения все еще находятся на уровне животного.

У мыслительного типа чувствующая функция очень часто не поднимается выше уровня собаки. Наверное, труднее представить себе чувствующий тип, мыслящий на уровне животного, но и это случается. Такие люди имеют привычку изрекать банальные истины, которые, кажется, смогла бы выразить и корова, если бы умела говорить. Временами собаки делают беспомощные попытки мыслить. Мой собственный пес тоже пытался думать и приходил к ужасающе неправильным выводам. Он всегда ложился на мой диван, а я привыкла сгонять его оттуда. Из этого пес сделал вывод, что я терпеть не могу, когда он сидит на чем-то, возвышающемся над уровнем земли. Поэтому, когда я сажала его на какой-нибудь предмет, он приходил в дикое волнение и думал, что сейчас его будут наказывать. Бедняга никак не мог понять, что только диван, а не каждый возвышающийся над полом предмет мебели, запрещен для его обитания. Он просто сделал неправильные выводы из моих действий! Развитие мыслительной функции остановилось у собаки на половине пути, и поэтому тот или иной мыслительный процесс у нее приводит к ложным заключениям. Меня часто ошеломляет факт, что чувствующие типы думают точно таким же образом; ведь когда вы пытаетесь что-то объяснить им, они делают из этого общий вывод, некое широкое обобщение, никоим образом не подходящее к данной ситуации. В их головах поселяется первобытное мышление, и они поражают совершенно не соответствующими выводами, приводящими к абсолютно неправильным результатам. Именно поэтому часто возникают ситуации, когда мож-

но сказать, что мышление чувствующих типов находится примерно на уровне собачьего: оно столь же беспомощное и закостенелое.

В большинстве нормальных сообществ люди маскируют подчиненную функцию своей персоной. Одна из главных причин, побуждающих человека развивать свою персону, как раз и заключается в том, чтобы не выставлять напоказ свою неполноценность, особенно неполноценность своей четвертой функции. Эта функция заражена животной природой человека, его неадаптированными эмоциями и аффектами.

Когда Юнг основал Психологический клуб в Цюрихе, он хотел выяснить, как будет работать группа, в которой подчиненная функция оставалась бы незамаскированной, и люди контактировали между собой посредством этой функции. Результат получился совершенно удивительный. Посторонние люди, впервые пришедшие в клуб, были шокированы грубым поведением и нескончаемыми ссорами, происходившими в этой группе. Много лет назад я однажды посетила клуб. До этого я не сделала ни одной попытки стать членом клуба, так как чувствовала себя слишком застенчивой. И вот Юнг обратился ко мне с вопросом: «Вы не *хотите* стать членом Психологического клуба, или не *осмеливаетесь* присоединиться к нему?» Я ответила, что не *осмеливаюсь* присоединиться, хотя мне бы очень этого хотелось. Тогда он сказал: «Ну и прекрасно. Я буду вашим крестным отцом — чтобы стать членом клуба, необходимо было иметь крестного отца, — но сначала подожду, пока вам не приснится сон, указывающий на то, что наступил подходящий момент». И что же мне приснилось? Мне снилось, что ученый, специалист в области естественных наук, старик, очень похожий на Юнга, создал экспериментальную группу для выяснения, как животные различных видов общаются друг с другом. Я увидела помещение, в котором находились аквариумы с рыбами, террариумы с черепахами, тритонами и другими подобными созданиями, клетки с птицами, собаками и кошками; посредине сидел старик, наблюдавший за социальным поведением животных и делавший записи. Затем мне открылось, что я — летучая рыбка в аквариуме и могу выпрыгнуть из него. Я рассказала о своем сновидении Юнгу, после чего он, усмехнувшись, заметил: «Думаю, теперь вы стали достаточно взрослой, чтобы присоединиться к Психологическому клубу: вы ухватили его основную идею и цель».

В таком несколько юмористическом виде бессознательное впитало эту идею, а именно: взаимоотношения человеческих существ представляют собой великую проблему: ведь подчиненная функция одного из них — это кошка, другого — черепаха, а третьего — заяц; стало быть, здесь представлены все животные! В такой ситуации каждый может, например, столкнуться с проблемой содержания в порядке своей собственной территории. Многие виды животных имеют тенденцию «владеть» несколькими метрами родной земли и защищать их от любого посягательства. Эти сложные ритуалы защиты территории снова возникают, как только люди объединяются между собой, снимают с себя свою персону и пытаются по-настоящему наладить контакты друг с другом. После чего кто-то из них чувствует, словно он пробирается сквозь джунгли: нельзя наступить на эту змею или испугать своим быстрым движением эту птицу — в результате все очень усложняется. Появилось даже убеждение в том, что психология вызывает ухудшение социального поведения людей — в определенной степени, это соответствует истине.

В Институте К.Г. Юнга мы, в известном смысле, относимся друг к другу гораздо хуже, а наши контакты гораздо сложнее, чем, скажем, в обществе по разведению собак или кроликов, или в клубе рыбаков. Там общественные взаимоотношения, в целом, находятся на более традиционном уровне и представляются более цивилизованными. Но истина заключается в том, что и в Институте, и в Психологическом клубе мы стремимся не скрывать того, что происходит на глубинных уровнях нашей психики. В большинстве других сообществ и групп подчиненная функция маскируется, и вся грязная игра происходит «под ковром»; именно там скрытно существуют все эти трудности, но они никогда не выносятся на поверхность и не подвергаются открытому обсуждению. Ассимиляция тени и подчиненной функции затрудняет социальное общение людей, делает его менее удобным, вызывает трения. С другой стороны, она создает более оживленную атмосферу, которая никогда не надоедает; то и дело разражается «буря в стакане воды», и группа ведет себя очень живо, вместо того, чтобы соблюдать скучный, хотя и более спокойный порядок. Например, в Психологическом клубе «животное» стремление каждого владеть своей территорией приобрело такую силу, что люди начинают резервировать за собой места. «Этот стул принадлежит такому-то, и вы не имеете права занимать его». Я заметила, что на некоторых сиденьях постоянно лежат бумаги. Именно на них сидят определен-

ные «кошки и собаки»! Данный знак весьма показателен. Это — возрождение первоначальной, естественной ситуации.

Вызывает изумление и то, насколько глубоко подчиненная функция способна соединить человека с животными инстинктами внутри самого себя. Оставив юмористический тон, в котором я только что описала эти явления, можно утверждать, что подчиненная функция действительно осуществляет связь с глубочайшими инстинктами личности, с ее внутренними корнями, можно даже сказать, что она связывает нас со всем прошлым человечества. В первобытных обществах существовали обрядовые пляски, исполнявшиеся танцорами в масках животных. Эти маски предназначались для демонстрации связи племени с духами его предков, со всем его прошлым. Мы, в основном, утратили способность получать удовольствие от подобных плясок, хотя в память о них все еще иногда устраиваем маскарады.

Если личность испытывает *затруднения* с функциями, следующим шагом в процессе ее психического развития становится ассимиляция двух вспомогательных функций. Не следует забывать, что ассимиляция этих функций является столь трудной задачей, что обычно людям приходится затрачивать на ее решение весьма значительное время. Иногда человек на восемь-десять лет на самом деле становится другим типом, отличным от первоначального.

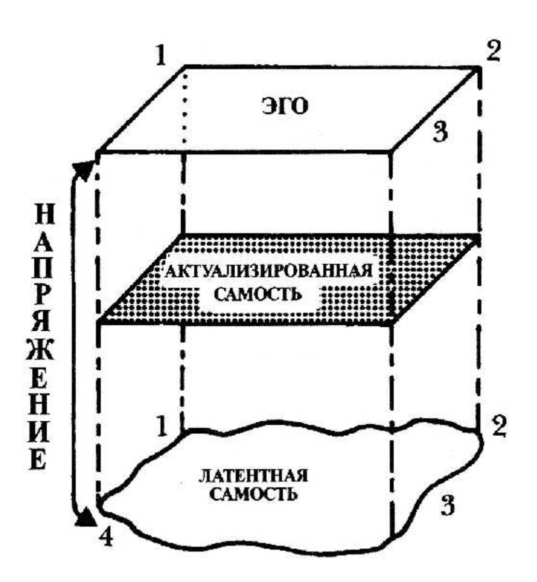
Ассимилировать функцию — означает жить, выдвинув ее на авансцену, на передний жизненный план. Если человек понемногу и готовит, и шьет, это вовсе не доказывает, что ему удалось ассимилировать свою функцию ощущения. Ассимиляция означает, ч то полная адаптация сознательной жизни на некоторое время возлагается на эту единственную функцию. Переключение на вспомогательную функцию происходит, когда человек чувствует, что теперешний образ его существования стал безжизненным, когда он более или менее постоянно испытывает скуку и в собственном обществе, и в своей деятельности. Обычно ему не приходится решать теоретический вопрос, на какую функцию ему следовало бы переключиться. Лучший способ узнать, куда нужно переключиться, — просто сказать самому себе: «Ладно, теперь вся эта жизнь мне полностью надоела; она уже ровным счетом ничего для меня не значит. Что испытанное мною в жизни еще может доставить мне радость? Какие мои действия, какое занятие могут дать мне нужный толчок?» Если человек искренне от-

ветит на эти вопросы и выберет соответствующее занятие, то увидит, что переключился на другую функцию.

Теперь мне хотелось бы рассмотреть проблему формирования того, что в первой лекции я назвала «средним уровнем». Этот уровень становится критическим, когда личность начинает серьезно работать со своей подчиненной функцией. Подчиненная функция не может быть ассимилирована внутри структуры сознания; слишком глубоко она погружена в бессознательное и заражена им. Ее можно было бы как-нибудь «вытащить» оттуда, но в процессе «подъема» сознание опускается вниз. В результате таких динамических взаимоотношений и устанавливается «средний уровень».

Прикосновение к подчиненной функции имеет сходство с внутренним надломом, происходящим в человеке в критические моменты его жизни. Однако с ней связано и получение преимущества — победа над тиранией ведущей функции в эго-комплексе. Человек, действительно прошедший через эту трансформацию, может пользоваться своей мыслительной функцией, когда этого требует сложившаяся ситуация, или может позволить вступить в действие интуиции или ощущению, но сам он больше не окажется в рабской зависимости от своей ведущей функции. Эго может захватить одну определенную функцию и затащить ее вниз в качестве инструмента, используемого в целях, выходящих за пределы системы четырех функций. Этот акт разделения достигается в результате столкновения с подчиненной функцией, которая служит важным мостом к более глубоким пластам бессознательного. Вхождение в него и пребывание в нем, если оно не сводится к быстрому окунанию в его воды, вызывает глубочайшие изменения во всей структуре личности.

Юнг снова и снова цитирует старинную поговорку легендарного алхимика и автора Марии-Пророчицы: «Один становится двумя, двое становятся тремя, а из третьего выходит один в обличье четвертого». Один становится двумя: то есть, сначала происходит развитие ведущей функции, затем наступает время ассимиляции первой вспомогательной функции. После этого сознание ассимилирует третью; теперь их уже стало три. Но следующий шаг состоит не в простом добавлении четвертой, следующей единицы: одна, две, три, четыре. Из третьей выходит не четвертая, а Одна. Однажды в частной беседе Юнг сказал мне, что в верхнем слое бессознательного нет четвертой функции; структура ее такова:

Область наивного эгосознания с тремя функциями.

Средняя область, где отношения эго-самость больше не действуют в автономном режиме, но служат в качестве инструментов.

Предсознательная всеобщность (totality) с предопределенными четырьмя функциями.

Эти фазы взаимоотношений можно проиллюстрировать и друг им способом: живут мышь, кот, собака и лев. Первых трех из перечисленных животных можно приучить к домашней жизни, если хорошо к ним относиться, но затем появляется лев. Он отказывается примкнуть к группе четвертым и поедает остальных, так что в результате остается только одно животное. Подобным образом ведет себя и подчиненная функция: возникая, она поглощает все остальные составляющие личности. Четвертая становится Одной, так как она уже не четвертая; остается лишь одна — и это уже не функция, а целостное воплощение психической жизни! Естественно, это всего лишь метафора, иллюстрирующая происходящее.

В своей книге *Mysterium Coniunctionis* (русский перевод, 1997, пар. 260) Юнг цитирует некий алхимический текст, отражающий проблему четвертой функции и установления среднего уровня. Текст имеет название «Трактат алхимика Аристотеля о философском камне, адресованный Александру Великому». Возможно, он имеет арабское про-

исхождение и появился в переводе на латынь в одной из ранних публикаций об алхимии. Далее приводится рецепт:

Возьми змею и положи ее на четырехколесную колесницу. Пусть колесница огибает землю, пока не погрузится в пучины моря, и взору не представится ничего, кроме чернейшего мертвого моря. Оставь там свою колесницу с четырьмя колесами до тех пор, пока столь много испарений от дыхания змеи не поднимется наверх, что вся поверхность (*planittes*) не станет сухой и от испарений не превратится в черную песчаную пустыню. Все это — земля, являющаяся не землей, а камнем, не имеющим веса… [А когда испарения опустятся в виде дождя], ты должен вынести колесницу из вод на сухую землю и положить на нее все колеса. Получишь результат, если двинешься дальше, к Красному морю, поспешая не спеша, двигаясь без движенья [*currens sine cursu, movens sine motu*].

Это — очень странный образ. Возьмите колеса с колесницы и погрузите их на нее! (Весьма интересный факт: можно найти такой же образ в «Книге перемен» (*I Ching*). Там иногда говорится, что кто-то должен снять колеса с колесницы. Насколько мне известно, этот китайский образ не может иметь прямой связи с Западной алхимией). Затем Юнг комментирует это послание. Змея в алхимии — символ Меркурия, первичной материи (*prima materia*), с которой начинается весь процесс. Далее, по мере развития процесса, Меркурий представляется неким естественным духом, наполненным противоположностями. Эту змею помещают на колесницу. Колеса интерпретируются в тексте как четыре основные стихии, а колесница называется сферической гробницей, круглой гробницей или усыпальницей. Подобная колесница в нашем тексте представляет собой алхимический сосуд, в котором заключен дух бессознательного. Юнг говорит, что символика в этом отрывке описывает существенные фазы всего произведения: змея Гермеса — холодную сторону природы; бессознательное, пойманное и заключенное в круглый сосуд из стекла, представляет как Космос, так и душу. С психологической точки зрения, этот образ воплощает в себе сознание и внутреннего, и внешнего миров. Возложение всех колес на колесницу означает прекращение действий всех четырех функций: можно сказать, что человек вбирает их в себя. Более поздняя трансформация этих четырех колес соответствует процессу их интеграции посредством трансцендентной функции. Трансцендентная функция объединяет противоположности и, как показывает алхимия, они выстраиваются в кватернион (или четверицу).

Этот алхимический символ не минимизирует проблему четвертой функции, но указывает на способ ее решения. Эго ассимилирует свою первую функцию и затем временно успокаивается. Через некоторое время оно присоединяет вторую функцию и опять живет мирно. Оно вызволило эти две функции из бессознательного. Затем эго вытаскивает и третью функцию в плоскость сознания. Теперь три функции ассимилированы на верхнем, цивилизованном уровне, на котором мы пытаемся нормально жить. Но человек не может перенести четвертую функцию на тот же уровень. Наоборот, вопреки его слишком усердным стараниям, четвертая функция будет тащить эгосознание вниз, на абсолютно примитивный уровень. Личность может совершенно слиться с этой функцией и ее импульсами. Именно после такого слияния иногда и случаются те внезапные переключения, в результате которых люди мгновенно падают вниз, опускаясь до уровня животного.

Я уже ссылалась на фильм «Голубой Ангел», в котором представлена эта проблема: преподаватель колледжа внезапно переключается на свою подчиненную функцию и, запутавшись в любовных силках женщины-вамп из кабаре, становится цирковым клоуном. Но этот пример, конечно, не отражает ассимиляцию четвертой функции. Человек, если захочет, может опуститься до уровня животного и пережить подчиненную функцию в конкретной форме, никак не ассимилируясь в ней. В таком случае он просто полностью утрачивает верхнюю часть структуры своей прежней личности. Люди, обладающие природной отвагой или первобытным жизненным мужеством, способны на это. Когда они прикасаются к четвертой функции, то внезапно всем сердцем переключаются на нее. Юнг рассказывает о человеке, прожившем до шестидесяти лет респектабельным бизнесменом. Человек этот имел семью, хорошее собственное депо, все, чего душа пожелает. Но затем появились бессонница, постоянное беспокойство и чувство жалости к себе как к несчастному человеку. Так прошло несколько месяцев. Однажды ночью он вскочил с поспели с криком: «Я все понял!» Проснулась жена и спросила: «Ч то именно?» — «Я понял, я — бездельник! Вот кто я!» Он немедленно бросил жену, семью, свой бизнес, истратил все деньги и допился до смерти. Это был, конечно, мужественный поступок, но решение проблемы он выбрал чересчур радикальное! Он внезапно сорвался в пропасть своей подчиненной функции и забыл обо всем остальном.

Четвертая функция всегда является великой жизненной проблемой: если я не признаю ее, то буду разочарован, полумертв, все мне наскучит; если же я ее признаю, то из-за ее полуживотного уровня не смогу ею пользоваться, если только не обладаю природным мужеством того человека. Большинство людей не обладают таким мужеством, другие обладают, но понимают, что это тоже не решение проблемы. Так что же делать человеку? Именно в такой момент на помощь приходит вышеописанный алхимический рецепт: следует приложить все усилия, чтобы заключить четвертую функцию в круглый сосуд, ограничив тем самым ее фантазии определенными рамками. Человек может продолжать жить, не проявляя четвертую функцию в конкретной — внешней или внутренней — форме, а дав ей возможность выражать свои фантазии в литературе, изобразительных искусствах, танцах или любой другой форме активного воображения. Юнг установил, что активное воображение является единственным возможным способом обращения с четвертой функцией.

При выборе формы активного воображения следует представлять, как подчиненная функция будет проявлять себя в действии. Интуитивный тип, например, обычно испытывает сильное желание закрепить плод своего активного воображения в глине или камне, таким способом делая его зримым. Иначе он не будет казаться интуитиву реальным, а подчиненная функция не войдет в этот предмет. Юнг, будучи по своему складу интуитивом, сначала открыл это явление в своем желании строить маленькие глиняные или каменные замки, после чего и обнаружил проблему, которую он обозначил четвертой функцией. Когда четвертой оказывалась чувствующая функция, я часто наблюдала своеобразную манеру танцевать. Когда люди мыслительного типа сталкиваются с необходимостью ассимилировать свою чувствующую функцию, у них иногда возникает искреннее желание участвовать в примитивных ритмических танцах. Подчиненное чувство может также выразить себя через картины с особенно насыщенным колоритом, причем яркие краски выражают сильные чувства. Ощущающий тип будет сочинять жуткие выдуманные рассказы, подобные упоминавшемуся мною ранее, или безумные фантастические романы, в которых можно найти проблески интуитивных озарений. Когда встает проблема выбора средств для ассимиляции бессознательной психологической проблемы, она обычно связана с подчиненной функцией.

Если личность достигает той стадии, когда необходимо решительно взяться за четвертую функцию, дальнейшее пребывание на верхнем уровне оказывается невозможным, но при этом человек может не захотеть опуститься на нижний. Тогда средний уровень становится единственным возможным решением его проблемы. Этот средний уровень, не являющийся ни верхним, ни нижним, устанавливается посредством фантазирования в особой форме активного воображения. В такой момент личность искренне передает свое чувство жизни во внутренний центр, а четыре функции остаются только инструментами, которыми при желании можно пользоваться, поднимая их наверх или снова опуская вниз. Эго и его сознательная активность теперь не идентифицируются ни с одной из функций. Именно это состояние описывает рецепт алхимика, когда он рекомендует положить все колеса на колесницу. В своеобразном внутреннем центре происходит полная остановка, и функции перестают действовать автоматически. Вы можете по своей воле выводить их наверх, подобно пилоту, выпускающему шасси перед посадкой самолета, а затем снова убирающему их, когда самолет поднимается в воздух. На этой стадии проблема функций больше не имеет значения; они становятся инструментами сознания, которое теперь не врастает в них корнями и не управляется ими. Сознание производит свои основные действия в другом измерении, измерении, которое может быть создано только миром воображения. Вот почему Юнг называет воображение трансцендентной функцией. Соответствующий вид воображения создает объединяющие символы.

Это согласуется с алхимическим символизмом, в котором рассматривается проблема четырех элементов — воды, огня, воздуха и земли. В нашем алхимическом тексте они представлены колесами, которые должны быть объединены. Затем идет речь о пятом, основном элементе, не являющемся дополнительным, но, можно сказать, представляющем собой сущность всех четырех, и притом ни одного из них в отдельности; это — четыре в одном. К четырем добавляется пятый элемент, не относящийся к ним, но стоящий за ними и состоящий из всех четырех. Именно его алхимики называют пятой сущностью, квинтэссенцией (*quintessentia*), или философским камнем. Он означает объединенное ядро личности, которая теперь не идентифицируется ни с одной из функций. Можно сказать, что это — выход наружу идентификации человека с его собственным сознанием и бессознательным и остановка или попытка остановки на среднем

уровне. С этого момента, как говорится в документе, человек движется без движения, бежит без бега (currens sine cursu, movens sine motu). После того, как достигнута эта стадия, начинается следующая фаза развития. В алхимии, также как и в развитии личности, решение проблемы функций является всего лишь первым шагом, но и этот шаг сделать чудовищно трудно.

(Далее следует запись вопросов и ответов.)

Вопрос: Что происходит с человеком, когда достигается этот средний уровень?

Д-р фон Франц: На кого похож человек, отделивший свое эгосознание (эго-осознание) от отождествления с определенными функциями? Думаю, что ближайшим и наиболее убедительным примером может служить описание поведения Учителей дзен-буддизма. В нем говорится, что дверь во внутренний дом закрыта, но Учитель встречает каждого человека, каждую ситуацию, каждое событие в своей обычной манере. Он продолжает вести повседневную жизнь, участвуя в ней как любой нормальный человек. Если к нему приходят люди, желающие у него учиться, он с чувством передает им знания. Если перед ним ставят трудную проблему, он может обдумать ее. Если наступает время еды, он принимает пищу, если приходит время сна, он засыпает, он всегда правильно пользуется своей функцией ощущения. Когда нужно осветить человека или событие вспышкой интуиции, он сможет это сделать. Однако он не будет внутренне привязан к эго-функциям, которые использует в каждой частной ситуации. Он утратил детскую жажду нового. Если вы поставите интеллектуальную задачу человеку, который все еще отождествляет себя со своим мышлением, уверенно возьмется за ее решение. Это необходимо, ибо, если человек не обретет подобную уверенность, он не научится думать правильно в соответствии с обстоятельствами. Но если вы поставите такую же задачу перед человеком, прошедшим трансформацию, он останется внутренне не привязанным к самой задаче, хотя и сможет применить свои знания для ее решения: он сможет в любую минуту перестать думать, не будучи обязан продолжать этот процесс. Привести примеры такого поведения очень трудно, так как людей, достигших этой стадии, очень немного, но прекрасные описания поведения людей, отдалившихся от функций собственного сознания, имеются в книгах по дзен-буддизму.

Вопрос: Не могли бы вы описать различия между дисциплиной, практикуемой в юнгианском анализе, и дисциплиной, которой подчиняется монах, исповедующий дзен-буддизм?

Д-р фон Франц: Существуют некоторые аналогии, но я бы сказала, что это не совсем одно и то же. Я думаю, что наш способ попыток приближения к проблеме подчиненной функции предписывает соблюдение определенной дисциплины и имеет аналогию в монашеском образе жизни, не только на Востоке, но и на Западе. Например, испытывая в течение длительного времени трудности, оставив все другие занятия для полной отдачи ума и энергии во имя решения главной проблемы, мы становимся в некотором смысле аскетами. Но монашеская жизнь и на Западе, и на Востоке, организуется коллективно. Вы должны в определенное время вставать и приниматься за определенную работу, подчиняться аббату и т.п. В противоположность такому образу жизни, дисциплина, налагаемая на личность в процессе индивидуации, рождается непосредственно внутри самой личности. Не существует внешних правил, и поэтому процесс отличается гораздо большей индивидуальностью. Если вы позволите индивидуации произойти спонтанно, вместо того чтобы заставить се придти к вам извне путем соблюдения организованных правил дисциплины, то убедитесь в том, что внутренняя дисциплина совершенно по-разному реализуется у разных людей.

В течение некоторого времени я анализировала двух мужчин, которые находились в дружеских отношениях; один из них представлял собой интровертный мыслительный тип, а другой — экстравертный чувствующий. Дисциплина экстраверта была весьма суровой: если он выпивал стакан вина или задерживался на званом обеде па лишние полчаса, то видел самые кошмарные сны. Иногда они оба получали приглашения, и интроверт мог отказаться, сославшись на занятость, но затем ему обязательно снилось, что он должен был туда пойти. С другой стороны, его другу, получившему такое же приглашение (конечно, он уже решил, какой костюм наденет и какую даму пригласит), снился сон, в котором ему говорилось, что он не должен идти на этот обед: «Никаких званых обедов, оставайся дома!» Я испытывала настоящее изумление, наблюдая как за жуткими страданиями интроверта, все же пошедшего на вечер, так и за печалью бедного экстраверта, оставшегося коротать вечер дома. Иногда они обменивались впечатлениями: «Это черт знает что! Я хочу пойти, но не позволяю себе, а ты, ненавидя это приглашение, слышишь во сне приказание:

“Иди!”«. Так что скорей всего, какая-то дисциплина существует, но она остается невидимой и очень тонко регулируется. В этом состоит преимущество нашего способа обращения с такими проблемами; вы руководствуетесь своей, удобной вам личной дисциплиной, очень неприятной, но невидимой для окружающих.

Вопрос: Вы предложили несколько альтернатив, одна из которых — выход на средний уровень, который, по-видимому, чрезвычайно редко достигается. Неудивительно, что фактически это пока мало кому удалось. В другой альтернативе мы встречаемся с рычащим львом, в результате чего, как мне кажется, людей начинают преследовать болезни. Имеется ли, помимо этих двух, какой-нибудь третий, промежуточный выход из положения?

Д-р фон Франц: Да. Вы встречаетесь с громадным количеством людей, время от времени испытывающих проблемы со своей подчиненной функцией. Я описываю такое состояние с помощью аналогии: человек, попавший в горячую ванну, тут же выпрыгивает из нее. Со временем он более или менее успешно справляется со своими тремя функциями, постоянно переживая определенное неудобство из-за не присоединенной к ним четвертой. Когда состояние дел ухудшается, он ненадолго снова ныряет в эту ванну, но, как только почувствует себя лучше, опять выпрыгивает из нее. В принципе, он остается в своей трехмерной структуре, в которой четвертая функция представляется дьяволом, прячущимся в укромном уголке его жизни. Люди, придерживающиеся такого стиля, никогда глубоко не поймут того, что подразумевает Юнг под проблемой четвертой функции, и не поймут, что на самом деле значит индивидуация. Они остаются жить в удобном, старом мире отождествления со своим сознанием. Множество людей, даже подвергшихся юнгианскому анализу, ограничиваются тем, что иногда отваживаются на краткие обращения к четвертой функции, а затем рассказывают о ней другим людям. Но они никогда не пытаются оставаться в ней — ведь достичь такого состояния чертовски трудно.

Вопрос: Каким образом подчиненная функция связана с коллективным дьяволом?

Д-р фон Франц: Пока вы не оказались в этой стадии, дьявол «остается в укромном уголке». Это — только персональный дьявол, проявление подчиненной функции индивида, но вместе с ним появляется и коллективный дьявол. Маленькая открытая дверца подчиненной функции каждого индивида — это она вносит свой вклад в создание

коллективного дьявола, существующего в мире. Вы могли наблюдать это явление в Германии: как только дьявол медленно взял верх над создавшейся там ситуацией, появилось нацистское движение. Каждый немец, из тех, кого я знала в те времена, поддавшись фашизму, сделал это под влиянием своей подчиненной функции. Чувствующий тип поймался на тупые аргументы партийной доктрины; интуитив — на свою денежную зависимость. Он не мог бросить свою работу, не видел способа, который помог бы ему справиться с материальными проблемами, и потому вынужден был оставаться на службе, несмотря на то, что не был согласен с проводившейся политикой, и т.д. Подчиненная функция служила в каждом индивиде той дверью, за которой мог накапливать силы коллективный дьявол. Можно сказать, что каждый человек, не работавший над своей подчиненной функцией, вносил, хотя и в скромных размерах, личный вклад в это общее бедствие, но сумма миллионов подчиненных функций составляет огромного дьявола! В этом смысле пропаганда против евреев была организована весьма умно. Например, их обвиняли в том, что они составляли подрывную интеллектуальную силу, и это звучало абсолютно убедительно для всех людей чувствующего типа, благодаря проекции их подчиненного мышления. Или евреев упрекали в том, что они делают деньги, не останавливаясь ни перед чем, и это полностью убеждало интуитива, так как для него евреи отождествлялись с его подчиненным ощущением, и отныне каждый интуитив доподлинно знал, где именно скрывается дьявол. Пропаганда использовала обыкновенную подозрительность, которую люди испытывают друг к другу из-за своей подчиненной функции. Итак, можно сказать, что четвертая функция каждого индивида является не просто своего рода его личным маленьким недостатком; в действительности их сумма ответственна за огромное количество бед.

Вопрос: Вовлекается ли мораль в процесс индивидуации? Является ли она вопросом совершенствования в строго моральном смысле?

Доктор фон Франц: Процесс индивидуации — это этическая проблема, и аморальный человек застрянет в самом начале этого процесса. Но слово «совершенствование» к ней не подходит. Оно отражает идеал христианства, не совсем совпадающий с результатами наших опытов, полученными при исследованиях процесса индивидуации. Юнг говорит, что, по-видимому, процесс ведет не к совершенствованию, а к достижению целостности личности. Я думаю, его слова означают, что вы не сможете подняться до верхнего уровня (см. диа-

грамму), напротив, — вы должны опуститься ниже, а это приведет к относительному понижению уровня личности. Если вы находитесь в середине, одна сторона вам не покажется слишком темной, а другая — слишком яркой, и при этом еще остается тенденция к построению своего рода полноты (completeness), не слишком светлой, но и не слишком темной. Но в таком случае личность должна пожертвовать определенным усилием, предназначавшимся на моральное совершенствование, чтобы избежать построения слишком мрачного противоположного состояния. Индивидуация — процесс этический, а не идеалистический. Следует расстаться с иллюзией, что из реального человека можно создать нечто совершенное.

Вопрос: Могли бы вы сказать, что пропаганда является основным полем действия подчиненной функции?

Д-р фон Франц: Да, существует тип пропаганды, который строится на возбуждении эмоций в объекте пропаганды. Каждый, кто использует столь низменный тип пропаганды, обязан сознавать, что волнение масс вызывают не убедительные разговоры, а возбуждающие эмоции. Эмоции можно пробудить одновременно в каждом члене группы, если удастся поднять подчиненную функцию, потому что, как я уже говорила раньше, эта функция — эмоциональная. Итак, даже если вы хотите убедить интеллектуалов, вы должны возбудить их примитивные чувства! Если вы выступаете перед университетскими профессорами, не следует пользоваться научным языком, так как в этой области их восприятие обладает особой ясностью, а потому они заметят каждую ловушку, расставленную вами в своей речи. Если вам необходимо насытить выступление ложью, следует подкрепить ее большим зарядом чувств и эмоций. В связи с тем, что университетские профессора в среднем обладают подчиненной чувствующей функцией, они мгновенно окажутся вашими жертвами. Гитлер владел этим искусством. Анализ его речей показал, что он разговаривал совершенно по-разному с различными группами людей и прекрасно знал, как разбудить в человеке его подчиненную функцию. Один мой знакомый, неоднократно слышавший его речи, рассказывал мне, что Гитлер искусно пользовался интуицией, чувствуя каждый раз, каким способом использовать сложившуюся ситуацию. Временами в начале речи Гитлер казался слегка неуверенным. Подобно пианисту, наигрывающему перед концертом мелодии то из одной, то из другой пьесы, он пытался найти нужную тему. Иногда он казался бледным и нервным, и его люди из СС изо всех сил старались сгладить ситуацию,

считая, что фюрер, похоже, не в форме. Но он в это время просто прощупывал почву под ногами. Затем замечал, что, поднимая определенный вопрос, он порождает возбуждение слушателей, а уж после этого уделял этому вопросу все свое красноречие! Это была настоящая демагогия. Когда он чувствовал этот подчиненный уровень, то знал, где искать комплексы, а они и были целью его речей. Человек должен поднимать вопросы, лежащие в примитивной, эмоциональной области, так, как это сделала бы сама подчиненная функция. Гитлер не открыл никаких новых законов. Фактически он сам был жертвой собственного комплекса неполноценности, который и наградил его таким талантом.

Д-р фон Франц: Меня спрашивали, связаны ли между собой эмоции и чувства. Отвечаю: только когда это подчиненное чувство. Эмоция и чувство связаны у мыслительных типов. Я иногда думаю о национальных различиях между французами и немцами. В немецком языке существует много слов для обозначения чувства, которое часто путают с эмоцией, в то время как французское слово для чувства, sentiment, не выражает ничего, связанного с эмоцией, даже ее оттенка. Вообще говоря, французы как нация обладают более дифференцированным чувством, поэтому для них оно никак не связывается с понятием эмоции. Вот почему французы всегда любят посмеяться над чувствами немцев. Они говорят: «Ох, уж эти немцы, с их пламенными чувствами — пиво, пение и вечное «*Oh Heimatland*» (О, Родина) — экая сентиментальная чушь!» У француза есть *sentiment* — рельефно обозначенное, определенное чувство, безо всякой воды в нем. Вот вам пример чувствующего типа, проклинающего подчиненное чувство нации, чье превосходство заключается нс в чувстве. Немцы мыслят много лучше, но их чувства довольно примитивны, теплы и заполнены атмосферой конюшни, но при этом в них столько взрывчатки!

Вопрос: Поставили бы вы знак тождества между трансцендентной функцией и гештальтом?

Д-р фон Франц: Она отличается от того, что обычно используют при гештальт-анализе или от того, что применяется, когда вы позволяете людям просто свободно фантазировать. Здесь — это фантазирование с участием эго-сознания, определившего свою точку зрения. Эта активность возбуждается стремлением к индивидуации. Когда оно все еще исходит из бессознательного, то просто служит элементом постоянной неудовлетворенности, которая «пилит» людей до тех

пор, пока они не достигнут более высокого уровня, и этому нет конца. *Principium individuationis*, естественно, является такой трансцендентной функцией, но в юнгианской психологии считается, что личность позволяет кусать себя до тех пор, пока не сделает следующий шаг в жизни — не повернется лицом к своему обидчику и не попытается придать ему конкретную форму, выражая ее посредством активного воображения. И это некоторым образом приведет затем к эволюции, которая выйдет за пределы проблемы четырех функций; тогда постоянная борьба между ними наконец прекратится.

Вопрос: Можно ли в таком случае определить эту стадию как постоянное состояние активного воображения?

Д-р фон Франц: Да, этот уровень контролируется активным воображением. Используя внутренние островки сознания, вы удерживаетесь на среднем уровне: вас больше не интересует, что происходит на верхнем или нижнем уровнях. Можно сказать, что вы остаетесь внутри своего активного воображения и чувствуете, что именно здесь продолжается ваш жизненный процесс. Например, на одном уровне вы очень часто замечаете явления синхронии, а на другом — сновидения, но *удерживаете свое сознание в направлении событий, происходящих на среднем уровне, на происшествиях, включенных в ваше активное воображение*. Это состояние превращается в функцию, с которой вы продвигаетесь по жизненному пути. Другие уровни попрежнему для вас существуют, но вы не занимаете в них центральное положение. Центр тяжести сдвигается от эго и его функций в промежуточное положение, сообразуясь с намеками Самости. Например, в китайском тексте, описывающем этот процесс, говорится, что сознание при этом напоминает кота, следящего за мышиной норкой — он не слишком скучает и не слишком напрягается. Если кот слишком напряжен, по спине у него бегут мурашки, и он может упустить мышь; если ему слишком скучно, мышь вылезет из норки, и рассеянный кот упустит ее. Этот вид как бы затуманенного внимания направлен в сторону внутренних процессов.

Вопрос: Применял ли доктор Юнг теорию функций к своим идеям о Троице и кватерности (четверице) в исследованиях религии?

Д-р фон Франц: Если быть краткой, я бы ответила на этот вопрос утвердительно. То есть, проблема третьего и четвертого в религиозной символике связана с проблемой четырех функций. Их связь подобна той, которой соединены между собой архетипическая модель с отдельным случаем. Если обратиться к рисунку, который приводился

мной на первой лекции, архетипическая констелляция должна была бы находиться в основании души; это — тенденция структуры, стремящейся к развитию четырех функций. Вы можете обнаружил» данный архетип в мифологии четырех личностей, в четырех направлениях компаса, в четырех основных ветрах, в четырех ангелах на четырех углах мира. То же самое присутствует и в христианской символике. Например, из четырех евангелистов трос представлены в символических образах и только один как человеческое существо. Кроме того, существуют четыре сына Гора, трос из которых имеют головы животных, а четвертый — человеческую. Все это — проявления основной структуры архетипа в человеческой психике, характера человеческого существа, которое, как только пытается создать модель всего сущего — модель всего космического мира или обобщенного человеческого существования, — стремится использовать четырехмерную модель. Выбор, естественно, чаще останавливается на четырехмерной модели, нежели на любой другой. Эта тенденция обнаружена в Китае, а следовательно, ее можно найти везде. Четырехчастные мандалы всегда возникают из импульсивного желания создать модель общего существования, когда людям не импонирует встреча только с одним фактом, а хочется составить общую картину явлений. Стало быть, это наследуемое, врожденное, структурное свойство характера человеческой психики — использовать такие четырехмерные модели для обобщенных явлений.

Проблема четырех функций в индивидуальном сознании могла бы стать вторичным продуктом в этой более фундаментальной модели. Не следует проецировать факторы структуры бессознательного на поле сознания или использовать свойства функций сознания для объяснения структуры архетипического начала. Проблема четырех функций в сознании индивида является лишь одним из проявлений этих более обобщенных архетипических представлений. Например, если вы пытаетесь объяснить расположение четырех гор в четырех направлениях мира в Китае или четырех ветров в четырех углах мира, говоря, что один из этих элементов представляет собой мыслительную функцию, а следующий — какую-нибудь другую функцию, вы абсолютно ничего не добьетесь. Это просто не сработает! Архетип кватерности как модели общей ситуации является еще более обобщенным, чем представление о четырех функциях. Следовательно, было бы заблуждением сузить догму о Троице и проблему четвертого лица в Троице (будь то дева Мария или дьявол) до пробле-

мы функций. Попытаемся пойти совсем другим путем: будем считать, что это — общая архетипическая проблема, но в отдельной личности она принимает форму четырех функций. Например, в христианской религии дьявол является символом абсолютного зла в божественном, но было бы крайне самонадеянным оказать столь высокую честь вашему подчиненному мышлению или подчиненному чувству, представив его самим дьяволом. Это было бы слишком преувеличенным объяснением вашей подчиненной функции. Такое же впечатление произвело бы и заявление о том, что ваши три относительно развитые функции соответствуют Троице. Как только вы решитесь произнести столь необдуманные, неразумные мысли, так сразу поймете, насколько смешными оказались ваши идеи. Тем не менее, вы *можете* сказать, что связь между этими категориями существует, так как зло, негативизм и тяга к разрушению несомненно связаны с подчиненной функцией личности.

Я могу привести вам пример того, как такая связь работает. Одна женщина-интуитив должна была переслать мне письмо с приятными новостями, но, будучи очень ревнивой, куда-то его засунула. Теперь ответьте на вопрос: то ли это подчиненная функция заставила ее потерять письмо с хорошими новостями для меня, то ли это сделала ее интригующая ревнивая тень? Обе! Интригующая ревнивая тень подчинила ее волю через подчиненную функцию. Вам никогда не удастся загнать такого человека в угол; остается только сказать: «Ох, это ваше подчиненное ощущение, давайте забудем об этом». Но приведенный пример — довольно типичное явление, когда тень, негативный импульс, проникает в подчиненную функцию. Я припоминаю случай с одним мужчиной чувствующего типа, испытывавшим ужасные муки ревности из-за того, что дама, к которой он проявлял интерес, чрезвычайно увлекалась Юнгом. Поэтому этот джентльмен считал, что его чувствами пренебрегают. Стоило ей не взглянуть на него, как ревность сразу пронзала его сердце. Долгое время он не мог перебороть себя. В конце концов, он написал книгу, направленную против психологии Юнга, полную ошибок и искаженных цитат. В ней он предложил «новую, лучшую философию». Как вы видите, на уровне чувства — его ведущей функции — этот человек не мог совершить столь неблаговидный поступок, не мог атаковать Юнга непосредственно как личность, ведь его чувство было слишком дифференцированным. Он ясно понимал, что Юнг, который никак не мог помочь женщине справиться с ее увлечением, вообще не имел с этой историей ничего обще-

го. В связи с этим несчастный не испытывал к самому Юнгу никаких недостойных чувств. Но его подчиненное мышление нашло мотивацию для не совсем достойного поведения, в которой не было ничего, кроме жуткой ревности, и по этой причине он сочинил эту удивительную чушь. Он даже оказался не в состоянии правильно воспроизвести цитаты — настолько был ослеплен своим теневым импульсом. Теневые импульсы, деструктивные импульсы, ревность, ненависть и т.п. обычно проникают в психику человека через подчиненную функцию, потому что это наше слабое место, здесь мы не можем управлять собой, оказываемся не в состоянии осознавать значение своих поступков. Следовательно, именно из этого угла нас атакуют разные деструктивные или негативные устремления. Вы можете сказать, что дьявол взаимодействует с четвертой функцией и через нее проникает в человека. Вели выражаться на языке средневековья, можно сказать, что дьявол хочет уничтожить людей и будет всегда пытаться добраться до вас с помощью вашей подчиненной функции. Четвертая дверь в вашу комнату — это дверь, в которую входят и ангелы, и дьяволы!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Чувствующая функция

Джеймс Хиллман

Глава 1. Введение в историю вопроса

Функция — это деятельность, работа, процесс. Само слово происходит от латинского *fungi*, *fungor* (исполнять), а его санскритский корень (*bhungj*) означает «удовольствие». Латинское *functus* тоже ассоциируется с удовольствием. Выполнение определенной функции доставляет удовольствие, как и исполнение физических упражнений и вообще занятие любой деятельностью, в которой человек проявляет свою силу и умение.

Юнг использует термины «функция» и «орган» так, как их используют в физиологии: каждый орган выполняет свойственные ему функции. Но при этом он настаивает на том, что по отношению к органу функция является первичной, ибо, как сказал Аристотель в своей «Этике», мы становимся добрыми, творя добро. И навыки мы приобретаем, выполняя работу. Я упоминаю об этой стороне функции, дабы читатель все время помнил, что относительно унифицированный, последовательный и привычный способ исполнения сам по себе доставляет удовольствие и вызывает желание его применять.

Поскольку функции могут быть поняты только в процессе их развития, в юнговской психологии они определяются как функции сознания. Функции участвуют в развитии сознательной личности, формируя роль, которую играет *эго*, — его согласованность, его привычки, единство и память, свойственный ему способ выполнения действий. Функции играют роль и в *направленности* сознания, показывая, как оно действует, как проявляет свой смысл, реализует свои намерения, выражает свой характер.

Функции формируются у индивида позднее комплексов. Комплексам также присущи привычные реакции — нажмешь на ту же кнопку, получишь тот же ответ. Однако классически в теории Юнга функции определяются как аспекты *эго*-комплекса даже в тех случаях, когда удается связать мышление или чувство с анимой или анимусом, с тенью или материнским комплексом и т.д. Даже подчиненная функция, способная достичь глубин архаической бессознательной души, рассматривается с точки зрения эго-сознания как потенциальная функция эго. Очевидно, что это неверно по отношению к комплексам и

их архетипическим ядрам, которые никак не могут рассматриваться как действия эго. Комплексы образуют идейную основу психического, и могут, конечно, подчинять себе четыре психологические функции. Например, чувствующая функция человека может в основном определяться материнским комплексом, и его реакции, оценки и суждения будут отражать личность его матери или противоречить ей. В другом случае интуиция человека может быть подчинена его матери, и он будет обладать способностью во всем видеть что-то плохое; или все, что человек воспринимает органами чувств, может вызывать в нем сексуально-эротическое возбуждение.

Необходимо также различать способ действия функций и их содержание. Человек может иметь чувства, мысли, ощущения, но оперировать с ними способно только организованное сознание. Возникшая в мозгу отдельная мысль еще не есть мышление; печальное настроение, испытываемое человеком в течение всего дня, еще не есть чувство.

Будем рассматривать четыре функции как четыре способа освоения и организации жизни. Последуем за Юнгом далее и примем, что только эти четыре функции составляют основу психического. Тогда они будут, как и структура всей психики, архетипически заданными, необходимыми и достаточными. Здесь Юнг, по-видимому, приходит к новому выражению древней метафоры корня, состоящего из четырех частей. При описании сущности человеческой природы эта идея часто выдвигается в качестве основного принципа. Считалось, что человек состоит из четырех основных элементов (земли, воздуха, воды и огня), четырех жизненных соков — крови, мокроты, желчи и черной желчи, и обладает одним из четырех видов темперамента (меланхолическим, холерическим, сангвиническим или флегматическим). Попытки установить однозначное соответствие функций с этими более древними элементами, например отождествить чувство с водой или мокротой, не удались. И это понятно: каждая эпоха использует для выражения архетипической метафоры свои коды, и перевод их на язык современных понятий вырывает символы из контекста. Нам не следует пытаться перейти от метафоры ко всеобъемлющей мета-психологической системе, в которой можно будет сопоставить все виды образов, например чувство — красному цвету, грудной части торса, одному из четырех времен года или суток, сторон света, одному из Евангелистов и т.п. Четверка — символ, необходимый для полного описания психического, но каждая группа из четырех элементов отличается от остальных, и они не являются взаимозаменяемыми.

Историки общества, чтобы убедить читателя в том, что христианство принесло новые и более высокие ценности чувств, часто указывают на то, что в древних цивилизациях существовало рабство, жестокость, угнетение чужеземцев и женщин. Однако история культуры демонстрирует, каких высот достигло понимание чувств в Греции и Риме. Греческая и римская мысль учитывали сферу чувств и в повседневной жизни, и в управлении городом, и во взаимоотношениях между людьми, и в вопросах эстетики. Самым убедительным доказательством существования многообразных форм выражения чувств уже в те древние времена служит их замечательный Пантеон со статуями богов. Политеизм, породивший множество комплексов в психическом обустройстве, одновременно заложил основы для определения ценностей и отношений к разнообразным аспектам жизни. Теперь мы, обедняя значение этого явления, проклинаем политеизм как извращение, обвиняем древних в безверии и бесчеловечности. А следовало бы просто признать чувственные притязания разных богов и найти правильный подход к этому архетипическому фону существования. К сожалению, в книжной религии с ее катехизисом, законами и символами веры многие проблемы, связанные с чувством, своего отражения не нашли.

Впоследствии, во времена позднего средневековья было достигнуто понимание куртуазной и мистической любви. Католическое учение и жизнь в монастырях содействовали глубоко проникающему самоанализу чувственной жизни, но, к сожалению, слишком часто только в контексте понятий добродетели и греха. Затем, во времена Возрождения, на первый план вышли другие аспекты чувства. В произведениях живописи и скульптуры художники начали отражать страсти и эмоции, а анализ чувств стал главной темой литературы. В пятнадцатом—семнадцатом столетиях были очень популярны любовные сюжеты. В изящных искусствах, музыке и литературе они получили развитие в знакомых нам и по сей день формах. Произошла дифференциация чувства, отлившая эту функцию в приемлемые формы, которые и теперь мы считаем этически правильными, эстетически приятными и благопристойными. Другими словами, наши понятия о «чувстве прекрасного» во вкусах или о глубоком «религиозном чувстве» во многом являются результатом развития исторического процесса.

В восемнадцатом веке писатели и поэты стали увлекаться изысканными подробными описаниями состояний чувства. Во времена Ро-

мантического периода, последовавшего сразу за Возрождением, появились утверждения типа: «чувство — это все» или «красота — это истина». Мало от всего этого осталось в наше время и в философии, и в психологии, а литература занимается более грубыми страстями, описывая их гораздо примитивнее или с бесчувственным равнодушием обезличивая героев. Психотерапия и некоторые новые направления в теологии, похоже, остаются единственными областями, где сейчас чувству отводят достойное место и даже почитают его как цель жизни.

Для рассмотрения исторического развития чувствующей функции *как концепции* следует обратиться к трудам философов. Ведь психология вышла из философии; эти две науки исторически разделились совсем недавно. Платон, Аристотель, схоласты, Декарт, Спиноза, Юм, Кант — все они занимались проблемами эмоциональной жизни и рассматривали их как важнейшую часть своих философских учений. Действительно, старая гуманистическая традиция всегда была связана с пониманием чувств человека, и современный раздел между естественнонаучными и гуманитарными дисциплинами, главным образом, определяется тем, какое место отводится в них чувствующей функции, которая не соответствует сегодняшней парадигме естественных наук. Теоретическая и клиническая психология в своем стремлении к научности и объективности, игнорируя свои исторические корни, уходящие в философию и теологию, рискуют утратить связь с человеческим чувством. Психопатология, как и научные или медицинские подходы, используемые в клинической практике, играют далеко не первую роль в клинической психологии. Чтобы понять чувствующую функцию, следует начать с изучения материалов, появившихся задолго до того, как современная психиатрия начала описывать специфические проблемы, связанные с этой функцией. Мы должны, прежде всего, обратиться к гуманизму философов и эссеистов, писателей и драматургов, богословов и мистиков, занимавшихся вопросами морали, а не к концепциям современных психологов.

Концепция чувства как отдельного свойства психического появляется в современных воззрениях в университетской психологии восемнадцатого века. Тогда в психике выделяли три отдельных свойства: мышление, желание и чувство. Возможно, историки когда-нибудь подробнее расскажут нам о рождении в восемнадцатом столетии концепции чувства, ведь оно в то время носилось в воздухе: вспомним интроспективный пиетизм, Руссо, сентиментальные рома-

ны и модное слово «сентиментальный», культуру и этикет королевских дворцов, городов, *салонов* и кофеен, утонченность литературного языка и интерес к акцентам и интонациям речи, развитие музыки, зарождение Романтизма, энтузиазм революционеров и религиозных реформаторов. В то же самое время концепция чувства как отдельного свойства психического входит в психологию как равноправный элемент в триаде мышления, желания и чувства — такое разделение на три части до сих пор формирует каркас университетских курсов психологии на Европейском континенте. Для описания отдельного свойства психики термин «чувство» был впервые введен Мозесом Мендельсоном в 1766 году. А в 1755 году он уже написал: «*Wir fühlen nicht mehr sobald wir denken*» («Мы перестаем чувствовать, как только задумываемся» — *Philosophische Schriften*, 1,9). В описании чувствующей функции Юнга можно найти идентичное по сути утверждение.

Слово «feelings» (чувства) стало употребляться в английском языке для обозначения эмоций, симпатий и восприимчивости в 1771 году. Это было время, когда чувства имели примерно такое же большое значение, как и в наши дни. Каждый говорил о состояниях своей души как о чувствах. Чувствующая функция завоевывала новые слова. Вошли в язык слова «интересный» и «скучный», причем первое пришло из появившегося в 1768 году «*Сентиментального путешествия*» Стерна. Смит отмечает появление в восемнадцатом веке в английском языке также слов «*ennui, chagrin, home-sickness, diffidence, apathy*»1 и начало употребления для описания внутренних переживаний слов «*excitement, agitation, constraint, embarrassment, disappointment*»2 (L.P. Smith, *The English Language*, London). Как указывает Перселл Смит, это вовсе не означает, что люди до восемнадцатого столетия не испытывали тоски по дому или апатии, не обладали чувствами и эмоциями, не были сентиментальны, но это было время в психологической истории, когда сознание начало отражать чувства в такой форме. Кроме того, тогда же, в конце восемнадцатого столетия, в названиях учебников появилось слово «психология». Различие между более старым набором слов, употреблявшихся для описания чувств, и современным (из которого и родилась психология), заключается в перенесении описаний чувства из внешних проявлений («злобный», «мрачный», «милосердный») во внутренние.

1 Томление, огорчение, тоска по дому, робость, апатия (фр. и англ.).

2 Волнение, возбуждение, напряжение, смущение, разочарование (англ.).

Когда сегодня мы говорим о событии, что оно забавно или интересно, то обычно имеем в виду чувства, возникшие в нас самих (См. O. Barfield, *История английских слов*, London, 1953). Рождение современной психологии тесно связано с интроспекцией и переносом чувства из внешнего мира во внутренний. В течение последних пятидесяти лет гештальт-психология пыталась снова вынести чувства «наружу», вписать их во внешний пейзаж как объективные качества сцены, возникающие из «чувства» линий, цветов и форм.

Выделение эмоционального опыта и попытки его упорядочения и классификации, главным образом, с помощью метода интроспекции — громадная заслуга немецкой и, в меньшей степени, французской и британско-шотландской психологических школ. Предложенное Мендельсоном разделение психики на три части получило широкое признание после работ Тетенса, а затем «*Антропологии*» Канта. Как только эта идея была представлена Кантом, она приобрела официальный и ортодоксальный характер и утвердилась на столетия. Третья часть психики включала все виды аффектов: эмоции, ощущения, удовольствие, боль, чувство добра, моральные и эстетические ценности, сентименты, страсти — все, что не относилось ни к мышлению, ни к воле.

К несчастью, такое разделение поглотилось более древней моделью, все еще дремлющей в нашей психике, — разделением души на три части, данным Платоном в его «*Республике*». Можно сказать, что трехчастная модель, используемая для иерархического описания сознания, является западным архетипом, появившимся в разное время в различных формах. Влияние деления Платона (Голова и Золото, Сердце и Серебро, Печень и Бронза) на концепцию чувства было, несомненно, негативным. Аффективность была опущена на нижний уровень, ее границы размыты, ее спутали с темными страстями, самыми низменными формами сексуальности, грехом, иррациональными, женственными и материалистическими проявлениями. Чувство, которое отнюдь не то же самое, что страсть или эмоция, благодаря коллективному подавлению, приведшему к недостаточной его дифференциации, смогло стать и стало страстным и эмоциональным.

Происходившее в истории коллективное сдерживание аффективной стороны психического и последующее ее раскрепощение, сопровождающееся в наши дни размахиванием флагами «чувств» в церкви, в сфере образования, в групповой терапии, в рекламе — повсюду, породило в нас ощущение потерянности. Потерянность стала сейчас главной характерной чертой чувства: мы находимся в растерянности,

не зная, как следует чувствовать, где проявлять свои чувства, почему нужно чувствовать, не представляя даже, чувствуем ли мы что-нибудь. Произошла утрата стиля и формы индивидуального чувства, как если бы эта способность пришла в негодность. Мы остались с тем, что Т. Эллиот назвал в своих «Четырех квартетах» «всеобщим хаосом сознанья / сумятицей чувств». Поэтому нашу задачу можно определить словами из другого отрывка того же произведения Т. Эллиота:

Остается борьба овладенья утраченным,
И найденным, и утраченным снова и снова; именно ныне, когда
Это почти безнадежно*.

Чувство стало настолько значительной проблемой нашего времени, что можно прийти к абсурдному утверждению, что источником всех психических расстройств являются неадекватные действия чувствующей функции. Наши личные проблемы в сфере чувств частично являются следствием существовавшего веками их коллективного подавления; разрешить их никоим образом не смогли ни беспорядочный энтузиазм восемнадцатого века, ни порнографические удовольствия середины двадцатого. Эти проблемы являются коллективными, и для их разрешения нужны новые концепции. Для этого недостаточно воздействовать на них только прямым способом, пытаться создать новую доктрину чувства и во имя ее совершить революцию. Лозунги нашего века — *соединяйтесь, общайтесь, будьте человечны, искренни, сочувствуйте*, — но как это делать? И что означают эти призывы?

Психологи-классики, за исключением некоторых особо выдающихся, предпочитали не касаться сферы чувств, оправдывая свою позицию утверждением, что чувство не поддается анализу. По их словам, чувство — это поток, который нельзя разрезать на части и в который нельзя заглянуть; первый же вопрос, который задают при любом обследовании, останавливает чувство. Такая точка зрения особенно характерна для представителей немецкой школы, которые, однако, вопреки собственным аргументам, продолжают писать о чувстве. Они указывают на то, что в повседневной жизни словесное содержание ответа на вопрос «Как ты это чувствуешь?» отличается от самого чувства. Приложение аналитического мышления к исследованию чувства разрушает объект исследования — он расплавляется буквально

* Перевод С. Степанова.

на глазах. Из этого следует — продолжают они свою аргументацию, — что чувствующую функцию, как подземную силу, лучше оставить в темноте, ее надо чувствовать, а не формулировать.

Изучение чувства кажется субъективным занятием из-за того, что существует мало поддающихся рассмотрению объективных его проявлений. Психологи понимают это и в нашем столетии уже три раза проводили специальные симпозиумы на тему «Чувства и эмоции». Первый, Виттенбергский симпозиум, проходил в 1927 году, в нем приняли участие многие блестящие психологи — Альфред Адлер, Бехтерев, Жане, Пьерон, Бретт. Каждый изложил свою точку зрения на чувство и эмоцию. В 1948 г. подобный симпозиум, посвященный чувствам и эмоциям, был организован Чикагским университетом. Маргарет Мид, Карл Роджерс, Дэвид Кац, Джеселл, Френч, Байтенджик, Гарднер Мерфи и два десятка других ученых представили свои теории и результаты исследований в многочисленных направлениях. Двадцать лет спустя, осенью 1968 г., в Лойолс состоялся третий симпозиум. На нем я представил краткий обзор и анализ взглядов Юнга. Три тома трудов этих симпозиумов являются основой для более полного изучения этой области.

Но изучение чувства выводит исследования за пределы психологии, заставляет обратиться к социальной истории, изучать биографии, семейные и дружеские отношения, литературу, поэзию, политику и дипломатию — все те области, в которых психолог обычно начинает нервничать. Многие годы я собирал научную литературу по этому вопросу — таков мой окольный путь к чувству — и могу сообщить, что во всех этих трудах очень мало фантазии, читать их тяжело и скучно.

Юнг оставил нам ключ к решению проблем чувства, который не назовешь скучным, потому что он имеет прямое отношение к нашей реальной психической жизни и к влиянию на нее комплексов. Если определить комплексы как группу окрашенных чувством идей, то обязательным компонентом любого комплекса является чувство, а один из путей изучения каждого комплекса проходит через исследование входящих в него чувств. Существование комплекса можно обнаружить посредством снов, с помощью ощущений и воспоминаний, проекций, путем анализа идей — и через чувства. Подход, основанный на анализе чувств, применим и к исследованию снов, являющихся выражениями комплексов. Отбор и оценка значимого содержания снов и чувств, которые в снах выходят из-под контроля, открыва-

ют пути исследования комплексов; чувство можно назвать *via regia** не только к бессознательному в личной жизни индивида, но и к более широким архетипическим доминантам, которые через чувство предъявляют нам свои обезличенные требования. Это значит, что наши чувства, казалось бы, столь интимные и принадлежащие «нам лично», имеют также свой архетипический обезличенный аспект, заслуживающий на этом уровне признания.

Позвольте мне снова подчеркнуть эту мысль: чувства не являются только личными; они отражают универсальные явления в историческом контексте. Они имеют общую, коллективную основу. Потребность, кажущаяся сугубо личной, может выражать общую потребность окружения, групповую потребность семьи, социального слоя, даже определенной возрастной группы. Наши чувства не являются только «нашими». Так например, в национальных и религиозных чувствах мы лишь принимаем участие. В этом смысле они представляют собой не только что-то существующее внутри нас, но также и что-то, в чем существуем мы сами и с чем чувствующая функция помогает нам разобраться. Уверенность в том, что чувства являются «моими», личными, раскрывающими мою сущность, мои установки, мои желания, — в значительной степени иллюзия чувствующего эго. Чувства разных людей так же мало варьируются, как и их ощущения вкуса и запаха, или мысли, приходящие в голову членам коллективного общества, и сами процессы ж мышления. Оригинальный стиль дифференциации индивидуального чувства встречается так же редко, как и оригинальность любой другой функции. Вследствие того что психотерапевты иногда игнорируют безличную коллективность чувств, пациентов приводят к вере в то, что, если только им удастся полностью выразить свои чувства, они смогут обрести достоинство и равновесие. Чувствующая функция является инструментом, посредством которого мы отделяем реальные чувства от поддельных, — нелегкая задача, может быть, даже неразрешимая. В любом случае не следует взваливать на эту функцию все проблемы самораскрытия и ожидать, что лишь чувство превратит вас в подлинную, аутентичную личность.

Кроме погружения в область «глубоких» чувств, существуют и другие пути самоуглубления. Из-за того, что в наше время важность чувства оказалась преувеличенной, люди начали воспринимать его

* Царская дорога (лат.).

как панацею. Но я бы выбрал другой путь: не лечить с помощью чувства, а лечить само чувство, пытаться осознать действие чувствующей функции.

В идеале чувствующий тип должен испытывать удовольствие, рассказывая о том, как он действует. Но обычно это не возбуждает фантазию чувствующего типа. У него нет проблем с чувством, а потому в этой сфере и не возникает богатых фантазий. Например, я сам оказался бы в таком же положении, если мне пришлось бы распространяться на тему о природе интуитивного мышления, которое для меня является автоматическим и не требует умственных усилий.

Итак, я с самого начала вношу ясность. Лекционное обучение всегда оказывается несколько искаженным. Лишь некоторые люди обладают даром понимать слова, а потому мы получаем знания, как бы профильтрованные через устройство, передающее слова в сознание. Но познание чувства не приходит к человеку непосредственно из прочитанного или услышанного на лекциях, и вообще из каких-либо слов, так что предлагаемые главы парадоксальны во многих отношениях: я не считаю себя способным учить чувству; выбран не лучший способ обучения; возможно, сам предмет изучения не поддается формулировке. И все же я чувствую, что стоит попытаться.

Глава 2. Определения Юнга

Я считаю, что Юнг много сделал для воскрешения концепции чувства и очистки ее от общих предрассудков. Ни Блейлер, ни Фрейд, эти два великих психолога, с которыми Юнг был наиболее тесно связан, не отделяли четко чувство от эмоции, от страсти, от аффектации. В современной психиатрической и психоаналитической литературе чувствующая функция все еще погребена под общим понятием эмоции, в то время как Юнг уже в 1921 г. в работе «Психологические типы» рассматривал чувство как функцию сознания, равноценную мышлению, ощущению и интуиции.

Создав концепцию чувства и определив ее как функцию сознания, Юнг внес главный вклад в теорию чувства. При оценке работ Юнга по типологии это его достижение часто не замечают, в результате чего пренебрегают важнейшим аспектом юнгианской психологии, что порождает множество бесплодных споров. Для понимания его трудов совершенно необходимо опираться на чувство. Мы не можем читать Юнга, пользуясь лишь интеллектом. Сознательная оценка в юнгианской психологии означает как раз оценку чувством. Все главные концептуальные символы (как, например, интроверсия, тень, архетип, самость, синхрония) также являются результатами чувственного опыта.

Комплекс наиболее просто можно определить как группу идей, окрашенных чувством; символ распознается по его влиянию на чувство в той же мере, как по его воздействию на ощущение, его интуитивному смыслу и идейному содержанию. Даже главная цель юнгианского анализа — установление взаимосвязей эго-сознания и бессознательных доминант — достигается во многом с помощью чувствующей функции. Юнгианская терапия не ставит, как ошибочно полагают многие, во главу угла само*знание*. Самореализация — это процесс реализации чувства, достижения понимания того, что мы чувствуем, и чувства того, что мы собой представляем. Этот процесс начинается с первого терапевтического сеанса, на который человек часто приходит из-за тревожного состояния чувств и который обычно начинается с вопроса: «Как вы себя чувствуете?»

Чувство оказало влияние и на более поздние работы Юнга, особенно на его концепцию анимы и исследования многомерного «жен-

ственного» полюса психического. Признание роли чувства проявилось и в его довольно свободной и открытой манере проведения терапии, не злоупотребляющей жесткими ограничениями, налагаемыми на нее интеллектом. Поэтому его психология была быстро воспринята женщинами и деятелями искусства и в то же время встретила отторжение, правда с заметными исключениями, у специалистов, работающих в тех областях человеческой деятельности, где чувство недооценивается, — в современной теоретической медицине и психологии и в академической среде.

Юнг пришел к заключению о роли чувства чисто экспериментально; его самые ранние описания чувства родились из анализа результатов его опытов по ассоциациям, в которых он обнаружил, что на слова-стимулы чаще следуют чисто аффективные ответы («да», «это плохо», «это мне нравится» и т.п.), чем ассоциативные в строгом смысле этого слова. Уже в его ранних трудах первого десятилетия века мы можем проследить два аспекта концепции чувства: с одной стороны, чувство — *функция*, посредством которой человек «любит», соотносит, судит, связывает, отрицает, оценивает; с другой стороны, чувства — *эмоции* (надежды, желания, вспышки гнева), которые действуют в ассоциативном тесте как факторы, облегчающие или затрудняющие возникновение ассоциаций. В своих первых попытках (1913, 1916—1917) создать теорию типов и концепцию психологических функций Юнг не отличал интроверсию от мышления (с его психопатологическим проявлением в шизофрении) или экстраверсию от чувства (с его психопатологическим проявлением в истерии). Причиной этих его ранних заблуждений могло быть отчасти и его собственное психологическое состояние.

Прежде чем вернуться к юнговскому описанию чувствующей функции, мы обязаны, ради ясности изложения, разобраться с некоторыми неправильными толкованиями самого слова «чувство».

Во-первых, мы обычно путаем чувство с *ощущением*. Изначально боль и наслаждение — ощущения (чувство комфорта, чувство зуда, чувство изнеможения). Однако боль, кроме чистого ощущения, имеет дополнительную размерность чувства, поскольку она связана с неудовольствием. (*Unlust* — на языке немецких психологов.) Удовольствие также имеет размерность чувства (например, радость), так что мы можем ощущать себя несчастными или разочарованными из-за болезненного наказания или довольными после превосходного обеда. Мы часто используем выражение «Я чувствую», когда имеем в

виду (если выражаться более точно) «Я ощущаю». Например, чувство холода, хорошее самочувствие, чувство удовольствия от прикосновения к гладкой поверхности ткани — первично все это ощущения, независимо от того, является ли их источник внутренним или внешним. Академическая психология пыталась концептуально разделить чувства и ощущения в терминах внутреннего и внешнего. Согласно этой концепции, мы чувствуем субъективные состояния и ощущаем внешние объекты. Но использование Юнгом терминов «чувство» и «ощущение» более изощренно: мы можем чувствовать события как объективные внешние явления, например, поступая из этических соображений или наслаждаясь произведениями искусства, и ощущать наши собственные субъективные процессы.

Кроме того, мы часто смешиваем ощущения и чувства, когда, например, говорим о ком-нибудь, что он «чувствительный»*, на самом деле имея в виду утонченность его чувств, обидчивость, повышенную впечатлительность. В парапсихологии «чувствительными» называют людей, обладающих изумительно развитой функцией интуиции. Таким образом, мы имеем дело с любопытной смесью терминов, в которой чувство, ощущение и интуиция являются почти синонимами. Различия между этими словами невозможно определить четко, как бы хотелось нашему интеллекту, так как правда языка не логическая, а психологическая. Очевидно, что и различия между самими функциями не являются достаточно точно определенными. Например, по-французски слово «*sentir*», от которого произошло слово «сентименты», означает и «чувствовать», и «ощущать», и «предвидеть» («чувствовать интуитивно»). Метафоры, употребляемые для описания чувств, используют словарь ощущений; описывая чувства, мы говорим: «мягкий», «сладкий», «горький», отождествляя сенсорное содержание чувства с самой чувствующей функцией.

Близость понятий «чувство» и «ощущение» лингвистически вполне оправдана. Этимологическим корнем слова *feeling* (чувство) является тевтонское слово fol; англосаксонское слово *fol-m*, имеющее тот же корень, означает «ладонь». От того же корня происходит и исландское слово *fal-ma* — «ощупывать». Этимологический словарь Скита фактически определяет слово «чувствовать» (*feel*) просто как «воспринимать при касании». Связь между чувством (в более широком смысле этого понятия) и рукой можно вывести и другим путем: гре-

* По-английски «sensitive» (*прим. ред.*).

ческий термин *orexis*, который переводится как «аппетит», «желание» или «страстное стремление», означает также действие, при котором чего-то достигают, до чего-то дотягиваются, действие, в котором участвует рука. Рискованно на основе этимологии делать далеко идущие выводы, но чувство явно когда-то означало прикосновение.

Во-вторых, чувство часто путают с *интуитивной* оценкой. Чувство уверенности, правоты, как и чувство гнилости или сомнительности чего-то, являются проявлениями интуиции. Обычно мы предпочитаем говорить «Я чувствую», а не «Я вижу» или «Я нахожу», или «Мне кажется», хотя эти выражения гораздо больше соответствуют интуитивным утверждениям. Высказывания «Он хорошо чувствует живопись» или «Он может почувствовать подноготную человека» скорее характеризуют не чувства, а интуицию.

В-третьих, чувство часто не отличают от *эмоции*, *аффекта* или *страсти* (чувство гнева, волнения, влюбленности, грусти). Как я в какой-то степени показал в своей книге «*Эмоция*», демаркация границы между этими понятиями является главной проблемой психологии. Юнг обычно не различал понятия аффекта и эмоции (сравни «Психологические типы», том 6, пар. 685). Различия же между чувством и эмоцией (аффектом) имеют у него в основном количественный характер (там же): чувства превращаются в аффекты, когда они дают выход физическому возбуждению. Однако Юнг не заходит слишком далеко в своих выводах, и изучение научной литературы (см. «Эмоция») дает некоторое основание для определения аффекта, скорее, как изначального, частичного и одностороннего механизма выхода энергии, близкого к тому, который ученые, исследующие поведение животных, обозначают термином «врожденные (инстинктивные) реакции», а психиатры — термином «примитивные реакции». Аффект понижает ментальный уровень до отметки, которую Жане назвал низшей частью функции. С другой стороны, эмоция представляет собой суммарную реакцию личности, которая может основываться на аффекте или иметь аффективную компоненту, но при этом содержит и чувственное измерение. Активизируются многие уровни, и сознание через эмоцию трансформируется в сознание символической природы. Эмоции — очень важные состояния: они придают глубину и привносят значение, одновременно разрушают и создают, дают человеку опыт осознания своего тела. Короче говоря, эмоция включает в себя как аффект, так и чувство, и не только их: чувство представляет

собой часть активности, связанную, главным образом, с сознанием; аффект, в основном, является физиологическим проявлением.

В-четвертых, чувствующая функция отличается от чувств, которые мы испытываем. Можно испытывать чувства, но при этом не обладать способностью управлять ими, способностью использовать чувствующую функцию. (Подобным образом можно что-то интуитивно чувствовать или о чем-то думать, но при этом не пользоваться преимущественно функцией интуиции или функцией мышления: например, можно иметь в голове мысли, но не быть способным доводить их до логических заключений). Чувствующая функция может оценивать мысли, объекты, вызывающие ощущения, и любое психическое содержание. Она не ограничена только чувствами. Чувствующая функция чувствует (оценивает и определяет свое отношение к ним) не только чувства. Мы можем чувствовать свои мысли, определять их ценность и значение. Мы можем почувствовать, что даже наиболее сильные ощущения или интуитивные озарения на самом деле малозначащи или не заслуживают внимания. Точно так же мы можем думать и рассуждать о чувствующей функции и чувствах — чем мы и занимаемся в этой лекции. С самими чувствами — раздражением, радостью, скукой—можно обращаться адекватно или неадекватно, оценивать их с помощью чувствующей функции положительно или отрицательно. Мы возвратимся к этой теме несколько позже, при рассмотрении работы подчиненной функции. Итак, человек, который многое чувствует и буквально переполнен чувствами, может не принадлежать к «чувствующему типу», в то время как чувствующий тип, хладнокровно управляющий своими чувствами, может показаться совершенно лишенным чувств, отстраненным и безразличным. Между чувствами и чувствующей функцией такая же разница, как между содержанием и процессом, который организует и выражает это содержание. Однако, после того как мы установили указанное различие, не следует придавать ему слишком большое значение. Фактически постоянный субъективный процесс чувствования является пассивным фоном для чувствующей функции.

В-пятых, чувство часто легкомысленно смешивают с концептуальными символами «анима» и «Эрос». Эрос является атрибутом союза, привлечения, привязанности, связи, взаимоотношений, увлеченности, связывающих людей друг с другом. Он имеет свои корни в желании и таких специфических аффектах, как непреодолимое влечение, сжигающая страсть, воспарение, умирание; его специфические

символы: крылья, стрелы, дитя, огонь, лестница. Как архетипическая доминанта, Эрос отличается и от анимы (психологического комплекса), и от чувства (психологической функции), хотя они могут брать на себя роль тени Эроса и подпадать под его влияние; в этом смысле Эрос — метапсихологическое явление, он Бог или Демон и является более широкой категорией, чем анима или чувство.

Анима, по определению, есть женский аспект личности мужчины и всегда женственна. Однако Эрос — всегда мужчина; его образы в различных культурах подтверждают это. Кама, Эрос, Купидон, Фрей, Адонис, Таммаз — все они мужчины. Являющиеся олицетворением просветленной любви Кришна, Будда и Иисус, при всей их мягкости и воздержанности по отношению к сексуальной функции воспроизведения рода, также мужчины. Эротический принцип активен и целеустремлен; проповедовать, учить, странствовать, вести души к искуплению, а героев и мужей к судьбоносным испытаниям, поражать плоть стрелами, любовь — это мужское дело, требующее мужской силы. Эрос воздействует на мир и на душу. Вне зависимости от того, в каком направлении происходит движение: снисходит ли свыше благодать или душа стремится ввысь от несовершенства к совершенству, эрос в каждом контексте, христианском или любом другом, остается духовным творческим мотором, первичной движущей силой.

Хотя чувство можно рассматривать как проявление эроса внутри сознания, а чувствующую функцию считать происходящей из архетипического Эроса, принцип эроса все же значительно отличается от чувства в том отношении, что чувство — категория человеческая. Чувство — индивидуальное свойство сознания, ограниченное пространственными и временными рамками. Эрос же, как говорят нам письменные источники, всегда универсален и безличен, даже бесчеловечен и демоничен. И в роли сексуальной побудительной силы, и в роли космогонической силы, сохраняющей единство Вселенной, эрос остается безличным — силой, а не чувствующей функцией.

Следовательно, мы в праве говорить как о людях с сильным эросом и слабой чувствующей функцией, так и о людях с дифференцированным чувством и слабым эросом. Если вспомнить, что эрос можно представить как жизненную силу, швыряющую нас в водоворот жизни, поднимающую со дна всю грязь и вовлекающую душу человека в материи, выходящие за пределы его понимания, то сможем постигнуть, как мало общего имеет эрос с дифференцированной чувствующей функцией. Любовники могут вступать в связь, не испытывая ни-

каких чувств; достаточно эроса, чтобы наплодить любое потомство, соединить в символические единства все виды противоположностей. С другой стороны, обаятельный «чувствующий человек» или интроверт с «глубоким чувством» может оказаться совершенно не затронутым архетипом эроса. Исследуя истерию, социопатию и шизоидную отстраненность, можно хорошо понять различие между эросом и чувством. Чувство может функционировать, хорошо приспосабливаясь к психопатическому аспекту комплекса, очаровывая и проявляя все признаки заинтересованности в отношениях, и при этом под такой маской будет скрываться стремление к власти и выгоде, а не эрос. Множество грехов, связанных с отсутствием эроса, покрываются словами «интроверсия» или «чувствующий тип», так что глубоко чувствующий интроверт может прожить жизнь, в которой ни страстные ошибки эроса, ни его стремительные порывы никогда не затронут его личность.

На семинарах Юнга («Анализ сновидений»*, том II, 1929—1930, 3-е издание, 1958, Клуб психиатров Цюриха, стр. 292—293), которые так и не были изданы в авторской редакции, в связи с чем их нельзя цитировать, Юнг определяет некоторые различия между чувствующей функцией, любовью и эросом. Он указывает на то, что любая функция, а не только чувствующая, может находиться под влиянием эроса. И все же он пытается рассматривать проявление высочайшей степени развития чувствующей функции посредством любви. Трудности, с которыми мы сталкиваемся при различении этих терминов, отражают трудности, существующие изначально внутри нашего чувства, любви и эроса. Эрос есть Бог; утратив с ним связь, мы оказываемся в замешательстве и спорим, выясняя значение понятий *agape* (христианская любовь), *philia* (человеколюбие), *caritas* (милосердие) и *amicus* (дружба). И это неудивительно: в конце концов, кто же знает, что такое любовь?

Противоречия между логосом и эросом, между мужским и женским началом, между любовью и властью и многие другие знакомые нам противоречия необходимо понять в первую очередь как *иллюзию противоположностей*. Существуют методы представления вещей разделенными, противоречащими одна другой, различающимися; та-

* Сейчас эти труды опубликованы под названием «Анализ сновидений: Заметки с семинара 1928/1930 г. («Dream Analysis: Notes of the Seminar Given in 1928/1930», ed. William McGuire, Princeton: Princeton University Press, 1984).

кие методы полезны для познания природы разумом, всегда нуждающимся в таких упрощениях, так как он никогда не бывает вполне готовым постигнуть сложную природу психической реальности, которая всегда комплексна. Поэтому позволим себе не слишком настаивать на принципах противостояния — логос против эроса. В эросе присутствует логос, как в духовном начале присутствует эрос. Эти принципы мышления являются символическими идеями, и сущность каждой из них необходимо понять соответствующим ей способом, а не относиться к ним как к фишкам в игре противоположностей.

Маскулинность эроса нужно всегда четко отличать от его женского двойника, с которым он обычно тесно связан. Отсюда и возникают мифологические фигуры Матери и Сына как аспекты одного образа в другом: сын усваивает и приводит в действие материнские качества. Великая Богиня и все ее вариации, такие как Куан-Уин, Деви, Астарта (Иштар), Кибела, Афродита, Венера, Фрейя или Мария обладают другим свойством. Сущность ее любви более пассивна, более терпима, менее дифференцирована. Негативным выражением этой сущности является ее хорошо известный промискуитет, позитивным — ее бесконечное плодородие и всеобъемлющее милосердное сострадание.

Нельзя забывать, что любая современная дискуссия о чувствующей функции и о том, что именно она чувствует, всегда будет осложнена недостатками нашего языка и нашей культуры, в которых господствуют ошибающееся чувство и неуправляемые эмоции. Сжатие субстанции всегда приводит к соединению элементов и превращению ее под воздействием тепла и давления в липкую смесь. Там, где подавляется женское начало, чувства и эрос, их выразителями становятся женщины. Но без тщательного анализа мы не можем определить, какие свойства присущи полученной смеси. Индивидуальный психотерапевтический анализ при удачном стечении обстоятельств способен привести к разделению этих различных качеств. Затем Эрос может быть освобожден от отождествления с пассивно-женственной и неразборчивой Великой Богиней, анима-комплекс — от доминирования эротизма, а женщины — от бремени бессознательной женской стороны мужчин и обязанности нести чувствующую функцию мужчин и их аутентичную и необходимую зависимость от эроса.

* * *

Юнговское определение чувства следовало бы привести целиком, но мы можем выбрать из него несколько отрывков (См. «Психологические типы». СПб. 1995):

Чувство — есть прежде всего процесс, происходящий между эго и каким-нибудь данным содержанием, притом процесс, придающий содержанию известную ценность в смысле принятия или отвержения его («удовольствие» или «неудовольствие»), но далее это также процесс, который помимо определенного содержания сознания или ощущений данного момента может возникнуть изолированно, в качестве настроения. (*834*).

…Чувство есть также разновидность суждения, отличающаяся, однако, от интеллектуального суждения, постольку, поскольку его цель состоит не в установлении логической связи, а в установлении субъективного принятия или отвержения. Оценка при помощи чувства распространяется на всякое содержание сознания, какого бы рода оно ни было. Если интенсивность чувства повышается, то возникает аффект, который есть состояние чувства с заметными телесными иннервациями. (*835*).

Чувство, подобно мышлению, есть функция рациональная, ибо, по свидетельству опыта, ценности, в общем, устанавливаются по законам разума точно так же, как понятия, в общем, образуются по законам разума.

Понятно, что вышеприведенные определения не характеризуют сущности чувства, а дают лишь внешнее описание его. Интеллектуальная способность понятий оказывается неспособной формулировать на языке понятий сущность чувства, потому что мышление принадлежит к категории, несоизмеримой с чувством… [Сравни с высказыванием Мендельсона, приведенным выше на стр. 105] (*837–838*).

Когда общая установка индивида ориентируется чувствующей функцией, то мы говорим о чувствующем типе (*839*).

Чувствующая функция — это протекающий в нашем сознании психологический процесс оценки. Посредством чувствующей функции мы оцениваем ситуацию, личность, объект, момент времени с точки зрения их значимости. Предпосылкой для чувства, следовательно, является структура чувственной памяти, шкала ценностей, которую можно приложить к оцениваемому событию. (Отсюда мы сразу можем понять, насколько важен анализ детских воспоминаний

для раскрытия родительского влияния на структуру чувственной памяти и формирование шкалы ценностей.) Некоторые авторы особо подчеркивают структуру чувственной памяти, основанную на впечатлениях прошлого, и предпочтение чувствующими типами былого настоящему. Этот довольно схематичный способ построения теории психологических типов по их отношению ко времени дает положительный эффект, подчеркивая важность времени в отношении функций и, особенно, важность аккумуляции чувственного опыта как основы чувствующей функции. (См. H. Mann, M. Siegler, H. Osmond, «Миры Времени», *J. Analyt. Psychol.* 13:33 ff.)

Как непрерывно продолжающийся процесс, который придает чувству определенный тон или получает его, даже если тон чувства — безразличие, чувствующая функция связывает субъект с объектом (задавая его цену) и объект с субъектом (включая его в шкалу ценностей субъекта). Следовательно, эта функция служит для определения отношений, и ее часто так и называют «функцией отношений». Когда черная кошка перебегает мне дорогу и я замедляю шаг, хмурюсь и ощущаю страх, то реагирую на это событие не только физиологически. Это событие, также как и кошка, оценивается в терминах моей субъективной системы ценностей, которая устанавливает значение возникшей ситуации. Чувствующая функция связала меня с этим событием, вызвав беспокойство и негативное суждение. События, которые не были оценены, а просто восприняты и зарегистрированы или поселились в мозгу в виде причудливых интуитивных впечатлений, не были прочувствованы, а потому нельзя сказать, что я имею к ним какое-либо отношение, как и они ко мне. Я могу видеть яркие сны, вести изнурительную борьбу, не чувствуя их ценности, а потому они не имеют отношения к моему сознанию. Итак, подводя итоги, можно сказать, что чувство формирует отношение субъекта к объекту, в содержимом психики появляется его оценка и возникает общий чувственный тон, настроение.

Как процессу, чувству требуется время, больше времени, чем необходимо для восприятия. Подобно мышлению, оно должно рационально организовать впечатления и составить о них суждение; в отличие от мышления, это суждение принимает форму оценки. Чем более дифференцирован и богат набор оценок, тем медленнее может протекать чувственный процесс. (Подобное происходит и с мышлением: чем более дифференцирован мир идей, тем медленнее может протекать процесс оформления новой мысли). Составляя суждение

об объекте, чувствующая функция подводит баланс оценок, сравнивает тона и качества, взвешивает его важность и, наконец, выносит решение об открытых ею ценностях. На более примитивном уровне чувствующая функция оперирует в основном реакциями: да — нет, нравится — не нравится, принять — отвергнуть. По мере ее развития у нас постепенно формируется более тонкое отношение к ценностям и даже к системам ценностей. При этом суждения нашей чувствующей функции начинают все в большей степени опираться на рациональную иерархию ценностей, независимо от того, относится ли это к сфере эстетического вкуса, этических ценностей, социальных форм или человеческих отношений. Хотя эти системы ценностей и суждения, основанные на них, не являются логическими, они рациональны. Развитая чувствующая функция — это разум сердца, не вполне понятный разуму ума.

Разница между логическим и рациональным по отношению к чувству, возможно, заслуживает более подробного описания. Хотя чувство не прибегает к силлогизмам, в его действиях есть и точность, и очевидная разумность. Например, можно обладать вкусом, который нельзя логически объяснить или проверить экспериментально, но который тем не менее отличается последовательностью и систематичностью. Способность правильно подойти к разрешению проблемы или разговору с человеком свидетельствует о рациональном выборе и регулировке необходимых действий. Но при этом эти действия могут не быть рассудочными. Человек говорит разным людям разные вещи в соответствии с ситуацией и тем, что собеседник хочет услышать. Ответы на вопросы могут оказаться неверными, некорректными, но с точки зрения чувства абсолютно правильными. Когда ребенок просит что-то объяснить ему, ответ может диктоваться или мышлением, или чувством; иногда успокаивающая выдумка может оказаться «правдивее» разумного разъяснения. Попасть ответом точно в цель не всегда значит сообщить фактическую или логическую истину. В терапевтической практике часто оказывается, что мастерски рассказанный абсурдный анекдот или притча помогают разрешить психологическую проблему лучше, чем логически безукоризненное убеждение. При разрешении конфликта часто важнее нарисовать цельную картину примирения, чем прибегать к логике и опираться на факты. Чувствующая функция создает ситуацию, в которой рациональное сочетание различных точек зрения может быть достигнуто несмотря на то, что стороны не урегулировали все спорные вопросы и не приш-

ли к логически разумному компромиссу. Можно ощущать иррациональное недовольство предстоящей встречей или необходимостью выполнения какого-либо обязательства и в то же время пребывать в полной гармонии со своими оценками и настроением. Проснувшись утром, мы получаем от чувства сведения о том, как мы себя чувствуем независимо от внешних реалий: погоды, времени на часах, дневного расписания, состояния нашего тела. И самое главное — именно чувство вносит в любовь порядок и логику.

Существует ощущение времени, связанное с чувствующей функцией, которое не описано в литературе, но тем не менее является частью ratio (разумного) в чувствующей функции. Ощущение времени и ритма, даваемое чувствующей функцией, часто вступает в противоречие с логическими доводами и заставляет совершить правильный поступок в неподходящий момент. Существует чувство каждого отдельного момента времени и каждой цепочки таких моментов. Каждую жизнь характеризует свое чувство времени, ощущающее, как оно течет. Это чувство превращает историю фактов в историю человеческой души, а цепи событий придает определенный ритм. Биография — это представление состояний чувства во времени, чувства отдельной личности и эпохи.

Несмотря на то, что чувство является оценочным процессом, несмотря на то, что Юнг обнаружил факты, приведшие его к определению чувства, в оценочных ответах при проведении ассоциативных тестов, даже несмотря на то, что обычно можно построить оценочную шкалу, чувство нельзя упростить настолько, чтобы оно соответствовало системе «боль — удовольствие» или «нравится — не нравится». Некоторые теоретики, используя свою логику, пытаются свести чувство к паре жестких гедонистических координат. Но все шкалы дифференциации эстетического чувства (прекрасно — безобразно), нравственного чувства (хорошо — плохо), человеческого чувства (любовь — ненависть, приподнятое настроение — депрессивное), биологического чувства (притяжение — отталкивание, отступление — экспансия) находятся за пределами простых гедонистических предпочтений «нравится — не нравится». Сведение чувства к чисто гедонистическому понятию неизбежно приводит к гедонистической философии, в которой иерархия чувственных оценок и суждений втиснута в рамки удовольствия и боли. Затем вводится количественная мера, и чувство покоряется организованному мышлению.

Природа чувствующей функции более сложная. Она зарождается не из простейших элементов. Подобно музыке, она начинается скорее как *Gestalt* (целостный образ) мелодии, чем как ряд элементарных тонов. Чувство играет мелодию, и в каждой ситуации звучит своя мелодия, отвечающая ценностям этой ситуации. Как говорят в эстетике: мы судим произведение искусства по его законам, в соответствии с целями, ради достижения которых оно было создано.

Даже в процессе анализа или консультирования попытка раскрыть чувство с помощью вопроса «Он вам нравится?» или «Это вам нравится?» оказывается неправильной и бесполезной. Если следует вялый ответ «Да» или «Нет», он обычно является выражением не истинного индивидуального чувства, а чего-то более детского и механического, может быть, принятой в семье точки зрения. Это аффективная реакция комплекса, а не сознательное чувственное суждение. «Нравится» и «Не нравится» — сложные утверждения, требующие взвешенного анализа. Нормальный ответ чувства на вопрос «Он вам нравится?»: «Это зависит…». Это зависит от ситуации, оттого, что я подразумеваю под словом «нравится», от того, о каких качествах человека меня спрашивают, и т.д. Чувствующая функция сортирует все эти факторы, как говорил Юнг, это — процесс. Приведение понятия чувства к простой альтернативе «нравится — не нравится» означает девальвацию интеллекта; это так же неоправданно, как и приведение всех мыслительных процессов к дихотомии: истинно—ложно. В психоанализе любое подобное приведение является насилием. Мы можем разделять, анализировать, описывать, но приведение всегда умаляет, так как оно разрушает оцениваемые чувством целостность события и экзистенциальную реальность момента, которые всегда комплексны. Именно чувство придает им комплексность. Чувство регистрирует качество и значение события. А потому действие чувствующей функции прямо противоположно приведению — она выявляет и усиливает полутона и оттенки.

* * *

Мы долго обсуждали эти тонкости концепции чувства, чтобы показать, что нельзя говорить о чувстве в общераспространенном туманном и сентиментальном стиле. Мало сказать, что существует чувство вины, ущемленные чувства и неадекватные чувства. Недостаточно призвать пациента выразить свои чувства. Необходимо подвести под понятие, выражаемое словом «чувство», определенный

теоретический базис. Данный в этой главе анализ понятия чувства является этапом в решении задачи сделать более точным само наше чувство. Кроме того, это способ осознать чувство, сделать его сознательным.

Чувствующая функция подобна материку, погребенному в коллективном бессознательном, который движется, вибрирует и сотрясает основы наших верований, ценностей и, конечно, всего стиля жизни. Все, что касается эротизма и одиночества, старения и преступного поведения, насилия и общения, отражает присутствие чувства в коллективном бессознательном. Никто не может избежать его; все кажется таким неопределенным, когда потрясены чувства, когда мы не можем больше опираться на прежние ценности и обычаи, на систему взаимоотношений, связывающих социальные группы. Психотерапия, похоже, обнаружила это движение погребенного материка и сейчас делает упор на восприимчивость, связанность и выражение чувств. Безусловно, это — односторонний подход к психическому, слишком личный и слишком сентиментальный. Кажется, что психотерапия не задумывается над коллективными движениями психического, влияющими на ее догмы: когда сильно подавлялся секс, мы получили венскую школу, затем везде присутствовал материнский комплекс, стало популярным грудное вскармливание; сейчас увлекаются чувствующей функцией; вскоре главными темами станут агрессия, насилие и враждебность.

В данный момент, когда я пересматриваю эти лекции (1970), чувство стало содержанием и основной процедурой терапии. Мы как будто бы снова находимся в эпохе Романтизма, когда чувства решают все; мы помешались на чувствах — «Как вы это чувствуете?», «Выразите ваши чувства», «Что вы чувствуете по этому поводу?» Взаимоотношения между людьми стали концентрироваться вокруг описания чувств, подменяя собой обмен идеями и инсайтами. Более того, интеллектуальный дух психического и обмен мыслями рассматриваются теперь как измена «движению», всему «гуманному» и «подлинной личности». И снова мы наблюдаем, как мышление и чувство становятся архаическими противниками. Ох уж эти чувства, выражаемые и разделяемые в терапевтических группах и сообществах нового типа, невероятно личные и надоедливые! Нам так нравится верить, что наиболее личное является также и наиболее индивидуальным, хотя личное, включая эго, отражает банальности и общие места. Интимные приключения личности, совершившей «чувственное путеше-

ствие», подобно домашнему фильму о путешествиях по национальным паркам, скучны, потому что душа не получает никакой пищи от впечатлений чисто личного характера. Личный опыт должен превратиться в нечто фантастическое, чтобы затронуть душу; иначе говоря, он нуждается в поэтической, метафорической, мистической окраске, выходящей за пределы личного чувства. Новые терапевтические культы, подчеркивающие роль персонального чувства, исходят из ложной гипотезы. Противопоставляются личные переживания и общие или обезличенные, или абстрактные переживания. Но ведь личный опыт — лишь один из уровней коллективного, общего опыта. Каждый человек испытывает страх, когда на него нападают, стремится сам не зная к чему, ссорится, ненавидит, огрызается. Личное лучше рассматривать как чувство на банальном уровне эго, подобно неискушенному подростку, считающего себя чувственным центром Вселенной.

В самом деле, горько сознавать, что мы настолько отстранились от чувства и его форм, что вынуждены играть в песочницах, ползать по полу, бегать обнаженными по лесам, позволять незнакомцам прикасаться к себе или внимать профессиональным проповедникам, читающим нам отрывки из дешевой поэзии, чтобы мы могли «что-то почувствовать». И все же всегда за сиюминутными тенденциями существует сама душа, которая борется с улавливанием душ, происходящим сейчас в сфере чувств. Эта потерянная, выродившаяся чувствующая функция проявляется в неуклюжей нежности и чувствительности, в попытках соприкоснуться, добраться, войти в контакт, — и все ради того, чтобы психотерапевты ее систематизировали, загнали в приносящие доход профессиональные схемы, с помощью которых нас будут учить быть чувствительными, соприкасаться, входить в контакт. Возможно, эти новые программы имеют куда большую ценность, чем та, которой наделяет их мое чувство. Но существуют и другие способы реализации чувствующей функции, о которых я надеюсь рассказать вам в этих лекциях.

Глава 3. Чувствующие типы

В реальной действительности определить тип человека непросто. Редко функциональный тип очевиден, ибо, как говорил Анаксимандр, (да и Будда тоже), все сущее есть смесь разных элементов; все существующее — нечисто. Чистые типы не существуют, нет людей, у которых работает только одна функция, а остальные бездействуют. Но есть люди, у которых общая манера поведения определяется чувствующей функцией, и, следуя за Юнгом, таких людей мы называем чувствующими типами.

Юнг подробно и точно описал, что он имеет в виду под интровертными и экстравертными чувствующими типами, и с тех пор многие его последователи расширили эти определения. Может быть, окажется более полезным, вместо того чтобы еще раз следовать этим путем, привести здесь ряд существующих насыщенных чувством типов высказываний, ставших клише, которые, войдя в жаргон, вредят чувству и обесценивают его. Некоторые из этих клише, например, утверждают, что музыканты — «люди чувства», или что люди с «ярко выраженным эросом» относятся к чувствующим типам, или что женщинам чувство более доступно только потому, что они — женщины.

Давайте рассмотрим по порядку эти высказывания. Взаимоотношения между музыкой и чувством никогда тщательно не исследовались. Ни сочинение музыкальных произведений, ни их исполнение никогда не было уделом личностей одного типа. Из того, что музыка не вербальна, совсем не обязательно следует, что она не имеет интеллектуального содержания и не требует размышлений. Подобно любому другому виду искусства, она объединяет в себе противоположности и не является привилегией одной специальной психологической функции, если только не назвать эту функцию «музыкальным талантом». Своим очарованием музыка способна приручать даже диких зверей, и Орфею удавалось с помощью лиры завораживать всех животных. Стало быть, то, что когда мы слушаем музыку, она волнует чувства, не означает того, что, внимая ей, мы пользуемся главным образом чувствующей функцией, как и того, что чувствующие типы лучше воспринимают музыку.

Кроме того, существует любопытная «аполлоническая» сторона музыки, уводящая сознание в область нечеловеческих субстанций

(холодных, отстраненных и даже жестоких). Более пристального внимания заслуживают взаимоотношения музыки и воинства: Ахилл, храбрейший герой-убийца в «Илиаде», имел к музыке особое отношение; Аполлон совершил свое самое тяжкое преступление (против Марсия) ради музыки; а нацистские генералы и начальники концлагерей наслаждались симфоническими концертами. Нам свойственна тенденция к сентиментальному отношению и к музыке, и к чувствующей функции, при этом мы упускаем из виду, что каждая из них может иметь и психопатическую сторону.

Давайте еще раз подчеркнем разницу между эросом как архетипическим принципом и чувством как функцией. Они четко различаются. Например: некоторые люди, обладающие развитым вкусом, восприимчивым дифференцированным чувством и глубиной культуры, при этом могут быть негодяями или самовлюбленными личностями, не подвластными ни малейшему влиянию эроса, выражающемуся в бурных увлечениях, заботе и любви. Или, наоборот: можно быть воплощением эроса, почти легендарным любовником, страстным и увлекающимся, и при этом полностью лишенным способности дать оценку чувствам, внешним обстоятельствам, причинам и самим людям, которым посвящена та или иная часть жизни. Женщина может любить и ждать возвращения негодяя и алкоголика, сидящего в тюрьме за совершенные преступления. Ее чувства могут быть совершенно обыкновенными, беспорядочными, но ее эрос будет присутствовать обязательно. Или взгляните на влюбленных: они купаются в эросе, но при этом могут лгать, обманывать, причинять друг другу и обществу жестокую боль. Но когда это было, чтобы влюбленные служили хорошим примером эроса или чувства!

Другим источником существующих относительно чувства клише является роль женщины в жизни общества. На женщин возложили бремя женской части мужской личности. Мужчины предполагают, что то, чего им недостает, имеется у женщин. В тех случаях, когда им не удается осознать собственную чувствующую функцию, они заимствуют у женщин суждения о чувстве и оценки и устанавливают паттерны взаимоотношений, которые не являются их собственными. Такой обман чувств возникает всякий раз, когда женщина берет мужа за руку и ведет его на концерт, в церковь или в магазин одежды. В таких ситуациях предполагается, что ее чувствующая функция должна воспитывать в муже культурные навыки и развивать его вкус. Мужские же паттерны взаимоотношений, возникающих, например,

между друзьями и врагами, в армии, в лаборатории, в сфере бизнеса, при отправлении законов, в парламенте, в клубах и союзах, считаются относящимися к истинным сферам проявления активности чувствующей функции мужчин, и в этих сферах нет необходимости отождествлять чувствующую функцию с женской стороной личности и полагаться на женщин. Когда Юнг в своем описании психологических типов заявляет, что чувствующих типов гораздо чаще можно встретить среди женщин, это его утверждение можно принять как результат наблюдений за нашим обществом, но не в качестве закона психологии. Фактически представление о том, что эрос и чувство имеют родственные связи с женщиной, является одним из коварнейших клише нашего времени, для развенчания которого юнгианская психология еще сделала недостаточно. В этой модели невозможно правильно понять чувствующую функцию мужчин, поэтому их дружеские чувства воспринимаются как проявление скрытого гомосексуализма или трансвестизма. В обществе, где мужчины при воспитании чувств вынуждены брать за образец женщин (для определения моральных и эстетических ценностей, организации взаимоотношений, выработки манер и вкусов, выбора способа выражения чувств), мужчина чувствующего типа вынужден облачаться не в свою одежду, и его не узнают даже люди, родственные ему по психологическому типу и носящие, как и он, маску «хорошего чувства», спроектированную женщинами. Часто случается, что мужчина обретает свою собственную чувствующую функцию, общаясь с другими мужчинами, например, на службе в армии, на работе, или нарушая супружескую верность, когда ход любовной интриги и ее ритм зависят от действий его чувствующей функции.

Другое распространенное мнение: чувство — это теплота, жизнерадостность, энтузиазм, и чувствующего типа можно узнать по его повышенной общительности. Однако человек интуитивного склада или еще не достигший зрелости, или истерическая личность могут вести себя точно так же — быть прелестными людьми, но при этом обладать искаженной, неправильно действующей чувствующей функцией. Полная раскованность приводит к ситуациям, в которых чувства изливаются безудержным потоком, но нельзя сказать, что она приводит к дифференциации чувствующей функции. Считается также, что неприветливые люди не могут относиться к чувствующему типу. Тем не менее, чувства могут выражаться и в холодной, точной, отстраненной манере, как это принято в дипломатический практике

и согласуется с определенными эстетическими канонами, требующими классической точности формулировок, которая может быть сравнима с изысканностью математических формул.

Иногда мы забываем, что применение закона судьей является проявлением чувствующей функции и что законы создавались не только для защиты собственности и закрепления власти за духовенством и правящим классом, но и для разрешения трудных Человеческих проблем и обеспечения справедливости в людских делах. Суждение является проявлением чувствующей функции. Недаром в храмах Сатурна всегда помещали весы, а в гороскопах говорится, что благоприятным для Сатурна является его положение под зодиакальным знаком Весов. Соломоново решение, скорее, не один блестящий удар, разрубающий гордиев узел противоречий, а вынесение суждения чувствующей функцией. Закон рассматривает «дела», разбирает «претензии» и «обязательства», и к нему можно апеллировать. Декларация о правах — это документ чувствующей функции, выражающий ее суть наилучшим способом. Мы ошибочно полагаем, что чувство всегда должно быть личным, а закон — всегда резок и сух, забывая о выраженной в нем системе ценностей чувства, о его идеалах, о его всеобщей применимости.

В своей книге «Воспитание на примерах искусства» (London, 1943) Герберт Рид связывает восемь психологических типов с различными художественными стилями. Он считает, что экстравертное чувство тяготеет к декоративному искусству, а интровертное чувство — к образному. Здесь мы снова сталкиваемся с зарождением нового клише: по сравнению с интровертным чувством, которому доступно творческое воображение, экстравертное чувство описательно, поверхностно, лишено глубокого содержания, его занимает только игра света и формы. При этом мы забываем о том, что архетипически управляемое воображение может создавать стереотипы, а в то же время декоративное искусство дает нам образцы великолепных произведений, от старинных орнаментов на деревянных и керамических изделиях до изощренной мусульманской резьбы по камню. Экстравертное чувство тоже может отличаться утонченностью и изысканностью, которые представляют не меньшую ценность из-за того, что в них отсутствует «глубина» и «сила».

А вот пример еще одного излюбленного мнения касательно чувствующих типов: их присутствие создает атмосферу доброжелательства. Однако чувствующие типы, отстаивая свою систему ценностей

и структуры, в которые эти ценности включены, могут быть часто совершенно нетерпимыми к отклонениям от этой системы или к новым ценностям. Чувствующие типы действуют не спеша, и их неторопливость, проистекающая из их настроенности на окружающую атмосферу, часто препятствует движению. Если эта внешняя атмосфера их не устраивает, они или начинают осторожно приспосабливать к ней мир своих чувств, или воздействуют на нее, ослабляя ее влияние. Если атмосфера им не нравится и они не могут ее изменить, они способны провести вечер в молчании, оказавшись не в состоянии принять участие в беседах и лишь иногда молчаливо выказывая свое суждение. Экстраверт может также попытаться повернуть ход событий в приемлемые каналы общения. Таким людям недостаточно важности самих идей, красоты ошеломляющих интуитивных прозрений или непосредственных ощущений. Все должно быть оценено и соотнесено с их системой ценностей.

Кроме того, у них возникают трудности в отношениях с иррациональным: ведь чувство — рациональная функция; возможно, оно не всегда логично, но всегда объяснимо! Людей иррационального склада уязвляет и раздражает полное отсутствие интереса и даже враждебное отношение чувствующих типов к «безумным» идеям, людям, событиям. Чувствующие типы умеют не только сглаживать и выпрямлять отношения, но и душить их. Они не любят конфликтов, предпочитая устанавливать равновесие крайностей, не принимая позицию ни одной из сторон, а обесценивая сами крайности, выставляя их в смешном и гротескном свете. Они говорят: «не перебарщивайте» или: «не так уж это важно», или: «подождем до завтра». Когда же атмосфера накаляется и выходит из-под контроля, они находят способ снова сделать ее приятной с помощью легкой шутки, сглаживающей острые углы, или посредством трезвой оценки происходящего. Например, они могут сказать: «Возможно, лучше пойти другим путем» или: «этот выход кажется безумным, но на самом деле он вполне приемлем». Такие умасливающие, дипломатические методы помогают цивилизовать отношения, но часто во имя спасения «хороших отношений» блокируются те или иные изменения. Даже при близких отношениях чувствующие типы находят в другом «уязвимое место» и могут в него уколоть. Они умеют мастерски воздействовать на слабые места, которые человек, не относящийся к чувствующему типу, не желает выставлять напоказ, а старается скрыть. Иногда, участвуя в дискуссиях, они «вставляют шпильки», не переходя на личности, а

представляя тему дискуссии в банальном свете или убивая ее архаическими и общепринятыми сомнениями, источником которых является их подчиненное мышление.

Чувствующие типы нуждаются в контакте с чувствами того человека, с которым они общаются. Одни могут часами вести беседу, не сознавая, что их собеседник остается совершенно равнодушным или даже настроев враждебно. Другие — иногда даже не знают тех, кому изливают душу и с кем делятся своими самыми драгоценными мыслями. Но чувствующие типы должны иметь контакт с собеседником, иначе они теряют «точку соприкосновения» и «отключаются», — в этом случае вечер или сеанс психоанализа для них потерян. Аналитик, не являющийся чувствующим типом, старается пробудить интерес к теме, увлекается «материалом», не замечая, что анализанда — чувствующего типа занимает лишь чувственная сторона их общения. Все чувства такого аналитика сосредоточены на работе, при этом анализанд, будучи оторванным от своих чувств, переживает определенную оторванность от самого себя. Потеряв контакт со своей ведущей функцией, он сначала ощущает себя отвергнутым, а затем приходит к ошибочным выводам в отношении себя и сложившейся ситуации, так как подпадает под влияние своих комплексов или же становится жертвой подчиненного мышления, заблуждений и отрицательных идей.

Склонность чувствующего типа к поддержанию контакта с чувствующей функцией другого человека не просто делает все «личным», в чем часто упрекают его представителей; для самой чувствующей функции по-настоящему важно находиться в струе отношений между субъектом и происходящими событиями. Таков способ ее действия, ее *raison d'être* (смысл существования). Чувствующий человек в дискуссии обычно не следует за потоком мыслей, но при этом он внимательно оценивает саму обсуждаемую идею. При просмотре кинофильма, для того чтобы «ухватить» смысл происходящего на экране, ему не нужно следить за интригой, он извлекает ее из игры актеров, из эстетики картины, ее этического содержания, того, как оно соотносится с содержанием его собственной жизни. Для того чтобы просмотр фильма не стал для него пустой тратой времени, фильм должен дать чувствующему зрителю материал для работы его собственной чувствующей функции; иначе он окажется лишенным своего способа пребывания в этом мире и будет чувствовать себя неуютно.

Людям других типов необходимость все оценивать может показаться невероятно скучной. Чувствующий же человек, кажется, не способен просто получать впечатления или наблюдать за происходящим; он обязан высказывать свое суждение и тем самым вовлекаться в оцениваемые им события. Чувствующему типу просто необходимо описывать своего соседа как «милую даму с пятого этажа» или как «противную маленькую ночную шпионку», или как «чудаковатую женщину-аналитика», и т.п. Его описания перегружены комментирующими прилагательными, дающими оценки: «нравится» или «не нравится», «хороший» или «плохой». Но та соседка с пятого этажа на самом деле вовсе не ужасна, не безобразна, не мила, не напыщенна — вернее, она обладает всеми этими качествами, равно как и многими другими. Высказав свое суждение, чувство как бы раскладывает вещи по местам, после чего к ним уже можно не возвращаться. Таким способом чувствующие типы останавливают дискуссию, так как, дав оценку, они прекращают психологическое наблюдение. Как только процесс оценки завершен, дело закрывается. Иногда, из-за стремления чувствующих типов оставаться на выбранной позиции, они кажутся ограниченными, хотя в действительности здесь сказывается отсутствие гибкости в оценках. Люди такого типа весьма доверяют своей чувствующей функции и ее оценкам и преданы установленным на основании этих оценок взаимоотношениям. Оценив объект и определив свое отношение к нему, чувствующий тип сразу же обрывает поток наблюдений и восприятий посредством иррациональных функций. Такие люди не меняют свои мнения; они всегда остаются преданными своим друзьям и смиряются с любыми их недостатками; ведь отношения к друзьям уже определены, и их достоинства не подлежат сомнению. Поэтому они действительно склонны к консерватизму, как это было подмечено в статье Манна, Зиглера и Осмонда, о которой упоминалось выше.

Еще одно клише касается искренности и прямоты чувствующих типов. Считается, что людям, лишенным развитого чувства, нельзя доверять: у них нет системы ценностей, они склонны к метаниям из стороны в сторону и даже к предательству. С другой стороны, распространено мнение, что чувствующие типы прекрасно умеют налаживать взаимоотношения и направлять чувства других по нужным каналам. Однако дифференцированное чувство чувствующих типов может отрешиться от всего этого и быть полной противоположностью честности и прямоте. Более того, чувствующие типы совсем не

обязательно требуют чего-то от других. Считая своей основной целью сохранение собственной ауры доброжелательности, они готовы поддержать или притормозить что угодно, без разбора. Они успокаивают волнения и внушают людям, испытывающим душевные терзания, что «на самом деле, все это не так уж важно», гасят панику, истерику и все, что вмешивается в созревающее либидо, пытающееся вырваться наружу в форме возбуждения.

Мы должны осознавать, что «быть человечным» — означает не только иметь человеческие чувства, но и следовать идеям гуманизма и духу человечности. Когда чувствующим типам угрожают идеи, смысл которых они не способны понять и которые, соответственно, не могут принять, они ведут себя, руководствуясь антидуховным началом, сообразуясь с *Ungeist* (бездуховностью) и подавляя человечность во имя своего чувства. Но ведь думать, размышлять, пользоваться интуицией, воспринимать — не менее важно, чем чувствовать; и то, что мы называем «человечным», созидается не только чувством.

Существует еще один взгляд на чувствующую функцию, достойный рассмотрения. Мы привыкли соотносить типы *или* с экстравертной, *или* с интровертной установками. В рамки такого противопоставления мы помещаем и чувствующую функцию. Но прежде чем рассмотреть эти две противоположности, предположим, что существует единая чувствующая функция, не разделяющаяся на две. Кроме того, предположим, что в реализации чувствующей функции всегда проявляются и интровертные, и экстравертные чувства. Другими словами, возможно, что чувствующая функция никогда не действует целиком в одном направлении, а характеризуется определенной амбивалентностью.

Находясь в компании друзей или готовясь к публичному выступлению, мы часто испытываем чувства одновременно на двух уровнях: например, взволнованность и сдержанность. Было бы несправедливым назвать одну из сторон этой амбивалентности «шизоидной» или вытеснить ее в тень, или в аниму(с). Предпочтительнее ли вообще быть всесердечным «*wholehearted*», нежели узко непривлекательным в своем рациональном устремлении «*singleminded*»? Оказавшись в обстановке, где разгораются страсти, обе стороны нашей чувствующей функции часто проявляются одновременно, выявляя ее архетипический уровень: печаль и веселье, желание и отвращение, любовь и ненависть часто сочетаются в самых близких взаимоотношениях и в одно и то же время. Почему же подобное не может происходить с ин-

троверсией и экстраверсией? Разве не может функция одновременно и интровертировать, и экстравертировать? Разве я не могу наблюдать и размышлять в одно и то же время?

У людей с дифференцированной чувствующей функцией обе ее составляющие части работают в полной гармонии. Я думаю, что «холодность», часто приписываемая чувствующим типам, является следствием гармонии между их отношением к объективно сложившейся ситуации и собственными внутренними субъективными оценками. Холодность — это просто умение управлять своими эмоциями, которые у многих из нас иначе вылились бы в ярость. Мы жертвуем адаптацией, чтобы остаться верными своим чувствам, или поступаемся своими ценностями, чтобы соответствовать общим стандартам. Но это не относится к людям с дифференцированной чувствующей функцией! Такой человек, обладая превосходной адаптацией, может даже совершить безнаказанное убийство и при этом не лгать самому себе: ведь интровертная часть его чувствующей функции поддерживает в нем полное согласие с его ценностями. Человек другого типа с односторонней функцией (экстравертной *или* интровертной), пережил бы моральный кризис и рассматривал совершенное преступление с экзистенциальных позиций чести, искренности, истины и т.д. Чувствующий же тип просто переваривает внутри себя внешние аспекты своих действий, оценивает в соответствии с существующими условиями их необходимость и уместность, руководствуясь своей главной целью — поддержанием налаженных связей.

Экстравертную чувствующую функцию не следует путать с персоной. Хотя у Юнга обе эти категории связаны с процессом адаптации, экстравертное чувство является функцией личности. Оно характеризует способ действий и может быть выражением индивидуального стиля. С помощью этой функции личность формирует ценности и адаптируется к ним различными способами, которые могут быть высоко дифференцированными, индивидуальными и оригинальными. С другой стороны, персона является одним из основных архетипов психического, соотносящимся со способом, посредством которого сознание отображает общество. Таким образом, строго говоря, у Юнга понятие персоны не соотносится с чем-то индивидуальным. Формирование персоны означает формирование отображения коллективного консенсуса. Заключенный или наркоман, или отшельник, или генерал могут обладать сформировавшейся персоной, если стиль и форма их поведения совпадают с соответствующими коллек-

тивными паттернами поведения. Эти паттерны — архетипические. Чувствующая функция может иметь мало общего, или вообще не иметь ничего общего с такой адаптацией, поскольку человек может быть прекрасно связан с коллективом посредством мышления, интуиции и ощущений. Короче говоря, в классической теории персона представляет собой коллективный способ исполнения определенной роли в этом мире; чувствующая же функция является индивидуальным инструментом самоутверждения.

Как правило, ориентация чувствующего типа определяется его чувствующей функцией, то есть, он управляет своей жизнью в соответствии с ценностями, определяемыми чувством, и процессами, с ним связанными. Если выйти за пределы столь простого утверждения, то можно снова попасть под влияние тех расхожих клише, согласно которым чувствующие типы: (а) обладают большим запасом чувств или (б) имеют чувства особого рода, или (в) им свойственны только хорошие или возвышенные чувства.

Узнать чувствующий тип можно с помощью традиционного простого правила — отталкиваясь от обратного. Вспомнив, что, согласно Мозесу Мендельсону, мы не способны одновременно и чувствовать, и размышлять, а согласно Юнгу, — чувство и мышление несовместимы, мы придем к заключению, что чувствующие типы — это люди, которым обычно трудно думать, которые не в ладах со своими мыслями. Если способность хорошо чувствовать подразумевает неразвитое мышление, то чувствующих типов следует искать среди людей, которых нервируют идеи.

Чувствующие типы стремятся к богатому фантазиями, эмоциональному мышлению, но оказываются не в состоянии продумать до конца даже чрезвычайно важную для них идею, более или менее тщательно ее проработать. Она всегда остается доктринерской, начетнической. Кажется, что не они овладевают идеями, а идеи овладевают ими. Такие люди часто читают либо слишком много и беспорядочно, или не читают вовсе. Принцип «все или ничего» обычно проявляется и в других жизненных ситуациях, связанных с мышлением: например, обдуманное планирование становится или излишне детализированным, или легкомысленно магическим. Чувствующие типы с восторгом посвящают себя служению идее, но принимаемая ими идейная программа часто оказывается странной, архаичной, обреченной на неудачу. Иногда мысли, занимающие их в шестидесятилетнем возрасте, кажутся им такими же великолепными, какими вос-

принимались, когда они впервые пришли им в голову во время учебы в колледже. Поэтому они оказываются в плену своих старых ограниченных взглядов и способны мыслить только очень жестко, вместо того, чтобы делать это или серьезно, или весело. Даже те мысли, которые им приходят в голову относительно самих себя, могут страдать теми же недостатками, поэтому то, что они думают о себе, совершенно не совпадает с тем, кем они являются на самом деле. Подчиненная мыслительная функция «увековечивает» условия, которые давно уже не существуют, и усиливает неврозы, заталкивая личность в жесткие рамки, которые она давно уже переросла. Их могут захватить мучительные размышления о логических и метафизических проблемах, таких как природа истины или конец света. Чердак памяти чувствующих типов, загроможденный старинной мебелью, может тем не менее превратиться в склад материалов для творческой работы, в котором хранятся неведомые и оригинальные глубинные компоненты психического.

Глава 4. Подчиненная чувствующая функция и отрицательные чувства

Подчиненную мыслительную функцию чувствующего типа легко охарактеризовать и даже представить в карикатурном виде. Описание же подчиненной чувствующей функции заставляет нас погрузиться гораздо глубже, поскольку она представляет собой культурную категорию с историческим и коллективным аспектами. Подчиненное чувство охватывает и проблемы современной жизни, а потому эта глава и все последующие будут посвящены попыткам заключить с этой функцией договор на приемлемых для нас условиях.

Необходимо предварить дальнейшие рассуждения несколькими замечаниями. Во-первых, испытывать чувства и пользоваться чувствующей функцией — не одно и то же; поэтому переживать подчиненные чувства и использовать чувствующую функцию как подчиненную — также нельзя считать явлением тождественным. Это различие приводит нас ко второму замечанию: следует различать *содержание* положительных и отрицательных чувств и способы *использования* чувствующей функции в качестве ведущей и подчиненной. Например, я могу испытывать к вам положительные чувства любви и уважения и при этом иметь настолько подчиненную чувствующую функцию, что способен выразить свои чувства, лишь пробормотав какую-нибудь глупость и смутив нас обоих. С другой стороны, я могу чувствовать себя обиженным и возмущенным, но при этом быть способным выразить эти чувства настолько адекватно, что они будут правильно восприняты и помогут продолжить взаимоотношения. Чувствам как составляющим психический мир человека может быть приписан знак плюс или минус. Они могут быть отрицательными в различных значениях этого слова, например, неприятными детскими воспоминаниями; чувствами, осуждаемыми обществом, безнравственными или деструктивными. Но все эти чувства не являются самой чувствующей функцией, которую можно считать подчиненной, только если она действует искаженным, не соответствующим своему назначению, неадекватным способом. С другой стороны, признаком

ведущей чувствующей функции является адекватное управление ею отрицательными и подчиненными чувствами. Чтобы все время помнить об этих различиях, разделим чувства на положительные и отрицательные (хотя одному и тому же чувству в разных культурах может быть приписан разный знак), а чувствующую функцию будем называть ведущей или подчиненной.

Различие между подчиненным и отрицательным четко проявляется в наших отношениях с детьми. Искаженное, неадекватное проявление подчиненной чувствующей функции родителей в их отношениях с детьми — привкус сексуальности, сладкое лицемерие, равнодушная похвала, вопиющая непредсказуемость, жестокие замечания — наносит детям гораздо больший вред, чем прямо выраженные отрицательные чувства: гнев, недовольство, паника и т.п.

Для того чтобы сделать эти различия еще более ясными, снова попытаемся отделить чувство от чувствующей функции. Чувства могут быть приятными и неприятными, конструктивными и деструктивными, открыто выражаемыми и сдерживаемыми. Все эти чувства, эмоции и настроения составляют гамму человеческих переживаний. Они могут быть жестокими, порочными и социально неприемлемыми, но существуют в человеческой психике как часть нашей природы. Они составляют потенциал личности; история человечества дает примеры невероятно широкого спектра разнообразных чувств. Они оправданы самим своим существованием, как часть флоры и фауны психического мира. Наши трудности возникают в связи с теми чувствами в этих джунглях, которым мы приписываем знак минус. Это те чувства, от которых нам бы хотелось «избавиться» или «поместить их куда-нибудь подальше» и которые обычно нежданно появляются в те моменты, когда наше эго утрачивает способность к их подавлению.

Депрессия — один из примеров отрицательного чувства; это значит, что оно расценивается чувствующей функцией как отрицательное или из-за того, что нам не нравится само это состояние, или потому, что мы не чувствуем его ценности, или из-за того, что оно не одобряется системой ценностей нашей культуры. Но действительно ли депрессия «отрицательна»? Опыт психотерапии всем нам уверенно доказал важность тревожных сигналов, поступающих через депрессивные состояния, которые таким образом должны быть подвергнуты переоценке. Когда мы говорим о развитии чувства, мы имеем в виду два обстоятельства.

Первое: если сознание признает какие-либо чувства, пусть даже со знаком минус, значит, эти чувства больше не подавляются. Признание чувств сознанием делает их осознанными и контролируемыми. Они теперь известны и даже приняты как часть содержания сознания. Затем они начинают видоизменять само сознание. Таким способом с помощью чувствующей функции происходит интеграция сознательной части личности с отрицательными чувствами. Эго ставит личную печать на эти чувства, а они, в свою очередь, изменяют привычное состояние эго.

Второе: развитие чувства означает эволюцию функции — ее продвижение от узкого субъективного источника в направлении более свободной адаптации. Именно чрезмерная субъективность вызывает интенсивность чувств и неадекватность их выражения. Даже такие положительные чувства, как любовь и радость, могут управляться на подчиненном уровне, выражаясь неадекватно и в неподходящий момент. Следовательно, подчиненная чувствующая функция помогает сохранять вклады «отрицательных» чувств и даже создавать их вместе с ошибочными оценками. Будем иметь в виду, что любое чувство может стать отрицательным, если с ним неправильно обращаются. Даже такие наиболее возвышенные и одобряемые чувства, как альтруистическая любовь и религиозное поклонение, могут оказаться перегруженными маниакальной интенсивностью и чрезмерной субъективностью. Точно так же любые чувства, включая самые специфические и отвратительные, как, например, предательство и садизм, в руках ведущей чувствующей функции могут стать источником внутреннего озарения и поведения, отвечающего обстоятельствам.

Когда чувствующая функция неадекватно обращается с содержанием наших чувств, последние получают искаженную оценку, которую мы и предлагаем миру. Мы выносим оценки и суждения, которые сами еще не усвоили. Не чувства, а подчиненность нашей чувствующей функции обесценивает наши радости и заставляет нас наносить раны тем, кого мы любим. Помня о различии между «отрицательным» и «подчиненным», мы обнаруживаем, что: (а) каждое чувство имеет право на существование и занимает свое подходящее место, и (б) можно довериться чувствующей функции при поиске этого подходящего места и адекватной формы существования чувства.

Например, человека снова и снова посещают ностальгические страстные желания, когда в полусонном, опьяненном или одурманенном состоянии его эго ослабляет свой контроль. Как только мы при-

знаем эти желания, то обнаружим, что они вызваны не только теми ощущениями, которые мы когда-то испытали и хотим испытать снова. Их появление оказывается свидетельством того, что нам чего-то недостает. Этот недостаток полноты выражен неадекватно — не самими страстными желаниями, без появления которых мы и не почувствовали свою недостаточность, а теми сохранившимися в памяти образами, к которым мы оказались привязанными из-за подавления этих страстных желаний.

Когда у меня появляется то или иное страстное желание, я пытаюсь понять, чего же на самом деле мне хочется, и тогда может начаться осмысление этого чувства, которое, возможно, даже приведет к исполнению переживаемого желания. Или, например, сентиментальное чувство, которое я испытываю, слушая песенку с примитивной мелодией и расхожими словами, нельзя расценивать только как вульгарное. Когда я пробую разобраться, что и как я действительно чувствую, сентиментальность заполняет весь мир мелодией множества скрипок, или звуки мальчишеских голосов и их гитар начинают определять мой вкус гораздо сильней, чем льющийся через меня поток печальных песен мира. Подобными размышлениями мы поддерживаем чувствующую функцию в ее доверии к определенным ею оценкам и суждениям. Затем этот процесс может пойти дальше, отталкиваясь от примитивнейших наших увлечений и навязчивых настроений. Мышление идет тем же путем: ребенок, освоив арифметическое сложение, не посвящает ему всю жизнь, а очень скоро переходит к выполнению более сложных операций. Если дать отрицательным чувствам шанс проявить себя, они или превращаются в ненависть и отвращение к вещам, действительно этого заслуживающим, или увядают и исчезают.

Особенно важными для развития чувств оказываются именно эти отрицательные чувства, имеющие знак минус: зависть, ненависть, заносчивость, недовольство и т.п. Чтобы обуздать их, требуется особое мужество, честность и терпение. Трезвое признание отрицательных чувств сознанием и адекватное отношение к ситуациям, их вызывающим, — несомненные признаки проявления ведущей чувствующей функции. По этой причине так важны враги, по этой причине отрицательные аспекты взаимоотношений составляют столь существенную часть нашей жизни. Чем глубже отношения между людьми, тем больше возможность появления отрицательных чувств, а обычным местом, в которое они чаще всего сбрасываются, является семья, су-

ществование которой эти чувства отравляют. Однако отрицательные чувства человека с подчиненной чувствующей функцией обычно находятся в столь подавленном состоянии и так напряжены, что их следует считать уже не чувствами, а аффектами. Думаю, теперь уже достаточно ясно, что воспитание отрицательных чувств состоит не в переводе их в положительные, не в превращении антипатий в симпатии, а врагов — в друзей.

Первым признаком существования подчиненной чувствующей функции является утрата контакта с тем, что человек чувствует. Обычно материалом для формирования и наполнения чувствующей функции являются сами чувства, хотя это не означает, что чувствующая функция не оценивает также мысли и ощущения. Но когда чувствующая функция оказывается подчиненной и уходит в подполье, вместе с ней уходит и ориентирующее осознание того, как человек себя чувствует, чего желает, кого любит и т.п. Чувства замещаются общим равнодушием по отношению к себе и другим, за которым следуют беспорядочные реакции комплексов: все виды искаженных чувств, слезливость в неподходящее время, извращенные шутки, необъяснимые влечения и непонятный энтузиазм, неуместные оценки и суждения, не поддающиеся объяснению смены настроения от экстаза до полной депрессии.

Попытка подпитывать сознание с помощью чувствующей функции, не являющейся ведущей, часто требует слишком больших усилий. Кажется, что такая функция появляется и снова исчезает, она не может стать полезным инструментом для удовлетворения потребностей и осуществления намерений. Подчиненная функция требует непропорционально больших затрат энергии: например, трудно себе представить, сколько времени может потратить интровертный ощущающий тип на фантазии о будущем, пронизанные параноидальными интуитивными предчувствиями. Можно также видеть, сколько энергии поглощают взаимоотношения партнеров, если оба настаивают на общении на уровне личных чувств, и в то же время один из них или оба имеют подчиненную чувствующую функцию. Очень часто такой тип взаимоотношений проявляется в браке: бесконечные дискуссии, постоянное ублажение чувств и т.п., и все это из-за того, что чувствующая функция не функционирует самостоятельно. Затем, вместо чувства как функции появляются собственно чувства: обиды, недовольство, желания, жалобы.

Человек может заметить, что чувствующая функция ускользает из его сознания. Внезапно наступает момент, когда он уже ничего не чувствует, или его захлестывают волны отрицательных чувств, с которыми он не в состоянии справиться, в результате чего возникают беспокойство и чувство вины. Во время разговора он внезапно слышит свой голос, нашептывающий на ухо: «Собеседник скучает, разговор потерял интерес, произносимые слова уже не важны». Альфред Норт Уайтхед (автор книги «Методы мышления») в своей философии придает большое значение слову «важность», которое характеризует один из аспектов чувства. Чувствующая функция может сделать важными вещи, которые на самом деле не являются столь значительными, а подчиненная чувствующая функция может лишить серьезные вещи важности или раздуть важность незначительных вещей до огромных размеров. Такой способностью отличаются демагоги: они умеют с помощью чувствующей функции придавать важность самым незначительным вопросам.

Подчиненная чувствующая функция дает явлениям ошибочные оценки; самый большой вред она наносит в своем интровертном исполнении (варианте), когда порождает ошибочные чувства по отношению к самой себе. В результате суждение человека о себе искажается и становится неадекватным. Человек подчиняется собственной подчиненной чувствующей функции. Для восстановления утраченных связей с самим собой часто требуется возобновление контактов со своими комплексами посредством сновидений или с ближайшим кругом друзей, родных, коллег, где обычно чувства выражаются менее формально. Но когда чувствующая функция является подчиненной, человек чувствует себя выключенным. Сновидения воспринимаются враждебно; круг ближайших друзей рассматривается только как источник требований. Потерянная чувствующая функция вырабатывает проекцию: «всякий ждет от меня сочувствия».

Оценить самого себя — занятие не из легких. Пациенты ожидают от аналитиков согласия со своей оценкой; аналитики ждут от пациентов подтверждения своих выводов. Мы утрачиваем трезвую самооценку в метании между депрессивным сознанием своей полной несостоятельности и обманчивым представлением о собственном величии. С одной стороны, мы оцениваем себя слишком высоко, а с другой — продаемся за бесценок; уверенность в себе дает трещину. Когда мы терпим поражение, подчиненная чувствующая функция оказывается неспособной определить, в чем конкретно мы оказались слабы-

ми, но обобщая поражение, делает разрушительный вывод о нашей полной несостоятельности. Мы не спускаемся на одну ступеньку, а сразу скатываемся по лестнице вниз. Один неверный шаг, одна неудача, одна проигранная схватка — вот, собственно говоря, все, что случилось с нами. Это не экзистенциальная катастрофа, означающая, что вы все потеряли, или что вы уже ни на что не способны. Требуется всего лишь постигнуть премудрости алгебры или принести извинения за нанесенное оскорбление, а не убегать из дома и бродить всю ночь напролет по улицам, мрачно размышляя о своем характере и своей судьбе. Чувство может действовать как защитник или фильтр, предотвращая разрушение личности этими архетипическими уровнями отчаяния. Чувствующую функцию традиционно определяют как «очеловечивающую», подразумевая, что благодаря чувству человек становится «человечным». Конечно, такое утверждение ошибочно и отдает сентиментальностью, но оно по-своему признает, что чувство способно отличить подлинную личную ошибку и вину от архетипического уровня отчаяния с присущим ему глубоким чувством греха, ничтожества и пустоты.

Таким образом, мы подошли к вопросу о чувстве вины. Когда чувства переполняют человека настолько, что чувствующая функция уже не в состоянии справиться с ними, появляется чувство внутренней вины по отношению к своим чувствам. Нам кажется, что за нами числятся какие-то обязательства, но их невозможно опознать, отсортировать, заявить о них вслух. И здесь в дело вмешивается наше культурное воспитание; ведь предполагается, что нам не следует признаваться в своих отрицательных чувствах (какими завистливыми и амбициозными мы себя чувствуем, какими грубыми мы можем иногда быть, какое испытываем чувство падения и отчаяния). В групповых занятиях, когда от участников требуется демонстрация своих отрицательных чувств, констелляция чувства вины происходит по другой причине. От чувства вины нельзя избавиться даже в выходные. Но при общении и выражении чувств обнажается только их часть. Остаются тайны, которые необходимо держать в секрете ради сохранения своей индивидуальности, они священны. Более того, пытаясь избавиться от чувства вины, мы пренебрегаем реальностью его существования, тем, что оно является экзистенциальной и фундаментальной компонентой природы человека Западной культуры. Вина, от которой мы избавились, вновь возвращается, но уже в виде вины по отношению к вине. Фрейд понял реальность вины и определил

вину как супер-эго. Любопытным, однако, является то, что вина поддерживает эго; она заставляет почувствовать, что произошедшее событие— «мое», моя ошибка должна быть исправлена «мной». Чувство вины не позволяет считать дурные поступки несчастными случаями или следствиями неудачного стечения обстоятельств; они становятся проблемами, которые должно разрешить наше эго. Таким способом вина укрепляет влияние эго, позволяя эго распространить свое влияние даже на поступки, за которые «ответственно» само чувство. Но на самом деле отвечают за все боги, а мы в ответе только перед ними и не несем ответственности за сами совершенные проступки. В действительности проступок, из-за которого мы «чувствуем себя виновными», может быть следствием действия подавленной чувствующей функции, так что чувство вины служит сигналом ее неадекватности и несоответствия. Чувствовать себя виноватым следует не только за совершенный поступок, но частично и за то, что не была задействована чувствующая функция. В конечном счете, мы виноваты только перед богами, и в архетипической перспективе можно обнаружить истинное назначение чувства вины: напоминать нам посредством чувствующей функции о нашем пренебрежении ответственностью перед богами.

Чувство вины, возникающее у человека в семье по отношению к детям, из-за того, что он нехорошо поступает с ними и недостаточно их любит, или по отношению к родителям, по той же причине, является проявлением его чувствующей функции. Это чувство вины заявляет, что существуют законы чувства, которые следует соблюдать: что отношения в семье не являются чисто личными; что существуют архетипические принципы, которым чувства должны быть подчинены. Сама чувствующая функция имеет определенные обязательства. Считается, что мы можем чувствовать себя виноватыми из-за комплексов, породивших наши проступки, но существует также чувство вины (быть может, не той же самой) *перед* комплексами. Несем ответственность мы, в первую очередь, перед ними. Чувство вины можно обратить на самого себя, разобравшись в том, чего требует ваш комплекс и в чем конкретно вы этим требованиям не отвечаете. Вследствие того, что чувство вины делает все сугубо личным, мы теряем ощущение обезличенной вины. Я имею обязательства не только по отношению к своим личным чувствам, существует еще и обезличенная вина вообще перед чувством и его ценностями. Чем меньше человек это понимает, тем больше обезличенная вина давит на него в

его личных делах: так, накопившаяся вина перед собственным телом, дионисийским или женским началом в себе, перед темными и ассоциирующимися с ними депрессивными чувствами становится личной виной по отношению к угнетенным народам и слабым людям, и это чувство проявляется в личных отношениях с людьми, лишенными прав, черными или физически неполноценными. Настоящим же виновником здесь является сама чувствующая функция, не исполняющая своих обязанностей, так как за бездействие несет ответственность тот, кто может действовать. Груз чувства вины, который мы привносим в нашу культуру, — это не просто супер-эго протестантской этики; существует глубокая вина перед чувствующей функцией, вина чувствующей функции, вина внутри самой чувствующей функции.

Еще одна характерная черта подчиненного чувства — его парапсихологическая внешность. Когда чувство содержит в себе примесь интуитивного озарения и совершенно отделено от сознания, что часто наблюдается у медиумов и других личностей, наделенных пара-психологическим даром, контакт между людьми может поддерживаться не на основе сознательных отношений и взаимного интереса, а через бессознательное, что проявляется в сверхъестественных совпадениях, или через сновидения и молитвы. Эти явления вызывают сильные эмоции и порождают веру в мистическое. Некоторые верят в судьбоносные встречи, во взаимоотношения, преодолевающие пространство и время, в то, что два сердца могут биться в унисон. Несмотря на оккультное великолепие таких представлений, простое человеческое общение при этом ослабевает и замещается верой в чудеса и колдовством. Иногда простой телефонный звонок оказывает более человечную и эффективную помощь, чем истовая молитва о заступничестве. Слово «телепатия» буквально означает передачу чувства (*pathos*) на большое расстояние (*tele*). Экстрасенсорное восприятие (ЭСВ) можно рассматривать как активность чувствующей функции, лишившейся каналов прямой связи. Когда психологическая дистанция между людьми слишком велика, когда они по-человечески далеки друг от друга, в качестве замены этих искаженных связей выступает подчиненная чувствующая функция, действующая автономно посредством ЭСВ. Синхронизм, встречи в сновидениях, странные совпадения могут становиться уловками, защищающими людей от горького осознания своего несовершенства.

Когда интуиция является подчиненной функцией, затуманенной чувством, впечатления о людях становятся преувеличенно личными и оценивающими. Одна интуиция, как и ощущение, только сообщает об отдельных наблюдениях, наслаждаясь даром восприятия, следя за событиями, проигрывая возможности и жонглируя понятиями. Но чувство не оставляет восприятие в покое — то, что для функций восприятия является просто фактами и наблюдениями, не обремененными оценками и суждениями и даже не связанными в единую цепь, подчиненное чувство должно организовать в серию пороков и добродетелей. Смесь чувства с интуицией никогда не удовлетворится простым зрелищем событий; чувство должно все связать. Когда эти функции подавлены, человек видит события и факты в свете неверно определенных ценностей и относится к ним с позиций неадекватного восприятия. Таким способом формируется значительная часть личностей, которых называют параноиками. Мы приписываем другим людям недостойные мотивы, оцениваем их как плохих, исходя из своих чувств, основанных только на подозрениях и предчувствиях. Такие неверные восприятия и оценки представляют собой не только проекции, которые следовало бы «обратить на себя», но и проявления чувствующей функции, пытающейся понять и оценить мир, несмотря на свою частичную слепоту и хромоту.

Подчиненная чувствующая функция испытывает затруднения, защищая свои чувства. У нее возникают затруднения при поддержке собственных принципов и оценок, в особенности, если эта поддержка связана с неприятными действиями или причинением кому-то вреда. Человек может успешно руководить предприятием и при этом быть не способным уволить плохо работающего или нелояльного секретаря; в семье обязанность наказывать ребенка обычно принимает на себя родитель, который обычно имеет лучшую чувствующую функцию; аналитик с подавленной чувствующей функцией не сможет справиться с агрессией пациента или со своей собственной.

Когда дело доходит до защиты самого главного, подавленная чувствующая функция, конечно, может с этим справиться. Женщине на помощь приходит ее анимус. Она порывает с любовником, нанося разрез с хирургической точностью или действуя, подобно архитектору, по разработанному плану. Ее оценки словно выкованы из железа, и она найдет адвоката, который сможет их подтвердить! Если муж или любовник захотят снова увидеться с ней, она не смягчится и заявит, что не видит смысла в этой встрече. У мужчины в этой ситуа-

ции проявляется его анима. У женщины причиной для встречи могло бы оказаться само чувство, но подчиненная чувствующая функция не оценивает саму себя; вся ее энергия целиком уходит на оценку других, формализацию чувств и аффектов и реакции типа «все, или ничего» — «или люблю, или полностью порываю».

Если в подчиненной чувствующей функции присутствуют элементы ощущений, то сенсорное содержание чувства, ее телесная компонента, смешивается с процессом оценки. Тогда мы просто не сможем отличить чувство печали или упадочное настроение от состояния больного человека, или будем говорить о счастливом браке в терминах сексуальных сношений, хотя в браке и любви чувственность часто играет незначительную роль, а испытываемые ощущения не обязательно несут в себе чувства. Чувство может проявиться в весьма абстрактных формах, а любовь продолжаться и в разлуке.

Подводя итоги, можно сказать, что подчиненная чувствующая функция может оказаться зараженной подавленными эмоциями, которые стремятся проявить себя, как сказал бы философ-схоласт, *ira* и *cupiditas* (в гневе и любви). Подчиненное чувство нагружено злобой и яростью, амбициями и агрессией, равно как жадностью и желанием. В таком случае оказывается, что мы настоятельно требуем любви, жаждем признания и внезапно обнаруживаем, что связь наших чувств с реальной жизнью представляет собой одно огромное ожидание, состоящее из тысяч крошечных злых негодований. Такое ожидание было названо всемогущей фантазией, выражением крайности чувств оставленного ребенка, о забытых чувствах которого никто не хочет позаботиться, — но достаточно ли полно такое определение? Всемогущество есть нечто большее, чем то или иное содержание, — скорее, оно выражает, как происходит с этим ребенком, обедненное функционирование, требующее большего господства и реализации. Без такого развития чувствующая функция начинает воздействовать на саму себя, и делает это весьма болезненно: мы начинаем завидовать, ревновать, впадать в депрессию, нагнетать потребности и жаждать их немедленного удовлетворения, а затем неожиданно предлагаем кому-нибудь помощь или требуем ее для себя. Котенок, которым пренебрегли, превращается в бессознательного тигра.

Дифференцированное чувство — это котенок, неторопливо крадущийся к цели. Возможно, чувствующую функцию можно определить как искусство малых форм: лишь намеки на различия, мягкие подчеркивания, мелкие мазки. Она способна терпеливо наблюдать за

развертыванием отношений, ухаживать за ними и одновременно набирать силы. Она научит отделять потребности от запросов, отделять то, что нравится, от того, чего хочется, научит разглядывать товар, не покупая его. Или наоборот: можно будет почувствовать наконец то, что нужно, и купить, не блуждая по магазинам. Станет возможным не связывать свои оценки и действия с эротикой, от которой так фальшиво и мучительно зависит чувство, с эротикой с ее постоянным напевом: «пусть это станет моим, пусть это станет моим».

Глава 5. Чувство и материнский комплекс

Трудности, с которыми мы столкнулись при определении чувствующих типов, частично вызваны тем, что все, что считается чувством, не является выражением чувствующей функции. Заменители чувств и искаженные чувства в целом появились на свет из «женственного» психического начала. Распространено мнение, что женственность и чувство тесно связаны между собой. Иногда мы говорим, что чувство — «женственно», и обладать «женственностью» значит чувствовать. Даже не подписываясь под этим утверждением, надо признать, что в нашей цивилизации, с какой бы стороны к ней ни подойти, дело формирования чувства всегда отдают в руки женщин, а потому чувства предопределяются женщинами. Сначала матери, за ними сестры и тетушки, бабушки и воспитательницы, а затем и объекты детской романтической любви — все они оказывают заметное влияние на развитие чувствующей функции и у мужчин, и у женщин. Нормы поведения в обществе и нормы морали, от правил этикета до определения греха, — все эти «что» и «как» следует чувствовать — мы получаем из женских рук. Нас учат чувству все женщины — от учительниц танцев и художниц-декораторов до официанток и продавщиц. Чувствующую функцию стала олицетворять для нас «Мать» Уистлера* — маленькая старая дама, мягкая наставница, и мы приняли ее добрые советы, созвучные с зовом природы, столь близко к сердцу, что Маленькая Старая Дама временами стала заменять нам Мудрого Старца. Мудрость восприятия сменили удобные клише о «жизни» и о том, «как это бывает». Строгий психотерапевт, облаченный в твидовый пиджак, с бородкой и вечной трубкой в зубах, в такой ситуации мог предложить пациенту не больше, чем это могла сделать пословица из рождественского календаря. Ведь его теплота и добрая седая «мудрость» являются коллективными разыгрываниями «добрых чувств», которые материнский комплекс вправе ожидать от каждого примерного Папаши. Поэтому неудивительно,

* Джеймс Уистлер (1834—1903), американский живописец и график. Портрет Матери — одна из наиболее известных работ мастера (1871 г.). Находится в Музее Импрессионизма в Париже. — *Прим. рус. ред.*

что материнский комплекс и агама-комплекс на протяжении всей жизни несут ответственность за многие расстройства чувствующей функции.

Материнский комплекс — основа всех наших наиболее устоявшихся и неподатливых чувств. В этом смысле мать — наша судьба, как сказал Юнг. Этот комплекс с раннего детства является для реакций и оценок человека постоянной западней, на глухие стены которой мы наталкиваемся, куда бы ни направились. Мать предстает перед человеком, как и его судьба, снова и снова. Не только содержание чувств, но и сама чувствующая функция заимствует паттерны из реакций и оценок, возникших из отношений матери и ребенка. То, как мы чувствуем свое тело, какими мы видим себя, степень доверия к себе, субъективный настрой, с которым мы воспринимаем мир или выходим в него; страхи и чувство вины; то, как мы влюбляемся и как ведем себя в интимных и близких отношениях; наша психологическая температура, определяющая холодность или теплоту чувств; то, как мы чувствуем себя во время болезни; наши манеры, вкусы, правила поведения за столом; стиль жизни; привычные структуры взаимоотношений; жестикуляция и интонации речи — буквально все несет материнскую печать. Для женщины материнский комплекс играет особенно важную роль в формировании ее самоутверждения и сексуальных чувств. Чтобы материнский комплекс оказал свое влияние на чувствующую функцию, нет необходимости в копировании родной матери или, наоборот, отталкивания от нее. Материнский комплекс — это не моя мать, это мой комплекс. Иначе говоря, способ, с помощью которого мое психическое принимает мою мать. За ней стоит *Magna Mater* (Великая Мать).

Наша цивилизация не обеспечила *Magna Mater* соответствующими средствами передвижения. Положительная, питающая мать не приходит к нам на помощь; мы не можем получить от нее поддержку в супермаркете, на кухне с современным оборудованием, при чтении порнографической книжки. Города опустошают нас и высасывают из нас жизнь; что поддерживает наши чувства в день, когда мы делаем покупки? Что мог бы предложить нам этот архетип в качестве убежища? Нашей повседневной суетной жизни не хватает доверия и глубины перспективы. Где может женщина найти для своей чувствующей функции подходящую модель? В результате мать передает свои опасения и неуверенность своим дочерям, ведь архетипическому таинству связки «мать — дочь», правильному выражению благоговей-

ного страха и амбивалентности вообще не нашлось подходящего места. Когда отсутствуют Деметра и Персефона, появляется одинокая Геката, и приходит страх перед проявлениями отрицательных чувств: страх от осознания ее ненависти к своим детям, смертельная сторона ее любви, колдовство ее ума. Как может она доверять своим чувствам, когда они переполнены «отрицательными» свойствами? Куда деть свою разрушительную силу? Не имея архетипической перспективы, мы односторонне приписали природе одни положительные качества, и все, что им не соответствует, называем «неестественным» и отрицательным.

Для тщательного исследования процесса развития чувства под влиянием материнского комплекса придется углубиться в мифологию, хотя не в этом состоит цель этих лекций, тема которых ограничена анализом чувствующей функции в психологии сознания на уровне, определенном Юнгом в его «Психологических типах». Но Великая Мать (*Magna Mater*) тем не менее присутствует в интенсивных реакциях многих женщин, особенно касающихся чувств, связанных с материнством. «Я тебе не мамочка», — радостно заявляют они своему мужчине, пребывающему в расстроенных чувствах. Они отталкивают от себя своих детей, ненавидят их, отказываются рожать, ища защиты в лесбиянстве или разных маниях, — идут на все, лишь бы не стать «матерью» и не испытать материнских чувств.

Когда интенсивность чувства, связанного с материнским комплексом, вернее, привязанного к нему, достигает масштаба аффекта, мы обнаруживаем глубочайший источник этого чувства. В такой ситуации чувствующая функция не может свободно оперировать в качестве инструмента сознания, но привносит в чувство неистовую ярость и разного рода страстные преувеличения. Ошеломляющие аффекты, способные утопить в пучине страстей утлое суденышко чувствующей функции, могут вызвать такие страдания, такую безнадежную беспомощность, что мы предпочитаем вообще ничего не чувствовать, чем рисковать при каждой попытке воспользоваться чувствующей функцией быть захлестнутым приносимой ею приливной волной. Чтобы чувство не было унесено нашей реакцией, мы предпочитаем вообще не реагировать. Так действует материнский комплекс, удерживая чувствующую функцию под властью аффектов и отказывая нам в возможности пользоваться ею.

У мужчин с сильным материнским комплексом подобная ситуация порождает специфические проявления страха быть искалечен-

ным. Им снятся раненые животные, текущая кровь, хирургические операции на сердце и т.д. Нам хорошо знакомо отсутствие реакции, неспособность приступить к делу, отправиться в путь, смутное безразличие и отстраненность, которые овладевают человеком, интуитивно предчувствующим грядущую бурю. В такие моменты чувствующая функция часто подменяется маской (персоной) вежливости и манерной предупредительности, которые могут достичь сверхпреувеличенной притворной чувствительности и эстетства. При общении с таким человеком создается впечатление, что его «здесь нет». На самом же деле «здесь нет» его чувств. Он не в состоянии вывести их на сцену действий. Он сам и его взаимоотношения с людьми всегда оказываются жертвами его капризов. Все его поведение отличается непредсказуемостью, не имеющей ничего общего с творческой спонтанностью, за которую ее иногда принимают. На вопрос, естественно возникающий у собеседника в такие моменты: «как вы себя чувствуете?», человек с материнским комплексом, если он вообще способен дать ответ, изливает беспорядочный поток слов, насыщенных жалостью к себе, печальными страстными устремлениями, сексуальными желаниями, непомерными амбициями, горькими разочарованиями, китчем — и, наконец, апатией, поглощающей все эмоции в этом потоке.

Поскольку выражая свои чувства, человек признает их, запрет на выражение чувств особенно тяжело ранит его чувствующую функцию. Взрыв аффекта не сопровождается таким признанием; мы можем взорваться и забыть об этом: мы не отвечаем за свои аффекты. Но чувствующая функция делает нас вовлеченными и любопытным образом причастными к чувствам, которые она выражает, — феномен, много говорящий о способе, посредством которого чувствующая функция развивается, главным образом, через выражение чувств. Материнский комплекс запрещает выражать чувства, как если бы «мать» намеревалась запретить использование любых чувств, кроме выражающих ее потребность в аффектах (или безразличии). Чувство должно иметь свой источник и цель только в «матери». (Мы можем выяснить, обслуживает ли наша чувствующая функция материнский комплекс, если сравним, насколько форма наших чувственных оценок и реакций похожа или не похожа на форму оценок и реакций нашей родной матери или женщины, заменяющей ее в группе близких людей — в классе, клубе, церкви и т.д.) Мы вряд ли сможем удержать в своих руках нашу чувствующую функцию как инструмент сознания, если не удастся вырвать ее из рук «матери» как архетипической

доминанты бессознательного, управляющей нашим прошлым, нашей плотью и нашими самыми интимными переживаниями. Рукопашная борьба против меча логоса и отважные захваты менее успешны, чем инцестуозное возвращение.

Когда терапия говорит об «инцестуозном возврате к матери», то имеется в виду погружение в эмоциональные глубины, в которых лежит привязанная чувствующая функция. В этом союзе с нашей эмоциональностью мы занимаем более интимное и слабое положение, но часто именно здесь пускает корни наша чувствующая функция. Только инцестуозный возврат может освободить чувствующую функцию и позволить ей работать на меня; мои чувства здесь кажутся моей личной собственностью, моим сокровищем, которое, как говорится в мифах, сторожит с хладнокровностью рептилии и звериной страстью мать-дракон или сама ведьма, способная обратить всех нас в карликовые пеньки, в маленьких щебечущих птичек или просто в безмолвные камни. Инцест на этой стадии развития чувства позволяет человеку соединяться с самыми темными, самые кровавыми страстями, удовлетворять и лелеять свои желания, отдаваться приступам ярости и гнева. С точки зрения индуизма это — тантрический путь. Человек погружается в *kleshas*, в объятия Богини-Матери. Это означает путь туда, где находится наш подлинный орган чувства, которым мы на самом деле чувствуем, даже если чувствуем кулаками, внутренностями, гениталиями, а не сердцем, и чувствуем не так, как нам подобает.

При инцестуозном возврате происходят многие темные события — мы снова попадаем в это царство (область) «матерей», где чувствующая функция сталкивается с суицидальными импульсами, отчаянием, расчленением, ощущениями ужаса и гниения (разложения), голодными оральными потребностями, проявляющимися в виде безнадежных желаний и принуждения. Посредством возврата на этот уровень чувствующая функция получает возможность отсортировать ценности своего опыта и установить отношения с так называемой темной стороной психического. Когда этого не происходит и интровертная чувствующая функция не устанавливает истинную цену этого опыта, мы становимся жертвами инцеста. При любом кризисе или срыве чрезвычайно важно, прежде чем пытаться осмыслить его значение, выяснить его истинную *цену*. Оставляя без оценки наши невротические или психопатические неприятности, мы сохраняем их и упускаем шанс освободить свою чувствующую функцию от влияния материнского комплекса.

В практической ситуации человеческих отношений, когда один человек хочет помочь другому разобраться в себе, мать, сковывающая чувства, может быть встречена с такой же констелляцией материнского отношения (constellation of mothering). Как говорит Юнг: «Ибо, то, что было испорчено отцом, может быть исправлено только отцом, так же как то, что было испорчено матерью, может быть исправлено только матерью». (*Mysterium Coniunctions*, CW 14, p. 232; cf. I-Ching, Hexagram 18.) (См. Китайская классическая «Книга Перемен». СПб. 1992. С. 282.) Констеллировать в отношениях хорошую мать просто означает проявлять материнскую заботу и ласку, воспитывать и кормить, быть снисходительной к чужим слабостям, потерянности, мальчишеству или девичьей изнеженности и при этом не считать, что вам угрожают, сбивают с толку, дурачат; не проявлять гиперактивности и не претендовать на роль врачевателя. Независимо от того, насколько глубоко человек погружен в хаос и отчаяние, инцестуозный возврат может привести к ценным результатам, если партнер будет поддерживать его в дальнейшем продвижении по этому пути. (Как в любом правиле или совете, и здесь имеются исключения и определенные противопоказания, особенно в отношении материнского комплекса, так как его конечные глубины архетипически выходят за пределы самой индивидуальной жизни.) Главная цель констелляции хорошей матери состоит в том, чтобы она находилась внизу и подставляла свои руки в случае падения, чтобы человек был поддержан матерью в своем страхе перед разрушением и беспомощностью. Хорошая мать поддерживает тем, что дает надежду вне зависимости от чего-либо. Она ставит свою печать одобрения на каждую эмоцию, на каждое чувство, освобождая их от власти вины и стыда. Если человек доходит до состояния беспомощности из-за хаоса в своих эмоциях или потому, что его чувствующая функция, находящаяся под строгим контролем суровой, критикующей матери или отравляющаяся сладким ядом доброй Старой Маленькой Дамы, получает только предостережения и упреки, живой интерес со стороны другого человека играет роль повитухи, помогающей появлению на свет новой чувствующей функции. Признаком хорошей матери является не ее сладко пахнущая молочная доброта и успокаивающая диета всепрощения, а *активный духовный интерес* ко всему, что находится в движении. Это ускоряет рост, а отделение зерен от плевел лучше отложить. Хорошая мать высиживает все яйца. Попытки же критикующей матери провести среди зарождающихся чувств отбор приводят к развитию чувствительности и преждевре-

менного критицизма. Слишком рано решая, что хорошо и что плохо, она калечит чувствующую функцию и губит ее в зародыше.

Возврат к матери ради чувствующей функции не может помочь, но превращает нас снова в мальчиков и девочек, с грубыми и наивными детскими чувствами, совершенно неадекватными, но в то же время подлинными. Если возврат сопровождается эмоциональными взрывами или капризными жалобами, забота о чувстве означает не потакание неврозам, а вступление с ними в контакт. Оценка проявления гнева или жалоб и поощрение выражения этих чувств продвигает их в область сознания.

Мифы о героях показывают, что развитие мужественности, по-видимому, состоит в сопротивлении материнскому комплексу. Но такое развитие происходит не только путем покорения матери миром мужчин, преодоления инерции, принятия твердых решений и их осуществления. Чтение и познание нового, разрешение проблем и активные действия, наращивание мускулов и завоевание авторитета среди мужественных мужчин еще не превращают человека в полноценного мужчину. Если чувствующая функция остается в плену, в любой момент нас можно позвать домой. Свобода проявляется в признании человеком своих чувств и использовании им своей чувствующей функции.

«Мужественные» мужчины, чтобы показать силу своих чувств, ведут себя жестко, грубо, бессердечно или проявляют фальшивую отцовскую нежность. Они компенсируют свою лабильность и чувствительность мерзкой толстокожестью и не показывают своей слабости, пока их не хватит инсульт или инфаркт. Чувствующая функция при этом подгоняется под стереотип, для которого характерны взрывы смеха, открытая теплота отношений, снисходительное похлопывание по спине или какой-нибудь другой признак «мужественности». Но стереотипы являются просто механизмами; чувствующая функция остается материнской служанкой, она идет не своим путем. Таким образом, «мужественный» человек приобретает покровителей и помощников, несущих вместо него его чувство, посвящающих его в рыцари, а его манипуляции властью влияют на все его отношения, основанные на принципе «дать и взять». Когда материнский комплекс управляет чувствами посредством такой мужской компенсации, отношения человека с другими людьми в большей степени, чем обычно, превращаются в сделки. В основе же всего этого лежит боязнь коллапса и потребность в поддержке.

Поскольку материнский комплекс охраняет человека от жизни, он охраняет его и от его чувств. Чувства захватывают человека, поэтому мать должна охранять нас от чувствующей функции. Тогда жизнь не настигает нас, и мы становимся неприкосновенными и неприкасаемыми, частично из-за того, что не испытываем чувств, а частично из-за того, что слишком чувствительны: каждая пора кожи становится раной. Иногда, защищая нас, мать может довести нашу самооценку до инфляции, возвысив нас настолько, что мы теряем ощущение человеческой реальности.

Такие люди говорят: «Не лезьте ко мне»; они не выносят, чтобы их поддерживали. Если их затрагивают физически или психологически, только подчиненное чувство подсказывает им неадекватные реакции. Труднее всего человеку, сталкивающемуся с этой проблемой, защитить свои отрицательные чувства, потому что именно их осуждает материнский комплекс. Поэтому именно они, когда их принимают и выражают, дают человеку чувство свободы. Какими свободными мы себя чувствуем, когда можем отклонить требование, объяснить свою неприязнь, выразить словами накопившиеся обиды и раздражение! Выражение отрицательных чувств посредством чувствующей функции приносит с собой прилив новой энергии и чувство освобождения. Кроме того, человек обретает способность, отдавая себе отчет в том, что он чувствует, смеяться, глядя в лицо Горгоне, над ее критическими нравоучениями, запрещающими чувства.

Духовный паралич, констеллированный материнским комплексом во всех сферах жизни, требующих проявления чувств, лучше всего раскрывается в чувствах, испытываемых человеком к другим людям, местностям, предметам. «Мужественный» супруг позволяет жене решать за него все мелкие вопросы: его не заботит, как он себя чувствует, и фактически он часто не знает, счастлив ли он или несчастен, пока кто-нибудь из членов семьи не скажет ему об этом. Мать, находящаяся внутри него, так долго управляла стереотипами его чувств по отношению к самому себе и окружающему миру, что он уже не сознает ни свою ценность как личности, ни другие ценности, этические и эстетические, ни стороны своего стиля жизни, касающиеся отношений с людьми.

Вмешательство материнского комплекса в действия чувствующей функции может встретить противодействие мужских добродетелей, но не тех, о которых говорилось выше. Например, для человека важно оценить в своих поступках проявления чувства, а не просто оценить

сами поступки. Важно почувствовать, почему и с какой целью человек совершил поступок, чего он хочет, кого любит и какие ценности выражает своими поступками. Важно уметь входить в ситуации, где присутствует конфликт интересов, разрешению которого содействует чувствующая функция.

Еще более важна дружба. Амбивалентность материнского комплекса побеждается постоянством, лояльностью, верностью. Эти достоинства дружеских отношений всегда занимали философов-моралистов. Аристотель посвятил дружбе несколько разделов в своей «Этике»; Цицерон, Сенека, Плутарх — каждый из них писал о дружбе, и эту традицию продолжили многие, например, Габриэль Марсель в своей книге «Творческая верность». Вне зависимости от того, насколько освобожден человек от материнского комплекса, если у него нет друзей, а окружают только многочисленные случайные знакомые, вмешательство в деятельность его чувствующей функции продолжается. Материнский комплекс запрещает проявления верности и привязанности, он сводит вопросы доверия к формулам зависимости и предательства. Чтобы оставаться в безопасности и сохранить уверенность, не нанести кому-нибудь обиды и не быть обиженному самому, человек заводит много постоянно сменяющихся приятелей, а не постоянных друзей. Писатели-классики говорят, что дружба — удел зрелости, она представляет собой идеальные взаимоотношения свободных и равноправных людей. И поскольку возникновение дружбы означает освобождение от власти материнского комплекса, психоанализ очень часто приводит к установлению дружеских отношений. Анализ, вследствие того что он лечит и оказывает поддержку пациенту, констеллирует материнские отношения, которые не столь свободны, как дружеские, поэтому стремление стать друзьями частично отражает потребность чувствующей функции вывести отношения аналитик — анализанд на новый уровень. Иногда такое стремление срабатывает, иногда — нет.

* * *

Из предыдущего материала можно заключить, что от эмоционального хаоса избавиться нельзя, его даже нельзя пережить. Мы попадаем в него снова и снова, как только появляются новые чувственные оценки или чувствующая функция расширяет область своего воздействия. Возрастные изменения и смена жизненных этапов сопровождаются беспрестанными переходными периодами и появле-

нием новых применений чувствующей функции. Вследствие того что материнский комплекс как фундаментальная основа бессознательного всегда констеллирует наше эго в его детское состояние, возвращение в детство причиняет боль. Мы боимся таких падений. Если обрести чувства можно только таким путем, человек склонен вообще отказаться от чувств. Это унизительно. Хотя религии много говорят о смирении, они не объясняют, на что похоже это чувство, и, будучи возведенным в ранг добродетели, оно перестает быть смирением и становится новой формой гордыни. Быть слабым и беспомощным в отношениях со своими чувствами, оставаться лояльным по отношению к своим отрицательным чувствам, вести себя по-детски — и все это на глазах другого человека — действительно унизительно и требует смирения. Смирение заключается в признании неадекватности подчиненной чувствующей функции; ведь чтобы унизить подчиненное чувство, надо подчинить чувство смирению. В этом смысле материнский комплекс с его вечными возвратами, подобно судьбе, предлагает смирение — *amor fati* (любовь к судьбе — лат.). Чувство подчиняется судьбе, признавая свои пределы и нашу ничтожность. С этими мыслями мы снова возвращаемся к идее о том, что чувство является искусством малых форм.

Глава 6. Чувство и анима

Имея ясное представление о том, что анима-комплекс не является чувствующей функцией мужчины, нам в то же время не следует упускать из виду, что он, как и материнский комплекс, находится в особых взаимоотношениях с чувствующей функцией и несет ответственность за ее расстройства. Это — загадочная страна как для мужчин, так и для женщин: мужчины часто не могут определить, когда они чувствуют, а когда находятся под влиянием анимы; женщины, увлеченные анима-чувством мужчины, обнаруживают, что попали в какое-то странное положение. Так как анима по определению относится к архетипическому прошлому женской стороны личности мужчины, анима-чувство имеет черты, поражающие нас своей «женственностью». В этих чертах в преувеличенном виде проявляется то, что мы обычно считаем женственным. Если материнский комплекс — аккорд, выполняемый левой рукой и задающий чувству основной ритм и настрой, которые правая рука может варьировать, но от которых она никогда не может отступить, то анима-комплекс — мотив, не попадающий в тон основной мелодии, слишком острый или слишком монотонный, выпадающий из заданного ритма.

Женственность в мужчине обычно персонифицируется в женских образах или символах, имеющих отношение к женщинам, которые действуют с констеллирующим, завораживающим, притягивающим динамизмом и вовлекают мужчину в такие сложные состояния, пережив которые, он может больше узнать и о себе, и об этой архетипической реальности. Эти состояния могут появляться в виде внутренних настроений и фантазий, или в виде проекций и прожектов. Так или иначе, они появляются, и под влиянием этих неотразимых влечений мужчина знакомится с доселе ему не известными, не осознаваемыми аспектами жизни. Традиционно анима-комплекс называют посредником бессознательного и, следовательно, он, как и чувствующая функция, является функцией *отношений*.

Выполняя функцию посредника, анима-комплекс также выступает в женской роли, воспринимая и сохраняя новые, относительно бессознательные события, которые затем активизируются. Способность связываться с бессознательным целиком зависит от возможно-

стей приема и сохранения того, что оно представляет, будь то внутренние настроения и фантазии или внешние проекции и прожекты. Столь же справедливо и обратное: возможность открывать бессознательное и сохранять его увеличивает способности личности к связи с ним. Чем в большей степени подавлены чувства мужчины или не развита его чувствующая функция, тем решительнее анима-комплекс в качестве компенсации задает свой тон чувствам и представляет чувствующую функцию. Кроме того, поскольку анима-комплекс дает мужчине субъективное и интимное чувство собственной личности, он будет проявляться не только в образах и проекциях, но также и в его чувствах. Это заключение особо справедливо для нашей экстравертной и ориентированной на мужчин культуры с ее коллективным подавлением чувства.

Р.Б. Онианс рассматривает самые ранние значения термина «anima» (и «animus») в своей книге *The Origins of European Thought* («Истоки Европейской мысли») (Cambridge, 1954). Он сообщает, что существует большой разброс мнений по поводу термина «анима». «Анимус связан с сознанием, а анима не имеет с ним ничего общего» (p. 169). Кажется, анима является более родовым понятием, ассоциирующимся со всем, имеющим отношение к природе пара, воздуха, ветра, испарений, а также с человеческим дыханием; его синонимами являются слова (pneuma, psyche) (дух, душа). Сверх всего прочего, анима связывается с *vital principle*, или принципом жизни, что часто подчеркивал Юнг. Несмотря на свою улетучивающуюся бестелесность, анима выступает как движущая сила, столь же важная, как и легкие, которыми мы дышим. Частично ее архетипическая образность была описана Эммой Юнг.1 Другие, хорошо разработанные формы этой Богини жизни представлены женскими образами греческих мифов: в первую очередь, Коры, а также Персефоны, Ариадны, Афродиты, Артемиды. Можно было бы упомянуть многих богинь, полубогинь или легендарных женщин, но главное, что нас интересует, — это их констеллирующее воздействие на чувствующую функцию. Анима вовлекает чувствующую функцию в водоворот жизни, но сама не является чувством.

1 Здесь Хиллман имеет в виду книгу Эммы Юнг «Анима и анимус». См. E. Jung. Anima and animus. N. Y. 1957. — *Прим. рус. ред.*

Возвращаясь к искажениям чувства, вызываемым анима-комплексом, мы обнаруживаем, что анима-чувство стремится стать слишком *чувствительным* (*sensitive*). Девственное, обособляющееся, осто-

рожное, оно боится оказаться обиженным или обидеть другого. Из опасения быть обиженным человек робко укрывает все, что связано с чувством, не допускает к нему свежего воздуха. «Эти вещи лучше не обсуждать». Такая осторожность может продолжаться очень долго. Анима-чувство слишком *искренне*, чувство становится весомым, и каждая чувственная окраска какого-либо события или мысли приобретает особую важность и подается в романтической манере. Ошибочные впечатления держатся в секрете, и в результате неверных оценок их значимость все возрастает. (Например, человек приезжает в Альпы кататься на лыжах и останавливается в обычном домике, но из-за анима-чувств придает ему мистическую важность, и домик превращается в Шангри-Ла, стоящий у самых небесных врат). Когда собственное чувство человека не дает оценок, они легко замещаются завышенными оценками и энтузиазмом анимы. Все наполняется значимостью, религиозной важностью или напыщенной мудростью. Чувство становится искренним признанием, добродетелью искренней надежды. Соотносясь с образом юной анимы, появляющейся в сновидениях мужчины, искренность приобретает черты школьной подруги.

К этим же феноменам принадлежат *слишком учтивые* чувства. Преувеличение значения гармонии и женская привычка сглаживать неловкости заставляют чувство учтивости уступить свое место другому, сдавшись прежде, чем возникнет напряжение. С точки зрения приспособления оно всегда поступает правильно. Но неправильно всегда поступать правильно, потому что сама жизнь не всегда является правильной. Сознательная чувствующая функция может справиться с неприятностями, дать им должную оценку, но анима-чувство старается избежать беспокойства, потому что оно недостаточно дифференцированно, чтобы разобраться со сложностями, связанными с чувствами. (Мы должны помнить: комплексы стремятся к самосохранению. Подобно заряженному ядру, они притягивают к себе явления и стремятся упорядочить все, что находится в беспорядке. Следовательно, комплексы стремятся к расширению за счет дифференциации. Они имеют тенденцию все смешивать в одну кучу и действовать по принципу «все, или ничего». Анима как комплекс таким образом работает против дифференцированного чувства.)

Анима-чувство часто бывает слишком *легкомысленным и чарующим*. У него всегда найдется шутка или аргумент, останавливающие углубление чувства; чувство оно воспринимает как танцора в свер-

кающих ботинках, отбивающего чечетку на краю пропасти. Кроме того, оно отличается непостоянством, но не из-за фундаментальной амбивалентности, свойственной материнскому комплексу, а скорее благодаря склонности к флирту в отношениях с ценностями. Окружающим раздаются полуулыбки и полуоценки. Мужчина увиливает, флиртует с главными предметами разногласий, лжет, из тщеславия извращает факты. Его суждения все время меняются, в особенности если это касается оценки чувством поступков, моральных правил, людей. С непостоянством, с нерешительностью мужчина может покончить, только вооружившись логикой, которую анима не позволяет ему использовать, апеллируя к его страху совершить ошибку, потерять престиж или «обидеть кого-нибудь».

Анима-чувство проявляется также в *авто-эротизме*. Мужчина влюбляется в свою любовь, чувствует только свои чувства, находит потрясающим то, что вообще что-то чувствует, и в результате начинает поклоняться чувству как таковому. Авто-эротизм здесь просто является проявлением анима-чувств, которые мужчина испытывает в отношении самого себя; это — любовь к себе самому, в которой анима, как если бы она была реальной женщиной, непрерывно изливает на него потоки восхищения и чрезмерные восторги его наружностью, достижениями и способностями. Без использования собственного чувства в качестве тормоза мужчина может выйти за пределы своих возможностей, за чем последуют неудачи и полный крах. Тот же авто-эротизм, вызванный анимой, может также привести к лености, частичному параличу воли. В таком случае появляются фантазии об активных действиях (следует избавиться от неприятной ситуации, наладить взаимоотношения, развестись, жениться, разобраться в чувствах и сделать выбор), за чем последуют скорее приготовления, чем сами действия. Выполнение задуманного, может быть, этим и ограничится. Это будет спектакль, разыгранный для самого себя, с целью завоевать любовь анимы и заслужить ее божественное, лестное внимание.

Авто-эротизм принимает временами любопытные формы. Мужчина приглашает женщину к себе на ужин. Он убирает комнату, зажигает свечи, ставит свою любимую пластинку с тихой музыкой, создающей нужное настроение. Она приходит, и в ближайшие десять минут между ними разгорается ссора — возможно, по ее вине. Атмосфера царящей в комнате анимы, которую мужчина принимает за чувство, подавила женщину и заблокировала ее чувства до такой

степени, что она, чтобы избавиться от этого дерьма, вооружившись анимусом, перешла в атаку. Затем они вступают в спор о чувстве, о том, что оно собой представляет, кто им обладает и т.д. Несомненно, мужчина старается уладить отношения, но столь же несомненно и то, что настроение, созданное анимой, не имеет ничего общего с чувствующей функцией, если не считать его личных (авто-эротических) чувств.

Чувство может также стать слишком *эстетическим*, и выражаться в любви только к прекрасному или только к красивым женщинам, или в неспособности войти в ту область чувства, где оно приобретает жестокие или дикие черты. Эстетизм анимы не позволяет ей доходить до крика, а громкое выражение настоящего чувства вполне уместно. У Стендаля в книге *De l'amour* («О любви») есть глава, в которой он пишет о Красоте, свергнутой с трона Любовью. Он расценивает этот шаг в развитии чувствующей функции как замену анима-комплекса, поклоняющегося Красоте, настоящим чувством любви к женщине. Существует точка зрения, что чем важнее для мужчины женская красота, тем менее индивидуальны и личностны их взаимоотношения. С этой точки зрения сверхнежное отношение к обычной красоте — вероятнее всего, признак любви-анимы, а не выражение чувствующей функции. Отсюда и возникают у красивой женщины трудности, когда она стремится к близким отношениям с мужчиной. Она обречена на столкновение с его анима-чувством и может дойти до готовности пожертвовать красотой, чтобы завоевать его любовь. Искажения, присущие эстетике, кроме того, подавляют отрицательные чувства и лишают мужчину способности справляться с трудными жизненными ситуациями, в которых приходится иметь дело с уродством и заурядной грязью. Эстетическая анима не выносит сквернословия, страданий беззащитных животных, запаха пороха, униженных бедных людей, шума городов и загрязнения окружающей среды. «Она» стремится быть ближе к красотам природы, искусства и религии с ее очищающими душу ладаном и песнопениями.

Еще один аспект анима-чувства — это *материализм*. Пойманные анимой, не имея понятия об оценках, мы сентиментально привязываемся к вещам. Через связь с анима-комплексом они представляются нам в магическом свете. Мы храним шкатулку с памятными вещицами, идентифицируя чувства с материальными объектами, которые превращаем в талисманы. Анима-чувство легко очаровать богатством и властью, поэтому суждение о людях приобретают материали-

стический аспект, а люди, которые нравятся носителю анима-чувства, всегда имеют тенденцию быть «нужными». Таким образом, в оценках анимы сказывается предпочтение к персоне человека, а сами оценки исходят из коллективно одобренных критериев. Чувствующая функция проверяет свои оценки в соответствии с чувственными оценками, объективно принадлежащими психике, но анима-чувство путает объективные качества с самими объектами, с тем, что очевидно, конкретно и общепринято. Поэтому и выражение чувств часто приобретает материалистический характер: нужно «показать товар лицом» или «подкрепить слово делом». Мы одариваем, вместо того, чтобы проявить чувство. Нас больше занимают собственная персона и наш подарок, нежели другой человек, который видит в подарке предъявление прав на его чувства.

Анима-комплекс имеет свои исторические ассоциации. Юнг часто говорит о них в терминах стремления этого комплекса опуститься и вернуться на исторические и мифологические уровни психического. Этот аспект также может материализоваться, при этом оценки эстетического чувства искажаются преклонением перед прошлым, античностью, классическим вкусом. Такой человек может выражать свои чувства посредством коллекционирования старинных изделий из олова или серебра, произведений живописи и археологических находок.

Анима-комплекс может также искажать чувство, превращая его в слишком персональное. В тех областях жизни, где мужские интересы стремятся оторваться от личных (идеи, планы, факты, явления), где недостаточно внимания уделяется персональному и интимному, анима исподтишка берет власть. В личных делах мужчины становятся жертвами всякого рода мелких заговоров. Они сплетничают, хитрят, устраивают слежку за своими детьми (особенно за дочерьми); ведут себя как старые девы, преследуемые развратными призраками, готовы в любой момент прийти в ярость из-за укола, нанесенного их самолюбию. Мужчины не в состоянии стать выше личного, просто проигнорировав его или отдав в распоряжение женщин. Условием цельности чувствующей функции является ее правильная связь с личным, «только моим». Защищая эту сторону личности как подтверждение своей уникальности, мужчина подвергается риску саморазоблачения; обычно гораздо удобнее препоручить это кому-то другому (секретарше, жене, любовнице). К несчастью, этот некто часто оказывается комплексом анимы, и «его» уже не может быть отделен-

ным от «ее». Отныне на все ставится ее монограмма, все несет печать личной идиосинкразии.

Мы можем частично согласиться с классическим утверждением Юнга о том, что анима-чувство обнаруживает свое присутствие в искажениях сексуальности: в чувстве мужчины ее слишком мало или слишком много. Кажется, что у некоторых чувствующая функция находится в гениталиях, и мужчина чувствует только то, что его привлекает, так что когда исчезает желание, вместе с ним уходит и чувство. Более подробный анализ такого состояния, однако, показывает, что между теневой стороной маскулинности (мужественности) и анимой существует союз. (Сексуальность анимы обычно не столь уж «низка» и «инстинктивна»; она обладает всеми видами сентиментальных, гипер-эстетических, умственных представлений о сексе, его проявлении в мыслях или о переполнении им «сердца», и вовсе не рассматривает секс как прямую функцию гениталий.)

Сексуализированное чувство представляется в сновидениях теневыми образами и анима-комплексом, проявляющим к ним благосклонность. В таком сне образ анимы обычно исчезает в сопровождении темного человека или становится жертвой изнасилования, или вызывает страстные желания, в которых комбинируются божественные высоты и сексуальные ласки. Кажется, аниме особенно нравятся парадоксальные и обманывающие сочетания сексуальности и духовности, в которых тень Приапа рядится в одеяния святого, а чувство обращает в метафизическую добродетель разрушительное асоциальное поведение. Люди уже не просто любят, ревнуют, создают любовные треугольники, изменяют, то есть, делают то, чем занимались всегда; теперь они ищут оправдания своим действиям в «новой морали», «тантрических опытах», «свободной любви», «индивидуации» и других доктринах, вырабатываемых чувствующей функцией и находящих поддержку у анимы.

В этих доктринах можно легко обнаружить присутствие псевдочувства, так как в них оказались подавленными отрицательные чувства. Ревность «преодолена»; стремление властвовать, мелочность и узколобость, проявляющиеся в близких отношениях, прикрыты высшими идеалами. Вдохновляя тень желания, анима в то же время заводит человека в менее очевидную тень. Люди привыкли говорить об этом как о «взгляде с другой стороны»; анима, манипулируя чувством человека, так успешно ориентирует его внимание на лучшее и худшее, что иногда, попадая в плохое положение, этот человек все рав-

но видит в нем «только лучшее». Искренность его желаний подменяется фальшью их философских оправданий. В итоге ревность может превратиться в спасительную благодать, ведь она обладает одной великой добродетелью — психологической честностью. Она выявляет истинные проблемы любовного треугольника, опускаясь до базовых страстей психики: ненависти, убийств и страха. Тень здесь присутствует открыто, не скрываясь под сахарной глазурью. Афродита всегда приносит беспокойство; у нее злые сестры, Фурии, а прислуживают ей Обычай, Печаль и Тревога.

Мы лишь частично соглашаемся с классическим положением, что анима придает чувствам сексуальный характер, так как иногда юнгианство пренебрегает значением наличия в чувстве сексуальности. Если на архетипическом уровне существует связь чувства с Эросом, она должна эхом отражаться на психоидном уровне. Ведь для того чтобы чувство добралось до комплексов и представило их, оно должно иметь телесную компоненту, хотя, быть может, не слишком сильную в смысле аффектов и эмоций. Я не собираюсь путать понятия тела и сексуальности, так как телесное чувство не всегда является сексуальным, а сексуальность может быть весьма рассудочной, но заходить слишком далеко в разделении чувства и сексуальности не следует. Человека слишком легко привлекает утверждение, что «хорошее чувство» очищено от сексуальности и желания.

Весьма возможно, что сексуальность сама имеет чувственный аспект, выходящий за рамки пробуждаемых ею чувств. Чувствующая функция действует как тормоз или как проводник внутри любой инстинктивной силы, создавая для нее собственные законы. Они могут отличаться от нравственных законов, ограничивающих сексуальность и диктующих, как она «должна» осуществляться и какие чувства человек «должен» испытывать при этом. Чувство может направлять и тщательно разрабатывать сексуальность как в брачных играх животных, так и в наших усложненных манерах ухаживания, в любовных письмах и процедурах развода. В какой момент двое ложатся в постель или прекращают сексуальные отношения, определяется столь же чувством, сколь и сексуальностью; в таких делах чувство действует как *spirit rector* (духовный наставник) инстинкта, так же, как инстинкт действует посредством чувства.

Я пытался рассматривать естественный и врожденный самозапрет на непреодолимое влечение в двух своих статьях: «Об архетипической модели запрета на мастурбацию» и «О психологической

креативности». В них предлагается другой подход к рассмотрению чувства: оно может возникнуть как рефлективная компонента инстинкта, точно так же, как каждый Бог предъявляет свои ритуальные требования и определяет чувственные «законы» для соблюдения его культа. Подобные мысли выводят саму тему этих глав далеко за рамки рассмотрения чувства как функции сознания. В данной работе мы предлагаем метапсихологический подход, делающий ударение на то, что чувство представляет собой архетипическое явление per se (как таковое), родственное сознанию и способное к саморегуляции. Как писал Юнг (CW 8, par. 411), архетип всегда имеет чувственный аспект или воздействует на чувство. Мы можем уточнить это утверждение, предположив, что каждый архетип предоставляет в распоряжение сознания целый набор различных чувств. Он также воздействует на чувствующую функцию, то стимулируя, то блокируя ее с помощью благоговейного нуминозного трепета, священного страха, рефлективного аспекта осторожности.

Из такого предположения вытекают определенные выводы: если чувство может быть компонентой инстинкта, представленной в рефлективной ритуализации инстинкта, то ритуализация сексуальности будет являться способом укрепления чувственного аспекта. Сексуальная анима, столь любящая теневую сторону личности и требующая еще большего усиления сексуальности чувства, может пройти процесс сексуальной ритуализации, чтобы высвободить чувственную рефлексию и блокировку. Многие наиболее извращенные формы сексуальности, включая описанные де Садом, можно рассматривать как попытки выявить чувственный уровень сексуальности, превратить ее из формы действия инстинкта в способ выражения души.

Я не сомневаюсь в том, что средства обычного языка помещают чувство на психоидный* уровень; то есть, они подчеркивают отношения между чувствующей функцией и осознанием человеком своего тела. Когда люди показывают, где находится их орган чувства, они кладут руку на грудь или живот, сжимают ладонь в кулак или печально опускают плечи. Чувство может быть абстрактным, этическим, эстетическим, дипломатическим, политическим — проявляться во всех сферах жизни. Оно может быть таким же холодным, ясным

---

* Психоид — «душеподобный» или «квазипсихический» (понятие, применимое фактически к любому архетипу, выражающее, по сути, неизвестную, но доступную переживанию связь между психическим и материальным). — *Прим. рус. ред.*

и точным, как мысль; тем не менее, имеется определенная телесная компонента чувства, так что любая чувственная реакция, не согласующаяся с настроением тела, отделяет нас от него. К несчастью, значительная часть того, что мы принимаем за чувство, является на самом деле «сделанной», остается не осознанной нашим телом и шизогенно влияет как на реципиентов, так и на доноров такого чувства.

Примерно такая же психология справедлива для анимуса. Он может манипулировать чувством и становиться союзником тени женщины в ее стремлении к «власти через секс». Как часто женщины оказываются жертвами мужчин, которые проявляют к ним благородные, отеческие, нежные, уважительные чувства! Они поддерживают женщину за локоток, переводя ее через улицу; подносят зажигалку к ее сигарете, шепчут ей на ухо интимные слова. В таких мужчин легко влюбляются; они умеют заставить женщину «хорошо себя чувствовать». Когда же вступает в действие чувство, подобные внешние проявления вызывают смех. Но слитком часто подчиненной чувствующей функции льстит эта грубая демонстрация «хорошего чувства», с помощью которой анимус и тень совершают свои манипуляции, часто заканчивающиеся сокрушительным предательством или яростной борьбой за обладание деньгами.

Поскольку мы часто настаиваем на том, что анима должна взаимодействовать с Эросом и чувством, мы ошибочно отождествляем анимус с логосом и идеями. Но анимус, особенно в терапии, где такую большую роль играет чувство, с успехом может проявлять себя как чувство; как и в случае анима-чувства, это сходство будет только внешним. Все ценности, все сердечные порывы окажутся полуценностями и полупорывами. На многих аналитических сеансах это псевдочувство анимуса появляется, когда пациенты пытаются «выразить свои чувства». Ключевыми словами для выявления анимуса служат «действительно», «мое собственное», «хорошее», «положительное», «относится» и, конечно же, само «чувство».

И последнее — не потому, что мы подошли к концу, а потому, что где-то надо остановиться: анима-чувство, не обладая индивидуальностью для выражения эго, часто оказывается *ненаправленным*. В таком случае мужчина страдает от *Weltschmerz* (мировой скорби), туманных космических чувств, увлекается поэзией неопределенных образов, любит цветы и звезды, восторгается прописными истинами, которые могли быть написаны кем угодно и для кого угодно. Чувство порывает с сиюминутной реальностью и оказывается оторванным и

от текущего момента, и от насущных дел. Ненаправленное чувство, сочувствуя угнетенным слоям, осознавая их проблемы и воспринимая великие, тревожащие мир идеи, бесцельно блуждает от посылок к выводам. Оно *безотносительно* (*irrelevant*) — возможно, потому, что не имеет в себе тела, и поэтому в нем никого нет.

Вот пример его безотносительности. Мужчина и женщина выходят из дома, чтобы пообедать в городе. Он безупречно корректен и вежлив с ней, но при этом заигрывает с официанткой, которую никогда не встречал прежде и с которой не собирается встречаться в дальнейшем. В глубине души он сердится на свою спутницу, но это проявляется только косвенно, в том, как он пытается очаровать официантку. Затем женщина резко выражает ему свое недовольство, вызванное манипуляциями его анимы, которая позволяла ему вести себя похамски, внешне оставаясь вежливым джентльменом. Этот пример показывает, как анима умеет использовать невыраженные чувства, искажая их и направляя обходным путем к скандальному финалу.

Все эти искажения чувств, от которых страдает мужчина, и от которых еще больше вынуждены страдать его женщины, считаются чувствами и используются как чувства, но их никоим образом не следует относить к чувствующей функции. По определению, чувствующая функция является функцией сознания: в зависимости от типа ориентации личности она в большей или меньшей степени может быть осознана. Однако, теоретически она может быть применена в качестве инструмента сознания каждым человеком, независимо от его психологического типа. *Ее слабость и медлительность в проявлениях можно использовать против материнского комплекса, в то время как ее подмена является результатом деятельности анима-комплекса*. Ранние искажения чувствующей функции мы приносим с собой из детства, и они становятся частью ее проклятья и нашей боли. Но мы не несем за них личной ответственности. Однако более поздние искажения оказываются гораздо серьезнее, так как обнаруживают не то, чего мы не в состоянии сделать из-за своей беспомощности, а то, чего мы не делаем из трусости. Анима со своими фальсификациями вмешивается тогда, когда у сознательной личности недостает мужества, чтобы рисковать своими чувствами. Эти фальсификации, кратко описанные выше, имеют общую черту: они эгоистичны, выражают лишь собственные мнения и самодостаточны. И это неудивительно: ведь задача анимы — внушать человеку, что он соединен со своим центром, соотносится лишь с самим собой; выражаясь класси-

ческим юнгианским языком, анима связывает эго с Самостью. В анима-чувстве эта связь осуществляется окольным путем, ведущим не к осознанности, не к сопричастности, а скорее всего к преувеличенному ощущению собственных достоинств. Чем анима действительно помогает чувствующей функции, так это тем, что она создает трудности, вызывает конфликты, беспорядок и фальсификации, обеспечивая чувствующую функцию полем для проявления своей главной активности: различению ценностей и установлению взаимоотношений.

Помощь, которую мне может оказать другой человек в освобождении чувства от его искажений анимой — это вступить в контакт с чувством естественным путем и вытеснить комплекс. Значит, этот человек должен признать и отнестись с уважением к тому, что для меня наиболее ценно. Ведь анима в мужчине всегда чувствует себя им самим. Она знает мою тайну. Благодаря анима-комплексу, мужчины столь чувствительны, падки на лесть, легко оказываются добычей психической инфляции, в плену своих амбиций и страстей. Если никто другой не сможет взглянуть на меня взглядом, который мне нужен, чтобы обрести себя или связаться с интересами моей Самости, слишком загадочной для меня, чтобы я смог ее опознать, мне остается только сдаться на милость чувств анимы и позволить ей обмануть меня, что, как сказал Оскар Уайльд, тоже имеет свои преимущества. («Преимущества эмоций состоят в том, что они вводят нас в заблуждение».)

Глава 7. Воспитание чувствующей функции

Школьное воспитание стремится, главным образом, развивать функции мышления и ощущений, хотя тесты умственных способностей, с их ориентацией на быстроту и догадливость, поощряют интуицию. Воспитание чувств, а именно вкуса, умения оценивать, строить взаимоотношения не является ядром школьного образования. Музыка, искусство, различные виды спорта, общественные клубы, религия, политика, театральное искусство — все эти занятия не входят в обязательную программу обучения, и их выбирают сами ученики. Где может пройти школу сердце? Возможно, не столь уж абсурдна мысль, что профессия психотерапевта обязана своим существованием всеобщему неадекватному и недоразвитому состоянию чувствующей функции.

Если бы наша обычная система воспитания обращала больше внимания на чувство, отпала бы острая необходимость в развитии чувствующей функции с помощью средств психотерапии. Руссо говорил: «Тот из нас, кто лучше всех может переносить радости и горести жизни, по моему мнению, лучше всех воспитан».

Воспитание рационального ума, вопреки заверениям теоретиков школьного образования, мало способствует развитию способности достойно переносить радости и горести жизни. Скорее справедливо обратное: воспитание рационального ума уменьшает нашу способность общаться с чувствами, так как чувство и мышление, по-видимому, как правило, развиваются друг за счет друга. Романтики понимали это и потому говорили: «Чувство может ошибаться, но поправить его может только чувство» (Гердер). Это утверждение отрицает превосходство доводов разума над доводами сердца и отражает романтическое отношение к классическому порядку. Подчиненную чувствующую функцию невозможно исправить с помощью ведущей мыслительной функции. Начиная воспитывать свои чувства, человек не прислушивается к голосу ведущих функций, так как их неодобрение, даже выраженное в мягкой форме совета, действует подавляюще. Чувству требуется *воспитание через веру*; оно начинает

функционировать, только когда мы доверяем его действиям и позволяем ошибаться.

Душа работает над собственными ошибками, используя свою способность к саморегуляции. Она возвращает нас, особенно в сновидениях, в пору отрочества, когда проблемы чувства становятся более острыми, а учебные заведения, в которых мы провели так много томительных дней, оказались полностью неспособными разрешать эти проблемы. До наступления отрочества развитию чувства уделяется больше внимания; ребенку и многое дозволяется, и за ним и больше наблюдают. Но в пору отрочества, без посвящения в тайны взрослых, без четких запретов, инструкций, принятых форм поведения, мы оказываемся на свободе, в гуще мирской суеты, принося в нее собственные смятенные чувства.

Возвращаясь в сновидениях в отрочество, взрослый человек часто сталкивается с пробелами в забытых чувствах, когда эмоциональная жизнь только начинала открываться перед ним, а чувствующая функция приступала к дифференцированию, и ее оценки искажались незнанием и подавлялись страхом. Сновидения снова возвращают человека туда, где все шло неправильно, в ту же школу, но на этот раз — для воспитания чувств.

Здесь мы находим гомосексуальные и лесбийские связи и фантазии; повторяющиеся встречи с некоторыми учителями; высокие идеалы школьной влюбленности; людей, тривиальных и давно забытых, но настойчиво возвращающихся в снах из-за чувств, воплощением которых они являются. Мы не вырастаем из отрочества — что, по нашему мнению, является целью аналитического процесса, — а, скорее, обнаруживаем, что как бы растем в обратном направлении и возвращаемся в ожившее заново отрочество: песни, сценки, лица трогают наши сердца с необычайно живой, хотя и сентиментальной силой.

Первый шаг в воспитании чувства состоит в освобождении его от страха. Чувства сначала должны быть пойманы, удержаны в сознании и признаны именно чувствами. Так как чувствами занимается чувствующая функция, ей следует разрешить чувствовать то, что она чувствует на самом деле, принять и признать ее, не допуская вмешательства ведущих функций. Но вмешиваются не только они. Сама чувствующая функция оценивает содержание психического ограниченными мерками. Наши собственные застывшие моральные устои, дешевый вкус и нетерпимость работают против нас. Кажется, что чувство развивается, находясь в состоянии подвешенности и неопре-

деленности, чтобы мы могли заново осознавать, а не привычно оценивать то, что чувствуем.

Воспитание чувств начинается с того момента, когда я начинаю доверять своему собственному, спонтанно возникшему первому чувству: («Мне не нравится его лицо», «Во мне все смешалось», «Я ничего не чувствую», «Я просто сержусь, все меня раздражает») — независимо от того, насколько оно допустимо и приемлемо в коллективной системе ценностей. Подавляя простейшие чувственные реакции, я препятствую чувствующей функции дать их содержанию дифференцированную оценку. Например, если по нравственным соображениям я подавляю определенные чувства («Я женат и не должен испытывать такие желания», «Это неправильно с моей стороны — ненавидеть его без всяких причин»), ничто в дальнейшем из них не сможет вырасти; они останутся в зачаточном состоянии и зачахнут. Или, например, когда при наступлении депрессии я говорю себе: «все мы иногда себя так чувствуем», срабатывает еще одно привычное клише, препятствующее выяснению специфических проблем, которыми вызвана эта депрессия.

Эти маленькие защитные приемы направлены на поддержание привязанности чувства к аффективным корням, потому что все новое, входящее в сознание, обладает потенциалом, заряженным эмоциями в большей степени, чем сама эго-система, иначе это новое нельзя было бы почувствовать и принять. Прежде чем приручить зверя, его нужно поймать. Прежде чем воспитание сможет начаться, должно существовать то, что нуждается в воспитании. Поэтому требуется ответственное отношение человека к чувствам, что бы он ни чувствовал, а не только ответственное отношение к идеалам, указывающим, как человек должен чувствовать. Такое ответственное отношение подвергает проверке идеалы человека: ведь требуется мужество и честность, чтобы принять все, что скажет чувство, после того, как его признают.

Характер человека определяется не содержимым его бессознательного (ведь в каждом из нас есть статистическая доля террориста, убийцы и извращенца), а тем, как он относится к этому содержимому. Криминальный вывих, составляющий часть каждого комплекса, приводит чувство в состояние шока. Я могу проигнорировать этот шок и просто не почувствовать эту тень своей натуры. Или я могу играть роль социального работника по отношению к своим преступным наклонностям, пытаясь оказать помощь и понять их, или мое эго может

выступить в роли судьи или полицейского. Наряду с «террористом», в нас сидит еще и «полисмен», энергично борющийся с любыми признаками насилия и не допускающий взрыва. Когда комплексы констатируются и намечается серьезная конфронтация, человек способен до бесчувствия забивать их таблетками и вином, или отвлекать их внимание. То, как человек относится к своим антиобщественным и криминальным компонентам бессознательного, показывает его способность использовать свою чувствующую функцию.

Отсюда следует, что чувство требует *психологического мужества*. Существуют гражданское, физическое и интеллектуальное мужество и мужество души, вступающей в бой с самой собой. Познать содержимое своей души, обнаружить в своих комплексах разрушительные тенденции, испытать распад личности и собственную неполноценность — для этого необходимо немалое мужество.

Психологическое мужество — это мужество сердца; ведь можно рассматривать это качество как проявление эроса, стоящего на защите сердца, охраняющего и его щедрость, и его безрассудство. Мужество чувства по отношению к содержимому души, независимо от того, что оно из себя представляет, реализует оживший миф об Эросе и Психее. Эрос одаряет своей любовью и поддержкой все подавленные компоненты души. Чем больше мы защищаем эрос, тем большую психологическую силу мы приобретаем, демонстрируя тем самым, что эрос подвигает нас не только на утоление своих желаний, но и дает нам мощный жизнеутверждающий импульс. Мужество проявляется в готовности чувствующей функции принять все, что ее настигает.

Воспитание через веру и мужество может саботироваться аналитическим разумом. Мы начинаем анализировать то, что чувствуем, слишком рано пытаясь понять: почему, откуда пришло это чувство, что оно «означает». Затем, вместо того чтобы чувствовать, мы называем то, что чувствуем, проекцией и пытаемся «вернуть ее назад» или передать другому для «обсуждения». Мы делаем все что угодно, не обладая мужеством, которое позволило бы пережить неполноценность своей чувствующей функции.

Поскольку чувство имеет свои «плюсы» и «минусы», принятие его означает, что мы смиряемся также и с его отрицательными чертами: с хитростью, неприязнью, холодностью. Отрицательные чувства и их выражение в равной мере присущи чувствующей функции. Как говорил Руссо, «радости и *горести* жизни»: не одни только радости. Обет,

который дают вступающие в брак, точно устанавливает чувственные оценки и признает существование отрицательных чувств: «обещаем быть вместе в горе и в радости».

Вступление в брак обеспечивает нас сосудом для накопления отрицательных чувств любого сорта, в том числе и касающихся самого брака. Хотя мы можем наивно вступать в брак, вдохновленные порывами надежд, желаний и радостей, реальная семейная жизнь приносит плохое настроение, сарказм, угождение, мелочность, скуку и такую массу осложнений, вызванных отрицательными чувствами, что ее можно считать превосходным испытательным полигоном для чувствующей функции. На свете найдется немного мест, где имеется возможность развития длительных вынужденных взаимоотношений: место службы мы меняем, от соседей уезжаем, а любовь часто увядает под порывами холодного ветра. Но брак, кажется, идеально создан для выражения всех видов отрицательных чувств и дифференциации чувствующей функции. Тот факт, что брак, кажется, остается единственным прибежищем, в котором этим чувствам разрешено существовать, где их появление даже ожидается, заставляет задать вопрос: не вынужден ли в наши дни брак нести большую, чем причитающуюся ему долю отрицательных чувств (не имеющих других освященных мест обитания), и подавленных функций (которые нельзя показывать посторонним)? Существует старая шутка о чувстве, которое мужчина старательно накапливает на протяжении целого дня лишь для того, чтобы, придя домой, выплеснуть в жалости к самому себе на членов своего семейства. Из-за того, что в отношениях супругов расцветают отрицательные чувства, брак не может быть «успешным» в старомодном смысле, когда его сравнивали с прекрасным растущим деревом, которое любят и за которым ухаживают. И все же брак может оказаться успешным, если в нем смогут быть пережиты его отрицательные стороны, а чувствующей функции будут созданы условия для ежедневных упражнений. Брак дает чувствующей функции шанс для развития, потому что он, как обезличенный архетипический сосуд, стоит в стороне и гордо возвышается надо всем, что происходит между супругами. Этот сосуд может оказаться западней или клеткой, в которой женщина «задыхается», а мужчина рвется «на волю», но жизненный опыт свидетельствует лишь о прочности этой обезличенной структуры. Обет супружеской верности и преданности не подразумевает исключение подавленной части личности с ее предательскими, разрушающими чувствами; скорее, этот обет означает, что

она тоже «вступает в брак», что ее впускают в дом, делят с ней ложе, встречают с доверием, а не с подозрением, давая супругам возможность в браке чувствовать то, что он или она действительно чувствует (сравни А. Гуггенбюль-Крейг. Брак умер — да здравствует брак! СПб. Б.С.К. 1997).

Воспитание чувствующей функции может оказаться для чувствующего типа даже более трудным, чем для человека с иной ведущей функцией. В конечном счете, ведущая функция трудно стареет; она представляет спокойную адаптивную систему, которая легко справляется со своими задачами, в то время как новые этапы развития личности обычно сопровождаются разрушением привычного, а в таких ситуациях на первый план имеет шанс выдвинуться подавленная часть личности. Чувство может распространяться на новые сферы жизни, на новых людей, новые интересы, новые занятия, но, если при этом не будет продолжаться дифференциация оценок, они не будут становиться более тонкими и человечными, сама функция не будет развиваться, будет только смещаться фокус ее внимания. Следовательно, чувствующим типам следует почаще приостанавливать действие своей ведущей функции, чтобы дать ей возможность развиваться. Мать чувствует, что ее сын ошибся, взяв в жены негритянку; жена замечает, какое разрушительное влияние оказывает на мужа его лучший друг; муж видит, какой бездарной тратой времени является общественная деятельность его жены. Каждое из этих суждений может привести к активным действиям. Но, приняв в расчет позицию сына, мать имеет возможность открыть для себя новые ценности. Осуждая друга мужа, жена упускает возможность познакомиться с имеющей свои ценности новой областью жизни, в которую ее приведет «недостойное» чувство мужа к его «недостойному» другу.

Функция может развиваться и в направлении, противоречащем ее лучшим оценкам. Это путь порока: Свифт, Бодлер, Пруст показали, какой потенциал развития чувства может быть открыт через извращение чувств, которые общественное мнение считает «хорошими». В обществе, в котором доминируют ценности протестантской религии, отдающие приоритет искренности, простоте и наивности, чувства, извращенные пороком, эстетством, иронией, излишествами, лукавством и другими подобными свойствами, по общему мнению, являются «плохими». Но мы должны постоянно помнить, что наше мнение о том, что представляет собой воспитанная чувствующая функция, убого и сентиментально.

В этом плане чувство может нуждаться в воспитании через ценности, противные общепринятым, например, через ложь. Правда не является только абстрактным принципом; она также отражает реальность конкретной ситуации, в которой играют роль различные ценности. То, что может казаться правдой с точки зрения анализа голых фактов, может оказаться ложью с точки зрения защиты более высоких ценностей или быть верным только в данной ситуации. Родители многое скрывают от своих детей и лгут им, и все же ожидают, что те всегда будут говорить правду. Можно сказать, что есть правда чувства и правда мысли, и иногда они не совпадают. Кроме того, мы имеем классические конфликты между Милосердием и Правосудием, Любовью и Правдой. Психологическая правда обычно двойственна, если не множественна — она имеет много сторон и включает в себя много правд. Гермес, предводитель душ, указывающий путь психологического развития, только появившись на свет, начал свою жизнь с кражи и лжи. Иногда человек обнаруживает, что то посвящение в психическую реальность с ее многослойной правдой проходит через особую ситуацию, в которой он обязан лгать и в которой его чувствующая функция внезапно сталкивается с конфликтами между велениями совести и требованиями психологической правды.

Эта проблема может оказаться для чувствующей функции трудной, если в ней не развилась изощренность и она не нашла связи между ценностями души и общественными ценностями. Чувствующий тип обычно воспринимает установившиеся ценности цивилизации, включая их в постулаты своей совести. Он ощущает себя частью закона и поддерживает учения об истине, сформировавшиеся в результате исторического процесса. Другой способ развития чувствующий функции — формирование самой связи с общественными ценностями. Спокойное и полное принятие их или абсолютное отрицание выражают реакцию подавленной функции, действующей по принципу «все, или ничего».

Всего несколько лет назад значительная часть психотерапевтических методик ставила своей целью приспособить экстравертное чувство к ценностям внешней реальности, сейчас же она обратилась к интровертным чувствам и стремится приспособить их к внутренним ценностям. Таким образом, произошел резкий поворот от экстравертной к интровертной чувствующей функции. Прежде мы приводили внутренний мир человека с его симптомами и эмоциональными потребностями к гармонии с работой, семьей, школой и обществом.

Теперь мы отвергаем требование приноравливания личности к общественным требованиям, ради достижения гармонии со своими субъективными образами, эмоциями и идеями.

Однако может оказаться, что приспособиться к собственным субъективным требованиям так же трудно, как и к требованиям общества. Мои эмоциональные реакции и идеи могут принести мне самому не меньше неприятностей, чем другие люди. Развитие чувствующей функции связано также с обращением к «внутреннему», или психическому миру через чувства-фантазии. «Другие», с которыми человеку приходится иметь дело, также являются милыми славными людьми со своими комплексами, и насколько чувствующая функция может удовлетворять их потребности? Интровертный чувствующий тип держит свои ценности при себе, развивая реакции и суждения, связывая их с собственными фантазиями и заставляя время работать на него. Он вступает в контакт сначала со своими фантазиями относительно людей, а потом уже с самими людьми. Это отнимает много времени, поэтому чувствующие типы часто молчаливы, но в течение длительного молчания они обретают чувства безопасности и силы.

С другой стороны, не-чувствующие типы (иной психологической ориентации), не придавая значения тому, что происходит в их психическом мире — сновидениям, симптомам, фантазиям, депрессии, — или стремясь вкладывать в этот мир лишь отрицательные ценности, наносят вред самим себе. Они используют свое интровертное чувство только с целью саботировать самих себя. Такие люди стыдятся своих сновидений и считают тривиальными и пустыми спонтанно возникающие настроения и фантазии. Они сразу отмахиваются от этих настроений, не понимая, что настроения, как и эмоции, поддерживают нас. Им свойственно низко оценивать содержимое собственной души. Но ведь именно эти чувства-фантазии составляют образ моей натуры, и когда я оцениваю их, они придают мне цену, безопасность и силу. Без этого регулируемого интровертного чувства я рискую невзлюбить самого себя или самоутверждаться с помощью безраздельного себялюбия, именуемого инфляцией.

Очень часто в сновидениях нам являются образы, пробуждающие наши чувства. Эти бедные, никому не нужные, больные и деклассированные образы людей, появляющиеся в фантазиях, отражают состояние нашей личности и те ее стороны, внимания к которым требует чувствующая функция. В первой же беседе с образом своей анимы мужчина, который к тому времени уже в течение почти трех лет по-

сещал аналитика, обнаружил, что этот образ требовал от него только того, чтобы он своим чувством признал его, т.е. оценил его, заботился о нем, и учитывал его мнение во всех своих действиях. Одна пациентка все время боролась с «мужчиной в темных очках», видевшим все в черном цвете. Этот образ из сновидения явился персонификацией ее беспокойств и депрессии. Она смотрела на него и на свои настроения сквозь его темные очки и воспринимала все отрицательные состояния только отрицательно. Но однажды во сне она, вместо того, чтобы ждать от этого образа исполнения ее желаний, спросила, что случилось с его глазами, почему он ослеп, почему страдает и что она может для него сделать. И тут же в ней стали происходить изменения. Изувеченный анимус, слабая анима, израненный герой, обиженный ребенок — все они требуют не только и не столько ампфликации* с помощью интуиции или осмысления с помощью мышления, сколько признания с помощью чувства.

Усиленное внимание аналитиков к отрицательным и подавленным чувствам основано на представлении, что пациент приходит к ним со своими пороками, инцестуозными устремлениями, тягой к насилию и тревогами — в результате мы забываем о существовании высших ценностей. Иногда в близких отношениях между супругами или отцом и сыном то, что их наиболее глубоко трогает и больше всего вдохновляет, остается «за кадром». Из круга семейного общения выпадают не только темные, но и светлые стороны. Усовершенствование чувствующей функции невозможно без проверки ее отношения к изысканности, нежности, экстазу, скорби. Вспышки эмоций, которые действительно трогают меня и убеждают мое чувство, дают мне жизненную силу и на которых держится вся моя жизнь как человека — разве они не принадлежат к сфере отношений? Разве они не должны выражаться так же, как моя ярость и болезненная депрессия? Разве нежность существует только при опущенных шторах, ярость — когда человек пьян, а слезы навертываются на глаза только на кладбище? В анализе часто случается так, что более глубокие или высокие чувства, такие, как любовь, вера в себя, стремление к спасению, способность искренно любить других, являются основной движущей силой. Мы

* Амплификация — уточнение и прояснение отдельных образов в сновидениях и продуктах изобразительного творчества с помощью прямой ассоциации и в соответствии с материалом гуманитарных дисциплин (символогией, мифологией, этнологией, фольклором, историей религии и т.д.) — *Прим. рус. ред.*

— такие же жертвы подавления чувства бьющей через край радости, как и агрессии. Мы не можем прийти в слишком большой восторг, не испытав чувства вины и беспокойства.

В прежние времена великолепные, положительные чувства радости также составляли часть ритуала: во времена празднеств и карнавалов коллективные формы проявления чувств преподносились как божественные дары. С каким трудом достается нам высокая похвала, щедрый жест, или погружение в среду, в которой мы чувствуем себя абсолютно счастливыми! Мы не позволяем себе петь не просто из-за строгой пуританской морали или своего супер-эго, а потому, что не может петь наша чувствующая функция. На буржуазном мирском языке объективной психологии освобождение своих чувств является знаком духовной незрелости и инфляции (завышенной самооценки). Боги должны соблюдать дистанцию и не входить в наше жилище.

* * *

Создание атмосферы также относится к теме данных лекций. Чувствующая функция оценивает ситуацию. Она дает ей оценку, судит и выясняет, какие ценности вовлечены в данную ситуацию и могут привести нас к действиям, согласующимся с этими ценностями. Часто атмосфера разрушается из-за ее переоценки и больших надежд, или из-за недооценки ситуации, вызванной прошлыми ассоциациями, которые только отвлекают внимание от настоящего момента. Затем мы начинаем чувствовать, что все происходящее в комнате с этими людьми совсем не «то, что надо», а «то, что надо» происходит с кем-то другим, в другое время и в другом месте. Такие чувственные фантазии наносят вред настоящему моменту, не давая ему должной оценки. Сознание ценности реальной ситуации создает атмосферу значительности происходящего без вторичных усилий и атрибутов: украшений, обеда или нарядов. Одно внимательное отношение к собеседнику уже обеспечивает интенсивное общение. Чувство в этом контексте заключается в осознании того, что происходит «здесь» и «теперь». «То, что надо» происходит там, где вы находитесь. В самой высокой степени такая атмосфера таинства и душевного подъема достигается во время богослужения. Атмосфера создается фокусировкой оценки на настоящий момент. Другую крайность представляют собой скучные семейные вечера и приемы, состоящие из клочков «интересных разговоров». Но в таких ситуациях также существует определенная чувственная атмосфера, и очень важно распознать,

что же на самом деле происходит, и правильно на это отреагировать. Чувствующие типы знают, как следует относиться к происходящему. Они способны извлечь из ситуации самое лучшее, просто распределив должным образом свое внимание. Они могут не дать развиться тому, что считают неуместным, и тем же способом манипулировать беседой, давая оценки и демонстрируя либо свой интерес к обсуждаемому, либо его отсутствие.

Реакция на ситуацию затрагивает не только разум, но и все тело. Она проявляется в принимаемой позе, в ощущениях различных органов: желудок реагирует на страх и возбуждение; кровь отливает от рук и ног, и они холодеют; продолжительное напряжение вызывает изнурение и истощение всего организма. Сами по себе эти реакции являются сенсорными, но именно чувство оценивает их и выносит свое суждение.

Воспитание чувствующей функции включает также соблюдение *объективных правил отношений*. Например, существуют правила отношений между гостем и хозяином, старшим и младшим, господином и слугой, между друзьями, даже между мужем и женой. Во многих культурах эти формы проявления чувства разработаны до мельчайших деталей. Они определяют архетипические состояния чувств, применимые и в других ситуациях, даже метафорических и мистических, как, например, чувство невесты к жениху или чувство «гостя» или «слуги».

Оказывается, довольно трудно соблюдать такие объективные правила, особенно если они являются иерархическими. Занимать позицию высшего лица, не проявляя надменности и не поощряя раболепия; отдавать приказания, не обращая их ни в просьбу об одолжении милости, ни в команду; соблюдать сыновнее послушание, не уступая требованиям семейного комплекса, — все это находится за пределами наших обычных возможностей и в обществе демократического индивидуализма не является целью воспитания.

На первый взгляд может показаться, что эти правила имеют мало общего с чувством, особенно с чувством любви. Ведь если следовать заповедям любви (или Иисуса, или Афродиты), она, как и смерть, является великим уравнителем и уничтожает все формы объективного порядка. Любовь, как и эмоции, противостоит всем структурам и функциям сознания, даже чувствующей функции. Этот аффект или любовные эмоции могут влиться в чувствующую функцию и трансформировать ее, но не могут ее заменить. Любовь архетипична, она

принадлежит Богам и дарована ими смертным в виде Эроса. *Agape* и *caritas* (христианская любовь и милосердие) тоже ассоциируются с религией, то есть также являются добродетелями, дарованными человеку свыше. Но чувство не зависит от Богов; оно — не сила, а осознание, не искупление, а инструмент. И как ни странно это звучит для приверженцев любви, мы можем чувствовать и воспитывать чувство, не любя, но не можем любить и воспитывать любовь, не чувствуя. Любовный аффект означает упрощение, чувство — дифференциацию. Там, где любовь объединяет путем сплавления в единое целое, чувство соединяет, сохраняя различия. Модели дифференциации закодированы в формах чувств, которые выдерживают натиск любовных эмоций. Коммуны, идеи братства всех людей, утопические общества, основанные на принципе любви, — все они рушатся из-за ошибочного представления о том, что любовь все побеждает и способна заместить чувства.

Противоречия между классическими и романтическими взглядами в меньшей степени выражают различие между головой и сердцем, чем различие между чувством и любовью, между бесчисленными вариациями тонких оттенков чувства и бесчисленными волнами любовных эмоций, размывающими стены между тем и этим, правильным и ошибочным, безобразным и прекрасным, вами и мной. Влюбляясь, мы можем перевернуть все ценности и достигнуть вершин, находящихся выше добра и зла. Чувствующая функция как функция сознания обладает различающим аспектом Логоса, цель которого — победить Великую Богиню, которая могла бы покончить с различением и разделением. Следовательно, воспитание чувствующей функции не обязано идти по дороге любви, как учат нас сентиментальные романы и романтические мечты подавленной чувствующей функции.

Опыт говорит (аналитический перенос может служить тому примером), что любовь способна содействовать и действительно содействует значительному развитию чувствующей функции, и на этом следует остановиться подробнее. Любовь влияет на чувствующую функцию не прямо, а косвенно. Прямое влияние, ошибочно принимаемое за подлинное развитие чувства, вызывает внезапное появление множества положительных чувств. Но способы их выражения, определяющиеся сильными любовными эмоциями, могут оставаться слишком субъективными и искажаться характерными для любви преувеличениями. И даже когда такие положительные чувства и способ их выражения вполне адекватны, их можно рассматривать скорее

как дар самой любви и архетипическую ритуальную составляющую поведения любого влюбленного человека, составляющую безличную и бессознательную. Настоящее развитие чувствующей функции, являющееся результатом косвенного влияния, наступает позже, когда чувство начинает длительную работу по оценке и дискриминации происходящего. Оно сортирует чувства и взвешивает все «за» и «против». И только затем наступает время для усовершенствования самой чувствующей функции. Большую психологическую роль в этом процессе играют любовные письма, любовные стихи и любовные дневники. Любовь поставляет чувству пищу, которая часами мечтательно переваривается. А расширение границ терпимости и понимания других людей любовь дает на поздних стадиях своего развития.

Главный воспитательный эффект, который любовь оказывает на чувствующую функцию, заключается в том, что, пережив этот опыт, мы начинаем доверять собственным чувствам. Это и есть воспитание чувствующей функции через веру, воспитание, о котором упоминалось выше. Любя, мы рискуем нашим чувством и доверяем его действиям. Любовь не только открывает двери сонму нежных, комических, диких, экзальтированных чувств, она также предоставляет безопасное место, где эти и другие, более незрелые и более сомнительные чувства могут быть приняты с доверием. Любя, мы ценим даже слабые, собственнические, тщеславные и цепкие чувства. Независимо от их проявлений, мы верим в них и доверяем им, потому что они являются частью нашей любви. Оказавшись в ситуации, в которой эти чувства принимаются, мы сами обретаем способность их принимать. Доверие, которое оказывает нам другой человек, учит нас доверять себе как человеку. С этой верой приходит и чувство искупления: наши чувства, наше сердце становятся «добрыми», и даже раны, нанесенные чувству в детстве и отрочестве, могут быть открыты, пережиты и вылечены. Влюбляясь, мы снова становимся молодыми, частично из-за того, что любовь возвращает нас к этим неясным, но кровоточащим ранам, нанесенным отрицательными чувствами, которым теперь мы можем найти место в структуре отношений и тем самым избавиться от них.

Любовь порождает такое изобилие чувств, что чувствующая функция начинает констеллировать (инициировать формы), иначе мы не смогли бы в них разобраться. При каждой встрече влюбленных чувствующая функция подвергает любовь испытанию. Ее невозможно заменить никакой другой функцией: мы не можем найти выход из

лабиринта любви, обдумав весь путь или двигаясь на ощупь. Вследствие того, что влюбленность стремится устранить все различия в чувствах, от чувствующей функции требуется помощь в организации любви. Опыт влюбленности, когда человек оказывается в плену собственных чувств и зависит от своей чувствующей функции, служит неоспоримым, убедительным доказательством ее существования как независимого, незаменимого психологического посредника.

Личные отношения требуют личного чувства. Здесь следует подчеркнуть значение малых величин. В этом смысле можно поучиться у мистиков. Мы склонны верить, что великие мистики занимаются глобальными космическими проблемами, однако на самом деле обычно они говорят о малых вещах, даже очень малых. С помощью чувствующей функции они сводят интеллектуальные проблемы к насущным, обыденным вопросам естественных потребностей человека. Их могут рассмешить самые тривиальные события. Наши испорченные чувства пренебрегают мелочами, не обращают внимания на малые ошибки, которые мы совершаем, идя по жизненному пути. Затем реальность оборачивается к нам своей горькой стороной: можно испортить себе жизнь, упустив скромную возможность, подсказанную чувством, или своевременно не вскрыв маленький раздражающий гнойничок. Пренебречь малым — значит пренебречь своей чувствующей функцией. Поэтому личные чувства следует выражать в малых формах: в виде личных любезностей, в обмене личными впечатлениями, личными замечаниями о том, что именно нравится нам в другом человеке. Чувствующая функция, признавая достоинства другого человека, укрепляет их, дает ему веру в себя. Личное чувство выражается также *глазами, голосом, движениями рук*. Переход от одной функции к другой часто достигается сменой интонации. Когда анимус командует, а анима жалуется, чувствующая функция обычно медлит, хотя и может притвориться активной. Чувствующая функция может проявить себя взглядом, недаром существует выражение «посмотреть друг другу в глаза». Иногда руки говорят больше, чем слова: ими жестикулируют, их агрессивно сжимают в кулаки, ими успокаивающе гладят больного.

Использование имен когда-то выражало личные чувства, но, как и многое другое, постепенно утратило эту функцию. В «примитивном» обществе обращение по имени обычно строго регламентируется ритуалом. Человек нередко имеет несколько имен, а обращения к членам семьи связаны с соответствующими формами семейных вза-

имоотношений. В немецкоязычных странах форма обращения строго дифференцирована по степени близости отношений. К человеку обращаются по титулу и фамилии, а иногда по имени. Кроме того, в немецком языке существуют местоимения «Du» (ты) и «Sie» (Вы)*, каждое из которых имеет много оттенков. Одна из легенд гласит, что только Бог знает наши подлинные имена, но в современном обществе мы произносим их при первом знакомстве. Произнесение имени другого человека является архетипическим выражением чувства. (Оно означает интимность; так например, один мужчина, в первый раз поцеловавший любимую женщину, увидел во сне свое имя, выгравированное на ее языке.) У Пруста есть отрывок, в котором рассказывается о том, что, когда его возлюбленная в первый раз произнесла его имя, он почувствовал себя так, как если бы очутился голым у нее во рту.

* * *

Существующие правила взаимоотношений узаконены в манерах. Изучение манер означает изучение форм выражения чувств. Это тезис можно оспорить, заметив, что между тем, что человек чувствует, и его манерами может быть мало общего. Может даже показаться, что манеры мешают выражению чувств, так как появление чувства означает прорыв к искренности, отбрасывание всех манер, выход на свободу того, что человек «чувствует на самом деле». Проблемы человеческих контактов между черными и белыми, между революционерами и представителями истеблишмента достигли такой степени непримиримости, при которой манеры могут вызвать только смех. Пренебрежение манерами в исторические периоды насилия выявляет различие между чувством и аффектом. (Хотя нельзя утверждать, что чувство не может стать проводником агрессии, жестокости, промывания мозгов или исполнения законов военного времени.)

Манеры, в лучшем случае, могут оказать сопротивление только аффектам, но не чувству. Чувства, кажущиеся в сравнении с манерами, слишком личными, выявляют их неадекватность, утрату ими связи с целями, для достижения которых они появились. Но манеры, как уже отточенные временем, так и только что рожденные, придают чувству форму, в которой оно может быть понято и воспринято. Они предоставляют каналы для передачи чувств. Даже такие проявления отри-

* В современном английском языке существует только одно местоимение: «you» — «вы».

цательных чувств, как оскорбление и раздражение, могут быть выражены в приемлемой манере. Искусно используя их, мы способны вызвать оцепенение, унизить, обидеть, высмеять, или, покрасовавшись, вызвать зависть. То, что манеры со временем становятся все суше, что они отражают только персону человека, что они становятся слишком изысканными и утрачивают содержательность и связь с чувствительностью, — все это лишь подтверждает начальный тезис данной главы: чувствующая функция находится в состоянии распада. Обычным признаком психологического распада является расщепление на полярные части. На одном полюсе мы имеем грубые, но наполненные содержанием чувства, а на другом — манеры, лишенные всех своих функций, кроме функции самозащиты.

Для нового открытия архетипического значения манер как необходимых и жизнеспособных каналов, а не защитных крепостных рвов, восстановим их ритуальность и придадим каждодневным небрежным действиям характер церемонии. Тогда мы прочувствуем простейшие аспекты обычного образа жизни и будем знать, как следует себя вести и чего можно ожидать. Манеры дадут нам образы действий. Без них мы должны тратить время на придание каждому необычному событию соответствующей формы или отказываться от всех чувственных усилий, отдав их под опеку демократической общности чувств, которая всегда поможет «понять, что я имею в виду». («Всеобщий хаос сознанья / сумятица чувств» — разве Эллиот не относил эти строки к распадающимся манерам?) Навязчивая тревога, с которой мы встречаем ежедневно возникающие проблемы чувств (к выгоде рекламодателей и различных советчиков, наживающихся на нашей нерешительности), — вот результат того, что формы выражения наших чувств ушли в область бессознательного. На место отжившего ритуала приходят бессознательные навязчивые импульсы.

Манеры архетипически связаны с нуминозностью; в их содержание входит и отношение к власти. Наиболее разработанную форму они имеют в местах сосредоточения власти: в церкви, в армии, в правительственных учреждениях. А также там, где происходит соревнование или существует риск: в суде, в спорте, на борту корабля, в операционной хирурга. Обычно манеры ассоциируются с ошибочным представлением о церемонии как о чем-то безжизненном, искусственном. Но «инсценированность» манер демонстрирует нуминозность всей жизни — архетипическую власть, которая, подобно Богам, присутствует в каждой ситуации, драматизируя ее. Следовательно,

оживляя манеры, мы могли бы вернуться к архетипическому смыслу общественных ситуаций, менее личному и более нуминозному, когда все, что мы говорим и делаем, благодаря ритуалу, выходит за границы нашей индивидуальности.

Манеры являются частью *приспособления*. Как можно прочесть у Юнга, экстравертное чувство первоначально направлено на достижение согласия, договоренности, компромисса. Внешние ценности легко распознать и к ним легко приспособиться. Приспособление использует такие чувственные приемы, как присоединение, участие, совместная деятельность, помощь и подтверждение внешней общественной реальности. Более того, приспособление позволяет избавиться от скованности, надменности, отстраненности. Растворение в безличном коллективном бессознательном не обязательно происходит в результате сильных личных переживаний, связанных с любовью, искусством, массовыми действами или религией. Оно также может произойти в результате подчинения требованиям коллектива, так как коллектив сам является архетипом и ареной действия всех архетипических сил, присутствующих в психическом. Приспособление к требованиям коллектива превращает нас в маленькую статистическую единицу. Человек на самом деле становится одним из миллионов, и проявление человечности и творчества становится зависящим ото всех. Как ни угрожающе это выглядит с точки зрения романтического индивидуализма и мифов о героических личностях, жизненный опыт заставляет нашу чувствующую функцию приспосабливаться, не рассуждая, и подчиняться, не вникая в суть.

С точки зрения современного анализа приспособление означает уместное поведение, «примерность», о которой говорил Платон, «правильное поведение», согласно «Книге Перемен» (*I-Ching*). То обстоятельство, что такая простая истина возведена в высший жизненный принцип, показывает, в какие глубины может нас увести проблема чувствующей функции. «Уместность» — слово, которое мы любим использовать, описывая развитую или ведущую чувствующую функцию и которое характеризует индивидуальный стиль и тактичное поведение.

Стиль и чувство *своевременности* также принадлежат к объективным формам чувства. «Стилизованное» означает то же, что и «манерное»; стилизуются экстравагантные формы разложения экстравертного чувства, когда оно иссякает, стремясь к повторениям, настойчивости и орнаментации. Обычно орнаментация начинается с

простых символических надписей, вызванных сильными эмоциями, а позднее вырастает в арабески и завитушки в стиле рококо. Подобным образом стилизуется и чувство в поздней фазе развития страсти. Тем не менее, оно остается в сфере чувств. (Слишком легко мы отвергаем манерность как нечто хрупкое, дешевое и сентиментальное, забывая о том, что в ней тоже отражаются чувства и качества человека.)

Но стиль — нечто бóльшее, чем стилизация. Стиль — это счастливый союз индивидуального чувства с внешними ожиданиями, к которым ему удалось приспособиться. Это — сама чувствующая функция, высвечивающая личность, подобно тому, как хрусталь бокала высвечивает цвет вина. Или это сама личность, пропущенная через чувствующую функцию таким образом, что все соответствующее ее стилю согласуется и с внутренней правдой чувства, и с внешним миром. Стиль невозможно купить в модном магазине, ему даже нельзя обучиться, хотя им страстно хотят овладеть все, кто стремится к воспитанию чувств. Это стиль писателя, которому прилежно подражает юный поэт; стиль лектора, который пытается имитировать студент; стиль психоаналитика, который переносит на себя пациент; стиль светской дамы, за которой весь вечер в завистливом молчании наблюдает молодая девушка.

Когда Альфред Адлер говорит о стиле жизни пациента как о ключе к определению природы его невроза, он находится на верном пути, потому что именно стиль жизни показывает, насколько личность владеет своими чувствами, как окрашивает ими содержимое своего сознания, какими ценностями определяется его жизнь. Как мышление находит свое выражение в методическом порядке, так и чувство находит выражение в стиле. Как стиль определенного исторического периода выражает модальности чувства эпохи, так и личный стиль раскрывает чувственную жизнь человека. Если стиль не изменяется в соответствии с переменами, происходящими в жизни человека, и с историческими переменами, влияющими на моду, он становится стилизацией и превращается в карикатуру. Чем меньше бросается в глаза стиль человека (чем менее он стилизован), тем в большей степени он является отражением его личности, тем с большим основанием можно рассчитывать на цельность его чувств, на то, что его манера чувствовать неотделима от него самого. Стиль такого человека гармонирует с целостностью его личности. Собственный стиль в живописи или литературе — высшая цель художника или писателя, то, что помнят дольше всего. Всем прочим можно дать такой же совет: най-

ти себя — значит найти свой стиль, свой способ жизни, окрашенный чувством.

Такт или ощущение своевременности, как корона, венчает чувство, которое мы назвали уместным. Экклезиаст эту мысль формулирует просто: всему свое время. Действительно, все приходит в свое время. Быть может, обладать чувством просто значит обладать тактичностью, делать все своевременно. Юмор полностью зависит от такта, а музыка является ритмическим искусством. Чувствующая функция воспринимает сигналы времени: например, посещение больного в госпитале должно быть не слишком кратковременным, но и не слишком долгим; нужно почувствовать момент, когда надо встать и уйти. Чувство скорее определяется не количеством, а качеством времени, уделяемым другому человеку. По этой причине встревоженное чувство (например, чувство вины, порождаемое материнским комплексом) искажает чувство времени, и время, которое человек уделяет другому, содержит лишь крупицы чувства.

Время обладает качеством — или само является качеством. Это не что иное, как последовательность бесконечно тикающих одинаковых минут, исчезающих в вечности. Развитие ощущения времени достигается чувственным осознанием момента и его индивидуального отличия от отрезка времени, отсчитываемого часами наших мыслей. Момент может быть долгим или коротким, в зависимости от того, каким его сформирует чувство. Моменты имеют размеры: бывают длинные моменты, большие моменты, и моменты настолько заполненные событиями, что в них невозможно найти себе место. Чувство придает времени форму, разбивая его на отрезки, различающиеся эмоциональной окраской. Эти отрезки не лежат на непрерывной ленте, на которой семь часов следуют за шестью часами, а те, в свою очередь — за пятью. Организация чувством времени, его группировка напоминает рост дерева, и корни сегодняшнего дня могут уходить в какой-то день прошлого лета, а не во вчерашний, принадлежащий совсем другому растению. Таким образом мы подбираем старые отношения на том же месте, где их оставили. Именно поэтому для развития чувства столь существенна непрерывность.

По истечении некоторого времени чувствующая функция может измениться, а может остаться прежней. Когда мы долго и неумело пользуемся какой-нибудь вещью, то начинаем на нее обижаться. Но иногда во время такого периода чувствующая функция находит новую связь и дает другую оценку произошедшему событию, и тогда мы

ее прощаем. Воспитание чувства невозможно без мужества, позволяющего вынести свои недостатки, неизменные в течение долгого времени. Так чувствующая функция обучается терпению. Как долго терпеть и когда пора начать действовать — это вопрос чувства времени, и для человека нет лучшего советчика, чем «внутренний голос» его чувствующей функции, которому нужно доверять.

Нашими действиями может руководить и то *влияние*, которое мы оказываем на других людей. Нам не дано видеть себя со стороны, но мы способны, наблюдая за лицом другого человека, слушая его голос, определить, какое влияние мы на него оказываем. Чувствующий экстраверт способен заставить другого человека хорошо себя чувствовать. Он хвалит, говорит комплименты, оказывает помощь, сглаживает шероховатости, замечает нужды собеседника и может его ободрить. И можно также следить за результатами своих действий: что мы внесли в комнату, войдя в нее? Что прозвучало в нашем голосе, кроме слов? Какой страх мы нагнали на присутствующих? Вызвали ли у кого-нибудь смех, или людям пришлось все время защищаться, чувствуя себя виноватыми? Пролетело ли время незаметно или медленно тянулось?

Может быть, чувство, по существу, — это только время, уделяемое определенным вещам, а последним цветком в букете человеческих чувств, как говорят мистики, является терпение или искусство промедления. За пределами быстротечного чувства анахата* (*anahata*) существует медлительность без депрессии и легкость без собственной переоценки. Если у меня для вас нет времени, это означает, что я не придаю вам большого значения. Когда мы выясняем, чему и кому человек уделяет свое время, то многое узнаем о его чувствах. Время, отданное другому, может определить и обращенное к нему чувство.

Традиционные формы воспитания чувства — манеры, стиль, чувство времени, личные взаимоотношения, брак, чувства-фантазии, влюбленность — демонстрируют методы, которые применялись всегда. Они свидетельствуют о том, что воспитание чувства не нуждается в специальных программах. Я с сарказмом отношусь к популярному

* Анахата (санскр.) — согласно восточным эзотерическим учениям, один из центров высшего сознания человека. Является «вместилищем» предшествующего опыта всех прожитых человеком воплощений, где синтезирован сокровенный объем накоплений, приобретенный личностью в ее аспекте индивида, характеризующим все наиболее дорогое и ценное. См. Эзотерический словарь. М. 1993. — *Прим. рус. ред.*

движению *группового воспитания чувств*, и вовсе не потому, что чувствующая функция не нуждается в развитии, но потому, что отправная точка приверженцев этого метода — наложение обязательств на саму жизнь. Они занимаются техникой. Это — еще одна форма протестантизма, каждый адепт которого «завоевывает» любовь ближнего, испытывая обманчивый энтузиазм самосовершенствования. В этих группах, прививающих чувствительность, не остается места угнетающему признанию устоявшихся привычек и пределов любви, личности и преобразований. Кроме того, они преувеличивают значение личного и сиюминутного, в то время как чувствующая функция нуждается в длительном существовании, во взаимоотношениях с объективными ценностями и с обезличенной реальностью. Мы заблуждаемся, веря, что эти группы принадлежат Эросу, потому что этот Бог поражает людей своими стрелами, соединяет их в пары и, устанавливая между ними близкие отношения, явно ставит интимное выше общественного. Эрос развивает чувства с помощью различных обличий любви: *pothos* (вожделения), *hymeros* (желания), *anteros* (взаимности), *philia* (человеколюбия), *agape* (христианской любви) и *caritas* (милосердия). До сих пор неясно, кто из Богов вызвал к жизни эти группы, но доподлинно известно, что начинались они как лечебные. Они появились благодаря нездоровой ситуации, и чувства, развившиеся в такой обстановке, следует считать хотя бы частично связанными с истоками этого вида групповой терапии, точно так же, как чувства, проявляющиеся в аналитической практике, отражают психопатологические корни, из которых вырос психоанализ. Новые виды групп возникают из-за того, что традиционные формы общения — застолья, банкеты, проституция, борьба, скорбь, заговоры, танцы — утратили свое значение, и требуется чем-то их заместить. По крайней мере, эти группы предлагают замену, в которой задействована определенная патология. Нам еще предстоит увидеть, каким будет в них воспитание чувств.

Чувству присущи многие *психопатологические отклонения*. Действительно, такие искажения чувствующей функции, как истерические реакции или шизоидная амбивалентность, являются главными критериями психопатологии вообще. Психопатия, например, определяемая как отсутствие морального ощущения или «нравственное безумие», по-видимому, связана с особенностями чувствующей функции. Эти явления описаны в любом учебнике психопатологии и психиатрии.

Но существуют и другие особенности чувствующей функции, привлекающие внимание. К ним, например, относится избегание (уклонение). Некоторые из нас обладают характерной чертой — стремлением скрыть свои чувства. Когда разговор подходит к чему-нибудь слишком личному, мы часто, стиснув зубы, произносим классическую фразу жителей Новой Англии: «Я предпочел бы об этом не говорить». Или же, напротив, для достижения катарсиса мы проявляем свои чувства в группах, возбуждаясь их открытием и выражением, но избегая их последствий.

Мы можем также обратиться к Восточным традициям, превосходно избегающим развития чувства. Аранжировка цветов в манере японских мастеров или трансцендентная медитация имеют мало общего с реальными проявлениями чувствующей функции. Мы могли бы больше сделать для ее развития, формируя эту функцию на культурной основе путем изучения творчества Готорна, Харди, Эмерсона и Джона или Карла Весли (специально для протестантов) или проводя время в Кентукки или Канзасе (а также со своими родителями). И то и другое принесло бы больше пользы, чем посещение какого-нибудь ашрама, в котором способы выражения чувств не имеют ничего общего с нашими. Восточный путь обходит стороной дифференциацию личного чувства, замещая его коллективным спокойствием и самоконтролем. Чужая культура может служить фоном для контрастных стилей. Генри Джеймс показывает американский стиль выражения чувств, перенося место действия в Париж. Поэтому, читая французскую литературу или смотря итальянские фильмы, мы более тонко чувствуем наши различия. Принятие иностранной культуры и ее стиля выражения чувств обеспечивает нас коллективной формулой (люди присваивают себе буддийские имена и одеваются в сари), но от воспитания чувствующей функции при этом мы уклоняемся.

Обычно мы избегаем чувства, перекладывая его на кого-то другого: на партнера по браку, на лучшего друга, секретаря, декоратора интерьеров или на аналитика, «ведущего» нас и объясняющего, как следует возвращаться домой и относиться к детям. Иногда мы избегаем чувства, переживая его внутри себя с преувеличенной интровертностью и никогда не проявляя его внешне на людях, в своих оценках и вкусах, или, наоборот, мы живем со столь интенсивным внешним проявлением чувств, что таким образом избегаем отчаяния и хаоса нашего личного субъективизма.

Можно напомнить, что человек с хорошо развитой чувствующей функцией всегда установит, что именно важно в его субъективном и/или объективном мире. Остальные же люди сталкиваются с проблемами при определении того, что для них важно. Мы или недооцениваем себя, или переоцениваем, а отсутствие понимания того, что имеет наибольшее значение, отправляет нас в погоню за счастьем. Мы не довольны ни собой, ни нашим положением. А чувствующие типы, даже когда они обеспокоены идеями, абстракциями, планами и встречами, могут быть довольными, даже глупо самодовольными, потому что их чувства делают ценными и важными их духовное содержание, взаимоотношения и обстоятельства. Таким образом, чувствующие типы оказываются в бо́льшей безопасности и меньше поддаются влиянию опасного любопытства, бунтарских порывов и жажды перемен.

Барьер, существующий в функции между ее экстравертной и интровертной сторонами, может оказаться ответственным за все те странные явления, которые относят к проявлениям *расщепленного чувства*. Подавленная функция уходит в подполье. В результате мы утрачиваем доступ ко многим нашим чувствам; они исчезают вместе с функцией, и я не знаю, что чувствую, и не могу выразить чувство, не загнав себя в особый вид расщепленного состояния. Вместо того чтобы сказать: «Я желчный, скупой, сухой человек» или «Я хочу тебя», или «Мне нравится сидеть в этой комнате», мы разносим во времени наше чувство и его выражение, говоря: «Я часто так себя чувствовал», или «Когда я был ребенком, то всегда хотел…», или «Когда-нибудь в старости я стану любящим и добрым». Там, где мы находимся, наших чувств нет, а там где находятся наши чувства, нет нас. Мы отделили себя от своих чувств. Когда женщина после десяти лет супружества спрашивает мужчину: «Ты меня любишь?», ее вопрос содержит не столько сомнение (оно не исчезнет, какой бы она ни получила ответ), сколько попытку связать мужа с его чувствами. Необходимость ответить заставляет его почувствовать, что он чувствует в данный момент, и оказаться в том месте, где находятся его чувства.

Расщепленное чувство проявляется и в других формах. Некоторые люди выражают свои чувства только в письмах, находясь далеко от адресата; оказавшись визави, они теряют дар речи. Другие обретают свои чувства, только посидев в одиночестве в темной комнате, а затем написав что-нибудь или поиграв на рояле. Кому-то приходится пользоваться иностранным языком, как это описано в любовной сцене в «*Волшебной горе*», где Томас Манн отбрасывает свой родной не-

мецкий и заставляет героев говорить по-французски. Кто-то обнаруживает, что его любовные фантазии пробуждаются только при виде плакатов, рекламирующих путешествия в далекие страны, или при воспоминании о любовнице-иностранке, или при мыслях о чем-то, связанном с будущим, или с давно прошедшим столетием, в котором ему хотелось бы жить. Чувство у таких людей всегда возникает в другом месте и в другое время: «не здесь», — говорит она, «не сейчас», — говорит он.

Теперь, заканчивая лекции, я полагаю, что критическая проверка мужества касается психопатологии чувства, а именно тех его аспектов, которые не поддаются иллюзии воспитания. Части чувства никогда не менялись и никогда не изменятся, а в полный комплект входит алхимическая грязь, то есть обычная грязь, выброшенные отходы неисправимых и неискупаемых слабостей человеческого чувства. Сатурн тоже правит душой, и установленные им пределы разрушают иллюзию того, что все поддается развитию.

Мы дали себя увлечь чем-то вроде подавленной философии чувства, утверждающей, что все в человеческой природе может быть улучшено, или связано в одно целое, или осознано. Над анализом навис невидимый знак с надписью «рост» (или «трансформация»). С помощью этой оптимистической философии чувства мы платим дань неискренности чувствующей функции. Смутность идеи вполне устраивает неточность самой подавленной чувствующей функции (или подавленного мышления чувствующего типа), снабжая нас удобным и гармоничным представлением о том, что все, что ни случается, в конце концов приводит к добру, является частью нашего роста, частью процесса индивидуации.

Но мы знаем из опыта собственной жизни и из наблюдений за жизнью других, особенно тех, кто старше нас, что в области чувств имеются ужасные, неисправимые провалы. Это ненависть, с которой «следовало бы» давно покончить, мелочность и подлость, бездействие в критические моменты, перенос страстных желаний в старость, незалеченные раны, непризнанные предательства, постоянно творимая жестокость. Эллиот в («Литтл Гиддинг» из *Четырех квартетов*, London, 1944) описывает «…плоды, которыми под старость Ты сможешь увенчать свои труды».

«Один из них —…тиски переоценки
Всего, что ты содеял и кем был;

И запоздалый стыд за побужденья —
Ведь все, что ты вершил другим во благо,
Как выяснится — сделано во вред»*.

Хотя болезненные психопатологические чувства остаются с нами до конца жизни, у нас есть для них подходящее место — это *дружба*. В древности дружба рассматривалась как одно из прекраснейших достижений человека, как нечто редкое и припасенное на последнюю часть жизни. Дружба не может существовать под невидимым знаком трансформации; друзья предназначены не для того, чтобы совершенствовать друг друга, они принимают друг друга такими, какие они есть, со всеми их недостатками. Дружба предлагает чувству условия, в которых могут быть раскрыты и признаны постыдные подавленные чувства. Переживания прошлого и боль старых ран могут быть спокойно пережеваны. Даже анализ не предлагает патологическим чувствам такого теплого прибежища, как дружба.

Но и дружба остается на уровне личных чувств. А душа человека по-прежнему нуждается в *обезличенном* удовлетворении. До тех пор, пока наша культура не восстановит гармонию с главными архетипическими силами жизни — с ежедневными ритмами и временами года, пометами времени в биографии, с духом, присущим каждому месту, с предками, потомками, семьей и нацией, с историческими событиями и смертью, приняв условия Богов и Богинь, управляющих нашими судьбами, — наша чувствующая функция останется подавленной, даже патологической, в одном существенном отношении. Потому что она лишена светским миром, в котором нам суждено жить, ценностей архетипической реальности и связи с ней нашего существования.

* Перевод С. Степанова (Т.С. Эллиот, «Избранная поэзия», Санкт-Петербург «Северо-Запад», 1994, стр. 96).

Литература для дальнейшего чтения

Глава I

1. H. M. Gardiner, R. C. Metcalf, J. G. Beebe-Center, Feeling and Emotions: A History of Theories (New York, 1937).
2. Feeling and Emotions: The Wittenberg Symposium, ed. M. Reymert (Clark University, 1928).
3. Feeling and Emotions: The Mooseheart Symposium, ed. M. Reymert (New York, 1937: McGraw-Hill, 1950).
4. Feeling and Emotions: The Loyola Symposium, ed. M. B. Arnold (New York and London: Academic Press, 1970).
5. J. Hillman, Emotion: A Comprehensive Phenomenology of Theories and Their Meanings for Therapy (London and Evanston, 1960/1964).
6. T. S. Eliot, Four Quartets (London, 1944).

Глава II

7. Psycological Types, 6-й том The Collected Works, содержит все написанное Юнгом по типологии. The Collected Works переведены на английский язык R. F. Hull, edited by H. Read, M. Fordham, G. Adler, and Wm. McGuire, изданы Princeton University Press (Princeton, 1953 ff.) и в Великобритании Routledge and Kegan Paul (London). Ссылки на русский перевод даны по изданию: Карл Густав Юнг «Психологические типы», «Университетская книга» АСТ. М.: 1996.

Глава III

8. Journal of Analytical Psychology 13/1 (1968): статьи I. N. Marshall; H. Mann, M. Siegler, H. Osmond; H. G. Richek; O. H. Brown.
9. Journal of Analytical Psychology 9/2 (1964): статья K. Bradway.
10. Было много иногда довольно странных попыток отыскать чувствующих типов среди исторических лиц или героев литературных произведений или определить тип человека с помощью тестов, а также связать чувствующую функцию с определенными стилями. Вот некоторые примеры таких работ:
11. A. Agrisse, Psychoanalyse de la Grece antique (Paris, 1960) — автор считает, что чувствующая функция отражается в культе Диониcия, Боги Олимпа символизируют экстраверсию, а Деметра — функцию ощущения;

12. W. P. Witcutt, Blake: A Psychological Study (London, 1946) — автор относит Блейка к интровертным интуитивам и обсуждает его чувствующую функцию;
13. H Read, Education through Art (London, 1943) — автор обсуждает характерные черты рисунков и живописных работ, выполненных детьми чувствующего типа.
14. Определение типов с помощью тестов см. в работе H. Gray and J. Wheelwright и в Myers-Brigg Type Indicator (1962), который можно получить в Educational Testing Services (Princeton, New Jersey). Обзор литературы и данные по валидности этих типологических тестов можно найти в статье «Оценка некоторых структурных свойств юнговской личностной типологии»: L. J. Strieker, J. Ross Journal of Abnormal Social Psychology 68 (1964).

Глава V

15. C. G. Jung, «Psychological Aspects of the Mother Archetype», CW 9,i.
16. E. Neumann, The Great Mother (London, 1955).
17. M. E. Harding, Woman's Mysteries (Pantheon, 1955).
18. J. Hillman, «Friends and Enemies», Harvest 8 (1962): 1—22.
19. A. Guggenbuhl-Craig, «Must Analysis Fail through Its Destructive Aspect?» Spring 1970: 133—45.

Глава VI

20. C. G. Jung, «Anima and Animus,» in CW7; «The Syzygy: Anima and Animus,» in CW9, ii; «Concerning the Archetypes, with Special Reference to the Anima Concept», in CW 9, i; «An Account of the Transference Phenomena Based on the Illustrations to the ‘Rosarium philosophorum», in CW 16.
21. Emma Jung, Animus and Anima (Spring Publications, 1957).
22. Frances Wickes, The Inner World of Choice (New York,1963; third edition, Boston: Sigo Press, 1988), ch. 11,12.
23. Linda Fierz-David, The Dream of Poliphilio, Bollingen Series (New York Pantheon, 1950; reissued, Dallas: Spring Publications, 1987).
24. J. Hillman, Insearch: Psychology and Religion (New York: Charles Scribner's Sons, 1967; reissued, Dallas: Spring Publications, 1979), ch. 4.
25. E. C. Whitmont, The Symbolic Qwest (New York: G. P. Putman's Sons, 1969), ch. 12.

Содержание

*Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й
либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5
для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10″*

Научное электронное издание

Мария-Луиза фон Франц
Джеймс Хиллман

ЛЕКЦИИ ПО ЮНГОВСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Подписано к использованию 21.02.2018
Формат 13,5×20,0 см
Гарнитура Minion Pro

ООО Издательство
«Институт общегуманитарных исследований»
119071, Москва, Ленинский проспект, д. 18

Электронная версия данной книги подготовлена
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»

Сайт: http://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru